

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2019 № 2 (22)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки))
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский университет, 2019

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva, Ph.D, Ass.prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Stanislaw Gajda, Ph.D, Prof. (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0002-2288-9723>

Olena I. Goroshko, Ph.D, Prof. (Kharkov, Ukraine), <https://orcid.org/0000-0003-0235-6839>

Vladimir I. Karasik, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Robin Lakoff, Ph.D, Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D, Prof. (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan, Ph.D, Prof. (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Valentina A. Maslova, Ph.D, Prof. (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0002-7856-0396>

Mei Huang, Ph.D, Prof. (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki, Ph.D, Prof. (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman, Ph.D, Prof. (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova, Ph.D, Prof. (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Bert Peeters, Ph.D, Prof. (Canberra, Australia), <https://orcid.org/0000-0001-8422-4156>

Valeri V. Prozorov, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr, Ph.D, Prof. (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D, Prof. (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Vladimir A. Salimovsky, Ph.D, Prof. (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Olga B. Sirotina, Ph.D, Prof. (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D, Prof. (Krasnoyarsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-0171-596X>

Tat'yana I. Steksova, Ph.D, Prof. (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina, Ph.D, Prof. (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Maria Yelenevskaya, Ph.D, Prof. (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- Д. А. Девяткин,**
Л. А. Каджая,
В. А. Салимовский
Москва, Пермь, Россия
- Жанры речи как объект компьютерного анализа
(на материале научных текстов) 86
- Е. А. Пономаренко**
Симферополь, Россия
- Типологическая классификация речевых жанров
институционального дискурса 105

Исследования отдельных жанров

- М. А. Ширинкина**
Пермь, Россия
- Жанры письменного дискурса исполнительной власти 110
- Н. А. Кубракова**
Саратов, Россия
- Мотивационное письмо как жанр академического
дискурса (на материале английского языка) 119
- К. А. Старостин**
Красноярск, Россия
- Вербализация желаний сибиряков-комбатантов
в письмах с фронта времён Великой Отечественной
войны (на материале писем мобилизованных на фронт
жителей Красноярского края) 126

Жанры в художественном творчестве

- Н. И. Павлова**
Саратов, Россия
- Речевые жанры в коммуникации «врач – пациент»
в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» 134

Жанры СМИ

- Р. Д. Урунова**
Казань, Россия
- К вопросу о способах авторизации текстов и жанрах СМИ 143

Интернет-жанры

- В. И. Карасик**
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай
- Инструктивы в сетевом дискурсе 148

Рецензии. Обзоры. Хроника

- О. А. Кострова**
Самара, Россия
- Принципы и практика контрастивного анализа жанров
речевой коммуникации: Рецензия на монографию
В. Гладрова и Е. Которовой «Sprachhandlungsmuster
im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung
(Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)» 154

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Dmitry A. Devyatkin,**
Liudmila A. Kadzhaya,
Vladimir A. Salimovsky
Moscow, Perm, Russia
- Speech Genres as an Object of Computer Analysis
(Based on Academic Texts)..... 86
- Elena A. Ponomarenko**
Simferopol, Russia
- The Classification of Speech Genres
of Institutional Discourse 105

Studies of Individual Genres

- Marya A. Shirinkina**
Perm, Russia
- Genres of Written Discourse of the Executive Branch..... 110
- Natalya A. Kubrakova**
Saratov, Russia
- Personal Statement as a Genre of Academic Discourse
in English..... 119
- Konstantin A. Starostin**
Krasnoyarsk, Russia
- The Verbalization of the Siberians Combatants' Wishes
Used in Letters From the Front in the Days of the Great
Patriotic War (Based on the Letters of Krasnoyarsk Territory
Citizens Mobilized to the Front)..... 126

Genres in Art

- Natalia I. Pavlova**
Saratov, Russia
- Speech Genres in the Communication "Doctor – Patient"
in the Novel by B. L. Pasternak "Doctor Zhivago"..... 134

Genres of Mass Media

- Raisa D. Urunova**
Kazan, Russia
- To the Question of the Authorization of Texts
and Genres of media..... 143

Internet Genres

- Vladimir I. Karasik**
Moscow, Russia
Tianjin, Chine
- Instructives in Network Discourse 148

Reviews. Chronicle

- Olga A. Kostrova**
Samara, Russia
- Contrastive Analysis of Speech Communication
Genres: Principles and Practice Book Review:
W. Gladrow, E. Kotorova «Speech Act Patterns
in Russian and in German: A Contrastive Presentation
(Berlin: Peter Lang, 2018. 404 p.)» 154

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'38:004.912

ББК 81.1.22.18

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

Д. А. Девяткин,
Л. А. Каджая,
В. А. Салимовский
Москва, Пермь, Россия

Dmitry A. Devyatkin,
Liudmila A. Kadzhaya,
Vladimir A. Salimovsky
Moscow, Perm, Russia

**Жанры речи как объект компьютерного
анализа (на материале научных текстов)**

**Speech Genres as an Object of Computer Analysis
(Based on Academic Texts)**

В статье обосновывается положение о том, что жанр речи как относительно устойчивая форма ментальной деятельности, реализуемая в тексте, может рассматриваться в качестве объекта когнитивного моделирования.

Проведен обзор концепций дискурса, используемых в компьютерном анализе текстов. Показана применимость для этого анализа основных положений функциональной стилистики, изучающей организацию текста определенной сферы общения под влиянием экстралингвистических факторов (прежде всего вида деятельности и формы сознания) и исследующей содержательно-смысловую и языковую планы речевого произведения в их единстве. Категория речевой системности, базовая для этого направления исследований, распространена на жанровый уровень абстракции. В сопоставительном плане охарактеризованы коммуникативно-грамматический и функционально-стилистический подходы к описанию системности речи. Сделан вывод об их взаимодополнительности.

Предложен демонстрационный анализ одного из жанров научной коммуникации – сообщения об эмпирической закономерности причинно-следственного типа. Его смысловая структура описана как совокупность ментальных операций, объединенных общей целеустановкой. Показано, что речевое воплощение ментальных операций характеризуется набором лексических, морфологических и синтаксико-семантических признаков, которые могут быть формализованы и агрегированы с помощью неоднородных семантических сетей, построенных в соответствии с реляционно-ситуационной моделью текста и дополненных узлами и связями, отражающими синтаксическую структуру предположений.

Проведенное исследование демонстрирует успешное решение задачи выявления типовых ментальных операций, конституирующих жанровую форму текста.

Ключевые слова: жанр речи, дискурс, функциональная стилистика, компьютерный анализ текста, научный текст, речевая системность, реляционно-ситуационный метод, ментально-речевая операция.

This paper presents the proposition that a speech genre as a relatively stable form of mental activity implemented in the text can be considered an object of cognitive modeling.

The article contains a review of discourse concepts used in the computer text analysis. For the latter, we show the applicability of the main propositions of functional stylistics that studies the text organization of a certain sphere of communication under the influence of extra-linguistic factors (primarily the type of activity and form of consciousness) and explores the content-semantic and linguistic planes of a text in their unity. The basic for this area of research category of speech system is extends to the genre level of abstraction. Communicative-grammatical and functional-stylistic approaches to the description of speech system are characterized comparatively. It is concluded that these approaches are complementary.

In this paper, we demonstrate the analysis of one of the genres of academic communication – a report on the empirical regularity of cause-and-effect type. Its semantic structure is described as a set of mental operations united by a common goal. It is argued that speech embodiment of mental operations is characterized by a set of lexical, morphological and syntactic-semantic features that can be formalized and aggregated by means of heterogeneous semantic networks built in accordance with the relational-situational text model and supplemented with nodes and links reflecting the syntactic structure of sentences.

The research successfully solves the problem of identifying typical mental operations that constitute a text genre form.

Keywords: speech genre, discourse, functional stylistics, computer analysis of texts, academic text, speech system, relational-situational method, mental-speech operation.

Сведения об авторах: Десяткин Дмитрий Алексеевич, младший научный сотрудник лаборатории «Интеллектуальные технологии и системы».

Место работы: Институт системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, Москва.

E-mail: devyatkin@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0811-725X>

Каджая Людмила Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка профессиональной коммуникации.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: kadzhasya@psu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1275-9463>

Салимовский Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: salimovskiy@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

About the authors: Devyatkin Dmitry Alekseevich, Junior Research Fellow of the Laboratory “Intelligent technologies and systems”.

Place of employment: Institute of system analysis of the Federal Research Centre “Computer Science and Management” RAS, Moscow.

E-mail: devyatkin@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0811-725X>

Kadzhasya Liudmila Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English for Occupational Purposes.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: kadzhasya@psu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1275-9463>

Salimovskiy Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor of the Journalism and Mass Communications Department.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: salimovskiy@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

1. Исходные положения

В лингвистической философии М. М. Бахтина проблема речевых жанров неотделима от проблематики соотношения сознания и речи. Ключевые положения своей жанроведческой теории М. М. Бахтин, как известно, сформулировал в полемике с Ф. де Соссюром, с одной стороны, и основателями школы эстетического идеализма К. Фосслером и Л. Шпитцером – с другой. Серьезным недостатком соссюровской теории М. М. Бахтин считал «разрыв между языком и его идеологическим наполнением», т. е. сознанием членов социума [1:77]. В концепции же идеалистической школы он критиковал сведение воплощенного в языковой форме сознания к индивидуальной психике. Остановимся подробнее на споре М. М. Бахтина с представителями идеалистической школы, приводя те выдержки из работ ученого, в которых эксплицируется идея речевого жанра.

Фосслеровскому пониманию речевого творчества как индивидуального духовного выражения М. М. Бахтин противопоставляет мысль о социальной сущности мышления и речи: «Теория выражения, какие бы сложные и тонкие формы она ни принимала, неизбежно предполагает... что выражаемое может как-то сложиться и существовать помимо выражения» [1: 92]. Между тем «мышление вне установки на возможное выражение и, следовательно, вне социальной ориентированности этого выражения и самого мышления – не существует... Переживание с самого начала установлено на вполне актуализированное

внешнее выражение, тендирует к нему... Можно сказать, что не столько выражение приспособляется к нашему внутреннему миру, сколько наш внутренний мир приспособляется к возможностям нашего выражения и его возможным путям и направлениям» [1: 98–99].

Мысль о приспособлении внутреннего мира человека к возможностям речевого выражения позднее развивается М. М. Бахтиным в трактовке речевого жанра как формы духовной (ментальной) деятельности, воплощаемой в речевом высказывании (тексте): «Речевой замысел говорящего, со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» <...> «Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим...» [2: 257].

Речевые жанры, отмечает далее М. М. Бахтин, дифференцированы по сферам деятельности и общения. Каждая такая сфера «по-своему ориентируется в действительности и по-своему ее преломляет...» [1: 15]. Поэтому при исследовании жанров необходимо учитывать данные различных наук об идеологическом (знаковом) творчестве – науковедения, литературоведения, религиоведения и др. [1]. Иначе говоря, жанроведческий анализ по своей сути является междисциплинарным.

Исходя из этих положений М. М. Бахтина, будем понимать жанры речи как относительно

устойчивые формы духовной социокультурной деятельности (осуществляемой в бытовых ситуациях, научной, художественной, политической, религиозной и других сферах) на ступени ее воплощения посредством системы речевых действий в тексте как единице общения [3]¹.

Мы опираемся также на положения общепсихологической теории деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев), во многом близкой позиции М. М. Бахтина [6, 7]. Особенно значима для нас характеристика строения деятельности, содержащая, в частности, определение понятий операции и задачи. «Действие, – писал А. Н. Леонтьев, – имеет и свой операционный аспект... который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющееся действие отвечает задаче; задача – это и есть цель, данная в определенных условиях» [8: 107]. «Операции представляют собой как бы чисто "технический" состав действий, который всегда может быть формализован, экстерниоризован и, следовательно, передан машине» [9: 6–7]. В дальнейшем мы будем уделять внимание главным образом операциональному аспекту ментально-речевого действия.

Используемый нами метод выявления и систематизации речевых жанров той или иной коммуникативной сферы состоит в «проецировании» структуры соответствующего вида познавательно-коммуникативной деятельности на массив текстов, в которых эта деятельность воплощается, и последующем соотношении общей целеустановки (замысла) рассматриваемого текста с определенным участком данной структуры. В результате обнаруживаются тексты, реализующие один и тот же устойчивый набор ментальных действий и, следовательно, образующие некоторый текстотип (речевой жанр). Последующий анализ текста состоит в выделении из его общей целеустановки более частных целей, реализующих частные действия, вплоть до ментальных операций, воплощаемых в отдельных актах речи, и в установлении набора языковых и речевых средств, объективирующих эти операции [3, 10].

Необходимой предпосылкой и логико-психологическим основанием нашего исследова-

ния являются сведения о генетической структуре процесса научного творчества [11, 12, 13 и др.]. Ее модель, предполагающая высокий уровень обобщения, включает этапы осмысления проблемной ситуации, постановки проблемы, выдвижения гипотезы, ее верификации, установления закона. Последующая разработка проблематики моделирования научно-познавательного процесса состояла во все более детальном его анализе. Показательна, например, общая унифицированная схема А. С. Майданова [11], в которой представлены этапы 1) возникновения проблемной ситуации, 2) подготовительный, 3) поисковый, 4) верификационный, 5) логической реконструкции порождающей структуры, 6) развития полученного результата, 7) позиционный. Поисковый этап, в свою очередь, описывается как последовательность фаз и стадий. Наиболее детализированные схемы процесса познания охватывают десятки типовых познавательных действий [14]. Причем модели, относящиеся к отдельным наукам, многократно увеличивают эту детализацию.

Ранее в соответствии с охарактеризованной методикой мы выделили и проанализировали ряд речевых жанров: «описание нового для науки явления», «классификационный текст», «сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа», «постановочный теоретический текст», «экспликация научного понятия», «верификационный текст (проверка теории экспериментальным методом)» [3]. Были изучены также речевые жанры текстов одной из научных дисциплин [10]².

Есть основания думать, что модели процесса научного познания могут стать базой для когнитивного моделирования как одного из ведущих направлений искусственного интеллекта [16]. На это указывают и сами создатели таких моделей. Как считает А. С. Майданов, исследования по психологии мышления, логике и методологии научного творчества помогают установить сложный, но конечный состав правил переработки информации [11: 8]. А. И. Ракитов полагает, что науку под определенным углом зрения можно рассматривать как когнитивную машину по выработке новых научных знаний [17: 111].

¹Это определение речевого жанра подчеркивает мысль о воспроизведении социокультурной деятельности по исторически заданным основаниям, а именно в процессе реализации исторически сложившихся форм (схем, стереотипов, матриц, алгоритмов) как необходимой опоры для творчества [4]. Отметим, что, поскольку социальная деятельность осуществляется взаимодействием участвующих в ней членов общества, приведенная дефиниция хорошо согласуется с пониманием речевого жанра как «вербального оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей» [5: 6]. При этом мы делаем акцент на изучении воплощения в жанрах общественного сознания (в терминологии М. М. Бахтина – «жизненной идеологии» и «сложившихся идеологических систем»).

²Охарактеризованный общий подход к изучению речевых жанров представлен и в исследовании текстов политико-идеологической сферы общения [15].

Важно учитывать, что познавательная деятельность, моделируемая в исследованиях научного творчества, скрыта от прямого внешнего наблюдения. Доступ к ней возможен только через материализованные формы объективации [18]. Основной такой формой является научный текст. Поэтому анализ языковой организации текстов становится предпосылкой компьютерного моделирования объективируемых в них когнитивных процессов.

Прежде чем оценить применимость для автоматической обработки текстов предложенного подхода к исследованию речевых жанров, кратко охарактеризуем некоторые концепции дискурсного анализа и генологии, используемые сегодня при решении этой задачи.

2. Организация дискурса в трактовке теории риторической структуры

Понятийный аппарат этой теории, разработанной в 1980-е гг. американскими лингвистами У. Манном и С. Томпсон [19, 20], широко используется в исследованиях по автоматическому порождению текстов. Объектом этой теории является дискурс как связанное и целостное образование (текст). Основным предмет изучения – риторические, или функционально-семантические, отношения³, соединяющие дискурсивные единицы разного размера. Элементарные дискурсивные единицы – клаузы (предикации) – включаются в состав все более крупных единиц, вплоть до непосредственных составляющих текста. В риторических отношениях дискурсивные единицы могут выступать в роли ядра или сателлита, что определяет схемы этих отношений: асимметричные (ядро – сателлит) или симметричные (ядро – ядро), бинарные или поликомпонентные. Различаются объектные и презентационные риторические отношения. Первые характеризуют положение дел в реальном мире. Предполагаемый эффект их выражения заключается в том, что читатель распознает отношение. Вторые представляют события в дискурсе. Эффект их выражения состоит в усилении положительного отношения читателя к сообщаемой информации.

Набор риторических отношений один и тот же для единиц любого размера. Как подчеркивают авторы, список этих отношений, установленных в результате анализа большого количества текстов различной жанровой принадлежности (рекламных объявлений, личных писем, политических эссе, научных

рефератов и др.), не является закрытым и может быть расширен и уточнен при обращении к текстам с еще не учтенными жанрово-стилистическими особенностями. Основной состав отношений образуют:

- [объектные отношения] Elaboration (Детализация), Circumstance (Обстоятельство), Solutionhood (Решение), Volitional Cause (Волитивная причина), Volitional Result (Волитивный результат), Non-Volitional Cause (Неволитивная причина), Non-Volitional Result (Неволитивный результат), Purpose (Цель), Condition (Условие), Otherwise (Альтернатива), Interpretation (Интерпретация), Evaluation (Оценка), Restatement (Переформулировка), Summary (Резюме), Sequence (Последовательность), Contrast (Противопоставление);
- [презентационные отношения] Motivation (Мотивация), Antithesis (Антитезис), Background (Фон), Enablement (Обеспечение возможности), Evidence (Свидетельство), Justify (Обоснование), Concession (Уступка) и некоторые другие⁴.

Иерархическая структура риторических отношений в дискурсе отображается в виде графа (рисунок). Приведем иллюстрацию У. Манна и С. Томпсон, рассматривающих текст рекламы компьютерных дискет из журнала BYTE:

1. What if you're having to clean floppy drive heads too often? (Что делать, если вам нужно слишком часто чистить головки дисководов гибких дисков?)

2. Ask for Syncom diskettes, with burnished Ectype coating and dustabsorbing jacket liners. (Просите дискеты Syncom с полированным покрытием Ectype и пылезащитными кожухами.)

3. As your floppy drive writes or reads, (Когда ваш флоппи-дисковод пишет или читает.)

4. a Syncom diskette is working four ways, (дискета Syncom работает четырьмя способами,)

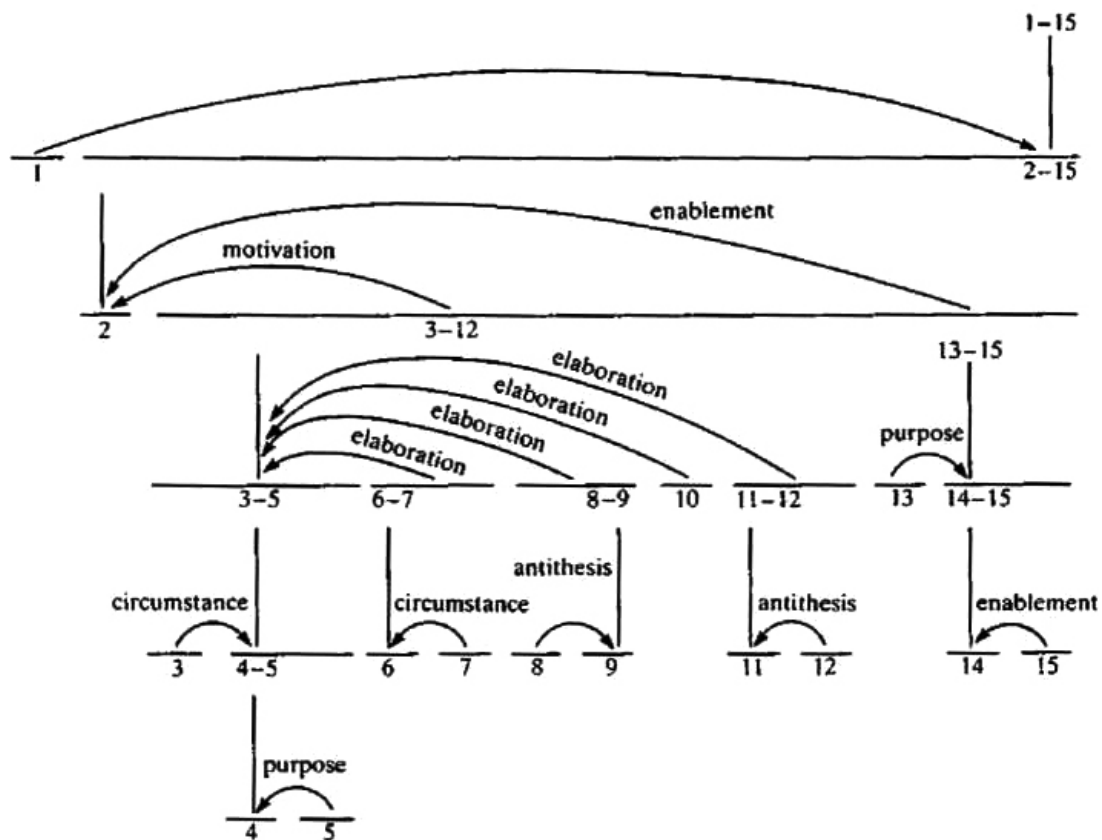
5. to keep loose particles and dust from causing soft errors, drop-outs. (чтобы следить за частицами и пылью, которые не должны вызывать сбоя, выпадений сигнала.)

6. Cleaning agents on the burnished surface of the Ectype, (Чистящие вкрапления на полированной поверхности Ectype фактически удаляют нарост со считывающей головки.)

7. while lubricating it at the same time. (одновременно смазывая его.)

³Термин «риторические отношения», очевидно, связан с лингвистической традицией, в которой грамматику как описание системы языка противопоставляют риторике или стилистике, изучающим языковое употребление (текст, дискурс). Данный термин подчеркивает текстовый характер изучаемых семантических отношений.

⁴Развернутый анализ понятийного аппарата теории риторической структуры см. в [21, 22, 23].

Иерархическая структура риторических отношений в дискурсе [19: 261]

Hierarchy structure of rhetorical relations in discourse [19: 261]

8. A carbon additive drains away static electricity, (Углеродная добавка снимает статическое электричество.)

9. before it can attract dust or lint. (прежде чем он сможет притянуть пыль или ворс.)

10. Strong binders hold the signal-carrying oxides tightly within the coating. (Сильные связующие вещества крепко удерживают оксиды, несущие сигнал, внутри покрытия.)

11 a. And the non-woven jacket liner, (Нетканый защитный вкладыш.)

12. more than just wiping the surface, (не просто вытирает поверхность.)

11b. provides thousands of tiny pockets to keep what it collects. (он обеспечивает тысячи крошечных кармашков, чтобы сохранить то, что собирает.)

13. To see which Syncom diskette will replace the ones you're using now, (Чтобы увидеть, какая дискета Syncom заменит те, которые вы используете сейчас.)

14. send for our free 'Flexi-Finder' selection guide and the name of the supplier nearest you. (отправьте указатель и название ближайшего к вам поставщика для нашего бесплатного Flexi-Finder.)

Риторические отношения между дискурсивными единицами, как и другие семантические явления, нередко могут интерпретироваться по-разному. Поэтому возможны варианты в построении графа.

В большинстве случаев различные отношения не маркируются какими-либо языковыми формами, так как они входят в состав ситуативной пресуппозиции. Это создает значительные трудности для автоматической генерации текста.

В когнитивном плане функционально-семантические отношения характеризуют речевое мышление как относительно автономную область функционирования сознания⁵. Нужно отметить, что их анализ помогает реконструировать когнитивные процессы при использо-

⁵Под речевым мышлением мы понимаем психологическую сторону речепорождения, которое «движется от элементов сознания к речи и представляет собой процесс “развертывания” латентных знаний в речевые формы» [24: 126]. Ср. психолингвистические модели порождения высказывания и текста [25, 26 и др.].

вании языка в реальном времени – такие, как проявления рабочей памяти, фокусирование внимания, забывание и др. [21]. Однако структура дискурса отделена в данной теории от его экстралингвистической основы, в том числе от познавательных процессов в той или иной сфере деятельности, тогда как текстопорождение неразрывно связано задачами деятельности, которой оно подчинено⁶. Возможно, поэтому объектом изучения все чаще становятся риторические структуры текстотипов (жанров) различных областей социокультурной деятельности.

3. Элементы жанроведческой теории в компьютерном анализе научных текстов

Среди жанроведческих работ, используемых в автоматическом анализе дискурса, выделяются исследования американского лингвиста Дж. Свейлза [28, 29, 30 и др.]. Жанр определяется им как «класс коммуникативных событий, участники которых имеют общие коммуникативные цели» [28: 58]. Понятие коммуникативного события автор относит к деятельности, в которой речь играет основную или значительную роль, в отличие от невербальной деятельности, а также от деятельности, в которой значение речи второстепенно, – от физкультурных упражнений, домашней хозяйственной работы и др. При этом указанным понятием охватывается не только акт взаимодействия общающихся людей и реализующий или обслуживающий это взаимодействие дискурс как таковой, но и культурно-историческая среда существования дискурса.

Участники коммуникативных событий, объединяемые целями деятельности, интересами, знаниями, нормами обмена информацией, образуют дискурсивные сообщества (например, академическое сообщество, сообщество педагогов начальной школы, группы людей с тем или иным хобби). Коммуникация в дискурсивном сообществе осуществляется в соответствии со сложившимися традициями и нормами. Сообщество использует определенный набор жанров, который эволюционирует в меняющемся общественно-историческом контексте.

Основной объект исследований Дж. Свейлза – жанры научной коммуникации. По отношению к вводной части научной статьи он разработал жанрово-риторическую модель «создания исследовательского пространства» (Create a Research Space), предполагающую

совершение риторических действий, каждое из которых состоит из нескольких элементов. Этими действиями автор научной публикации эксплицирует свой речевой замысел [28: 140–145]:

Действие 1. Описание эпистемического контекста предпринимаемого исследования.

1.1. Указание на актуальность темы и/или

1.2. Обобщение темы исследования (экспликация связи темы с более общей проблематикой)

и/или

1.3. Сообщение о других исследованиях в данной области знания.

Действие 2. Определение поисковой «ниши». (Существует «открытая ниша» предпринимаемого исследования, которую необходимо заполнить новым знанием. Есть четыре способа характеристики этой «ниши»):

1/ критика (указание на недостатки),

2/ указание на явный пробел в исследовании,

3/ постановка вопроса,

4/ экспликация связи с исследовательской традицией.

Действие 3. Заполнение «ниши» собственным знанием:

3.1. Определение цели(ей).

3.2. Общая характеристика исследования.

3.3. Ожидаемые результаты исследования.

3.4. Описание структуры статьи⁷.

В условиях тесного взаимодействия жанроведения с другими научными направлениями, в частности с неориторикой, теорией аргументации, дискурсивным анализом, моделируемое Дж. Свейлзом «исследовательское пространство» стало осмысливаться как одна из наиболее важных зон аргументации научного текста и описываться с использованием понятийного аппарата теории риторической структуры.

С этих позиций был предложен новый подход к автоматическому реферированию научных публикаций [32, 33, 34 и др.]. Его суть заключается в том, что предложения для текста аннотации устанавливаются с учетом их места в риторической организации вводной части научной статьи. При этом принимается во внимание не только последовательность риторических действий, но в ряде случаев и функционально-семантические отношения

⁶Как писал А. А. Леонтьев, речевая деятельность «почти всегда предполагает известную неречевую цель. Высказывание, как правило, появляется для чего-то... Иными словами, речь включается как составная часть в деятельность более высокого порядка» [27: 25].

⁷Заметим, что нормы организации исследовательского пространства оставляют возможность свободно варьировать построение зачина научной статьи [31].

между высказываниями, являющимися носителями этих действий.

В соответствии с данными представлениями были созданы схемы аннотации, основывающиеся на изучении риторических действий *Введения*, с установкой на выделение предложений и в других разделах научной статьи. Так, схема С. Теуфель и др. [32] образована семью категориями. Три из них характеризуют авторство научных идей и решений: Предыстория (Background), Сообщение об утверждениях других исследователей (Other), Оригинальные утверждения автора (Own). Еще четыре категории привлечены из модели Дж. Свейлза: Цель, Структура, Основание и Контраст. Модифицируя эту схему, Й. Мизута и Н. Колье [35] выделяют семь категорий и четыре подкатегории. Ими являются: Предыстория, Проблема, План, Структура, Исследование (включающее Метод, Результат, Интерпретацию, Следствие), Согласованность и Несогласованность полученных результатов с общепринятым научным знанием. М. Ляката [33] предлагает схему, содержащую одиннадцать категорий – Гипотезу, Мотивацию, Цель, Объект, Предысторию, Метод, Эксперимент, Модель, Наблюдения, Результат, Заключение. Ср. другие, во многом аналогичные, схемы [36, 37, 38 и др.].

В этих работах по автоматическому реферированию научных текстов не ставится задача изучения организации речевого произведения в ее детерминированности познавательным процессом. Усилия лингвистов, создающих схемы аннотаций, направлены на установление состава только тех действий (риторических шагов), которые позволяют автору-ученому наилучшим образом представить читателям результаты своего исследования. Выбор категорий определяется прикладной целью реферирования текстов. Влияют на него и особенности изучаемого материала (статей естественно-научных или гуманитарных, относящихся к тем или иным научным дисциплинам, публикуемых в журналах разного формата).

Деятельностный подход к изучению жанров реализован и в описании композиционных особенностей научно-речевых произведений. Так, в монографии Дж. Пароди и др. [39] две главы специально посвящены рассмотрению структуры жанров учебника и академической статьи. Методика анализа заключается в том, что у каждого раздела текста определяется специфическая функция и соответствующее ей риторическое действие, направленное на реализацию общей коммуникативной цели жанра. Например, предисловие к учебнику предполагает «контекстуализацию» (краткое описание содержания книги), приобщение чи-

тателя к теме и выражение благодарности издателям и коллегам. Вводный раздел содержит презентацию учебника, т. е. комментарий к его концепции, цели и задачам. В главах учебника содержится описание и объяснение процессов и явлений действительности.

По мнению авторов указанной монографии, риторическая организация научного академического текста (academic discourse) определяется тремя макродействиями – продуцированием преамбулы, собственно исследованием и сообщением дополнительной информации, из которых выделяются менее обобщенные действия. Преамбула представляет содержание работы, объясняет мотив и обстоятельства ее написания. Исследование заключается в анализе проблемы, обосновании ее значимости (во введении), изложении авторской точки зрения (в основной части). В приложении содержится дополнительная информация.

Вполне очевидно, что изучения функций композиционных частей учебника, научной статьи или монографии совершенно недостаточно для определения системы ментальных действий и операций, воплощаемых в тексте. В большей степени этой задаче соответствует модель исследовательского пространства Дж. Свейлза, но она, как указывалось, охватывает лишь вводную часть научно-речевого произведения.

Перспективы исследования жанров научной коммуникации Дж. Пароди связывает с целенаправленным изучением лексико-грамматических особенностей текста как маркеров речевых действий. «Остается открытой возможность, – констатирует он, – углубленного изучения лексико-грамматических признаков для автоматических классификаторов различий, обнаруживаемых в определенных жанрах...» [39: 237].

Решению этой задачи, как мы постараемся показать, способствует функционально-стилистический подход к анализу текста.

4. Изучение организации речи в функциональной стилистике

В отечественном языкознании речь становится специальным предметом исследования на рубеже 1960–70-х гг., причем рассматривается она в единстве с психологическими и социальными факторами, т. е. как дискурс в широком значении термина. Сложившиеся в это время две ведущие речеведческие концепции – теория речевой деятельности (психолингвистика) и функциональная стилистика – одинаково исходят из мысли о том, что речь, как правило, включена в тот или иной вид неречевой деятельности – материальной или духовной. В то время как психолингви-

стика сосредоточилась на анализе языковой способности человека в ее отношении к речевой деятельности и к системе языка, основной проблематикой функциональной стилистики стала обусловленность организации речи комплексом экстралингвистических факторов, прежде всего определенным видом социальной деятельности и соответствующей формой сознания. Отсюда установка лингвистов на изучение речи как действительного практического сознания. Вербальный текст, согласно обеим указанным концепциям, представляет собой «внешнюю форму существования образов и структур сознания» [40: 86].

Базовой категорией функциональной стилистики является понятие речевой системности. М. Н. Кожина определила его так: «Речевая системность функционального стиля – это взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания...» [41: 115–116]. При описании макростилей коммуникативное задание рассматривается на соответствующем этому объекту уровне абстракции – как назначение речевой деятельности в определенной сфере общения. Ориентация на коммуникативные сферы, выделенные по их соотносительности с той или иной формой общественного сознания, объясняется тем, что они, как подчеркивала М. Н. Кожина, являются «особенно социально значимыми, в достаточной мере строго очерченными и в своей сущности (!) неизменными. С ними связаны давние традиции языкового употребления... Именно в них формируются более или менее строгие, более или менее специфичные, более или менее устойчивые, обязательные и образцовые принципы отбора и сочетания языковых единиц, которые определяют в каждой из сфер своеобразную организацию речи» [42: 30].

Социально-философская категория общественного сознания адаптируется сегодня к задачам стилистического анализа введением понятия о частных картинах мира – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной, публицистической [43, 44, 45], языковым воплощением которых являются макростили.

С 1980–90-х гг. в фокусе внимания лингвистов оказываются закономерности построения целого текста⁸. Произведения всех основных сфер общения изучаются в аспекте текстовых категорий темы, цепочки хода мысли, тональности, оценочности, локальности,

темпоральности, композиции [49]. При рассмотрении научного текста целенаправленно анализируются особенности его организации в их обусловленности познавательной деятельностью ученого. Установлено, что структура содержательно-смыслового плана текста определяется «природой самого знания и законов познания и творчества, в частности, этапов (фаз) научной деятельности; развитием науки по законам “отрицания отрицания” и “преемственности знания”, природой не только логического мышления, но и интуитивных решений...» [50: 10].

Концепция стилистико-речевой системности получает развитие в жанроведении [3, 51, 52 и др.]. Исходным положением исследования становится мысль М. М. Бахтина о том, что функциональные стили «есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» [2: 241]. Взаимосвязь разноуровневых языковых единиц на текстовой плоскости рассматривается теперь в ее обусловленности не только назначением речевой деятельности в той или иной сфере коммуникации, но и – со снижением уровня абстракции – жанровой целеустановкой, т. е. замыслом автора, складывающимся и развивающимся в определенной жанровой форме.

В результате углубляется понимание системности речи. По справедливому замечанию А. Н. Васильевой, «на каждой последующей “ступени вниз” усложняются понятия и речевой системности, и стилистической окраски, и стиля» [53: 42].

Рассмотрим один из жанров научной коммуникации – сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа [3]. Его выбор объясняется тем, что в последнее время к каузальным связям проявляют повышенный интерес лингвисты, изучающие семантику риторических отношений и средства их маркирования [23, 54, 55 и др.]. Исследователи констатируют нерешенность задачи «приписывания языковых форм тому или иному риторическому отношению» [23: 135–136]. Однако эта трудность преодолевается, если ставится вопрос не исключительно о средствах связи предикаций и более крупных дискурсивных единиц, а более широко: о системности речи, воплощающей комплекс познавательных операций и различных смысловых отношений при установлении причинно-следственной закономерности. Имеет значение и то обстоятельство, что мы анализируем научную речь, характеризующуюся, как известно, подчеркнутой логичностью и установкой

⁸Теоретическим основанием этих исследований стало понимание стиля как способа осуществления деятельности, по отношению к тексту – как принципа его интеграции [46, 47, 48].

субъекта на эксплицитное выражение различных смысловых отношений.

5. Речевая системность исследуемого жанра

Конституирующими его ментально-речевыми операциями являются:

- 1) фиксация данных опыта в разных исследуемых условиях;
- 2) сопоставление и предварительная группировка данных опыта;
- 3) выявление причинно-следственной зависимости в ходе сопоставления и ранжирования опытных данных;
- 4) утверждение о наличии причинно-следственной закономерности;
- 5) нахождение условий (значений переменной), при которых достигается наилучший в практическом отношении результат;
- 6) объяснение установленной зависимости или закономерности.

Операция 1

Описание данных опыта в разных условиях наблюдения или эксперимента, как правило, осуществляется с помощью таблиц и графиков. Вербальная же репрезентация этих данных встречается очень редко. Если все-таки к ней прибегают, то наиболее характерным синтаксическим средством является предложение, в котором подлежащее называет параметр описания, сказуемое (количественное числительное или количественно-именное сочетание) указывает на значение переменной, а детерминантом обозначается сама переменная: *Средняя частотность мягкого зубного у лиц самого старшего поколения равна 0,289* (Л. П. Крысин). В единичных случаях используются и другие описательные модели.

Операция 2

Сопоставление и предварительная группировка данных осуществляется с помощью предложений:

1) $N_1 - Vf$, в которых предикатами являются глаголы *совпадать, приближаться, сближаться, отличаться, различаться, выделяться* и некоторые др.: *данные по двенадцати произведениям почти полностью совпадают с данными, полученными первоначально на материале первых четырех произведений...* (Г. А. Лесскис). Часто используются номинализованные конструкции с соответствующими отглагольными существительными: *совпадение чего-л. с чем-л., отличие чего-л. от чего-л.*;

2) $N_1 - Adj_{\text{кратк}}$ с предикатами *подобен, аналогичен, одинаков, близок, схож, однороден, отличен, различен*: *Спектры K-, Rb- и Cs-бериллов (435, 7, 352) подобны друг другу*

и близки спектру бесщелочного берилла 483 (Л. Т. Ковалева).

Сопоставление и предварительная группировка зафиксированных фактов обычно выглядит в тексте как первоначальный комментарий к таблицам, общий обзор содержащихся в них данных.

Операция 3

Выявление причинно-следственной зависимости в ходе сопоставления и ранжирования опытных данных воплощается в тексте посредством предложений:

1) $N_1 - Vf$ с предикатами *превосходить, превышать, преобладать*: *...все показатели в узком кругу значительно превышают эти же показатели испытуемых других групп* (О. П. Санникова);

2) $N_1 - Vf$ с предикатами *расти, возрастать, повышаться, увеличиваться, усиливаться, расширяться, снижаться, уменьшаться, ослабевать, сокращаться, убывать, падать, сужаться*: *Со временем величины суммарных аномалий уменьшаются* (А. А. Кубряков). Активно используются соответствующие отглагольные существительные;

3) $N_1 - Adj$, в которых предикат имеет семантику сравнения. Она может быть выражена формами сравнительной и превосходной степени или лексически. К числу наиболее часто используемых прилагательных (их форм) относятся *большой, наибольший, больше, наивысший, повышенный, выше, максимальный, меньший, наименьший, меньше, низкий, ниже, заниженный, минимальный, средний, срединный, промежуточный, одинаковый, близкий, противоположный, обратный*: *Все показатели были наибольшими в первом варианте опыта, в остальных были выше, чем в двух последних, но меньше, чем в первом* (А. П. Казей). При номинализации исходной структуры прилагательные выступают в функции определений.

Средствами объективации рассматриваемой операции являются также:

4) сложносочиненные предложения сопоставительной семантики с союзами *а, же*, союзным аналогом *в то же время*: *Пробы 1–3 окисляются на 55–80%, а пробы 1 и 5 – только на 20–35%* (Н. Г. Молева);

5) сложноподчиненные предложения с придаточными сопоставительными, присоединяемыми союзами *тогда как, в то время как, между тем как, чем...тем*: *Чем выше расположен облачный слой, тем сильнее он уменьшает восходящий поток* (И. В. Мингалев);

6) бессоюзные сложные предложения, а также сверхфразовые единства сопоставительной семантики. Им присущ параллельный

способ связи частей, зачастую предполагающий повторение слова или словосочетания, обозначающего тему (данное): *В речи москвичей процент вариантов с традиционным произношением выше, чем у...; в речи носителей литературного языка, живущих в окружении говор, значительно преобладание нового варианта* (Л. П. Крысин). *При концентрации 1 и 10 мкМ... наблюдалась стимуляция азотофиксирующей активности. При концентрации 100 мкМ... происходило некоторое снижение активности* (В. Е. Цыганов).

Характерно, кроме того, использование наречий *значительно, резко, существенно, постепенно, явно, преимущественно, несколько, вводных слов напротив, наоборот, предлогов по сравнению с (сравнительно с), свыше, частиц лишь, только.*

Операция 4

Утверждение о наличии причинно-следственной закономерности представлено предложениями $N_1 - Vf$ с предикатами:

1) *вести к чему-л., приводить к чему-л., зависеть от чего-л., определять что-л., обусловливать что-л., детерминировать что-л., вызывать что-л., порождать что-л., влечь (за собой) что-л.* Используются также возвратные глаголы: *определяться чем-л., обусловливаться чем-л.* и краткие страдательные причастия: *зависим от чего-л., обусловлен чем-л.* Примеры: *Кадмий приводит к значительному снижению азотофиксирующей активности* (В. Е. Цыганов); *Продолжительность начальных фаз вегетации и периодов развития... обусловлены среднесуточными температурами воздуха* (Г. В. Сорокина);

2) *влиять (оказывать влияние) на что-л., увеличивать что-л., уменьшать что-л., повышать что-л., снижать что-л., сокращать что-л., ускорять что-л., замедлять что-л., задерживать что-л.: ...облачные слои... влияют на поле собственного излучения атмосферы* (И. В. Мингалиев). Регулярно используются отглагольные существительные *влияние, увеличение, уменьшение* и др.;

3) *расти, возрастая, увеличиваться, уменьшаться, усиливаться, сокращаться, падать: Возбуждение плазменных вихрей усиливается при нарастании концентрации аэрозолей...* (Н. И. Ижовкина). Характерно употребление соответствующих отглагольных существительных.

Эти глаголы могут быть показателями не только четвертой, но и третьей операции. Однако в данном случае они используются в сообщении не о зависимости опытных данных от значения переменной, а об уже доказанной закономерности без «привязки» к конкретным данным.

При совершении обеих указанных операций регулярно используются также

4) сложноподчиненные предложения с союзом *чем – тем*: *...чем выше содержание окислов вандия в шкалах, тем интенсивнее идет процесс окисления* (Н. Г. Молева).

Операция 5

Условия, при которых достигается наилучший в практическом отношении результат, описываются предложениями $N_1 - Adj_{полн}$ с предикатами, часто выраженными превосходной степенью прилагательного: *(наиболее) эффективный, оптимальный, (наи)лучший, (самый) высокий, максимальный, (самый) низкий, минимальный.* При компрессии исходной субъектно-предикатной структуры указанные прилагательные выступают в роли определения. Примеры: *...оптимальной явилась концентрация кислорода в воде при температуре 20°С – 9,2 мг/л* (В. Л. Ушаков); *...наиболее эффективное ингибирование наблюдали при добавлении восстановительного глутатиона* (С. С. Смирнова).

Операция 6

При объяснении установленной зависимости или закономерности используются предложения с глаголами-предикатами *объяснить* (обычно в сочетании с предикативом *можно*), *объясняться, свидетельствовать (или говорить) о чем-л., причастиями объясним чем-л., связан с чем-л.:* *Локализацию источников вблизи средней линии можно объяснить рядом факторов* (В. М. Верхолютов). *Появление значительных количеств воды типа II в Na- и Li-бериллах связано с сильным ориентирующим действием этих ионов на воду...* (Л. Т. Ковалева)

Показателями этой операции выступают также существительные *причина, объяснение, наречия поэтому, отсюда* (в значении «из сказанного перед этим, на этом основании»), предлог *вследствие*: *Причина указанного отклонения – уменьшение концентрации электрически активных доноров* (Н. В. Басаргина), *Отсюда большое число форм настоящего* (Г. А. Лескис), *Оптимальной группа становится... вследствие повышения уровня ее развития* (Л. А. Карпенко).

Объяснение закономерности часто бывает гипотетическим, поэтому характерно использование вводных слов с семантикой предположения: *по-видимому, видимо, очевидно, вероятно, на наш взгляд* и др.: *Это объясняется, по-видимому, тем, что...* (Л. П. Крысин).

Выявленные нами показатели речевого жанра «Сообщение об эмпирической закономерности причинно-следственного типа», если рассматривать каждый из них в отдельности,

представлены, конечно, и в других речевых жанрах, но суммарно при регулярной их повторяемости – только в проанализированном жанре.

Сочетаемость высказываний, объективирующих те или иные ментальные операции, а также их расположение на текстовой плоскости определяется логикой познавательного процесса: от фиксации данных наблюдения (операция 1) к их сопоставлению и предварительной группировке (операция 2), затем к их ранжированию при поиске причинно-следственной зависимости (операция 3) и, далее, к утверждению о наличии эмпирической закономерности (операция 4). Может специально исследоваться вопрос о значении переменной, обеспечивающей нужный в практическом отношении результат (операция 5). Она обычно следует за третьей операцией или расчленяет ее. Продолжение познавательного процесса требует объяснения выявленных зависимостей или закономерностей (операция 6). Ее место – после третьей или четвертой операции.

Если изложение индуктивное (от фактов к обобщениям), то третья операция реализуется после первой и второй, если дедуктивное (от обобщений к подтверждающим их фактам), находится в начале текстового фрагмента. Нередко отмечается и начальное, и конечное ее положение – в качестве повтора.

Рассматриваемая жанровая форма может реализоваться в целом тексте или в его фрагменте. Текст может быть и небольшой статьей, и объемной монографией. Как правило, автор-ученый исследует зависимость некоторого явления от многих переменных и фиксирует ряд причинно-следственных закономерностей. Поэтому текст обычно создается неоднократно актуализацией данной жанровой формы. Причем она может быть представлена и в развернутом, и в компрессированном виде (не обязательно, чтобы были объективированы все ментальные операции).

6. Категория речевой системности в компьютерном анализе текстов

Описание выделенных ранее речевых жанров [3] как вербального воплощения научно-познавательного процесса создало базу для моделирования средствами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научно-речевых произведениях. В работах последнего времени обоснована возможность построения модели интеллектуальной структуры научного текста [56, 57] с использованием реляционно-ситуационного метода, который позволяет представить семантику текста в виде сети, состоящей

из вершин-синтаксем и связей, отражающих семантические отношения [16, 58].

Этот метод опирается на коммуникативную грамматику Г. А. Золотовой [59, 60, 61], где, как известно, в определенном смысле снимается противопоставление синтаксиса семантике: конструктивная синтаксическая единица – синтаксема – рассматривается как единство «1) категориально-семантического значения, 2) соответствующей ему морфологической формы и 3) вытекающей из (1) и (2) способности синтаксически реализоваться в определенных позициях» [60: 50]. Реляционно-ситуационный метод анализа текстов появился в результате синтеза положений этой концепции с теорией неоднородных семантических сетей [62, 16].

Компьютерное моделирование интеллектуальной структуры научного текста предполагает описание его поверхностно-языковой организации и рассмотрение элементов последней – разноуровневых языковых единиц – в качестве маркеров моделируемого содержания.

Языковая организация текстов того или иного типа в отношении к их содержательно-смысловому плану – объект изучения и коммуникативной грамматики, и функциональной стилистики. Коммуникативная грамматика – это концепция языка, спроецированная на речь. Функциональная стилистика – концепция речи, учитывающая особенности строения языка. С нашей точки зрения, при изучении функционирования языка в речи эти концепции могут рассматриваться как дополняющие друг друга. Сравним понимание задач исследования текста представителями этих двух лингвистических направлений.

Ключевое положение коммуникативной грамматики – мысль о рациональном и функционально целесообразном устройстве языка. Это фундаментальное его свойство обнаруживается прежде всего в направленности синтаксико-семантических моделей на выражение определенного типового значения (содержания), отражающего те или иные типы отношений между явлениями действительности. Данные явления «обобщены коллективным человеческим сознанием в определенные категории – лица, предмета, события, действия, состояния, качества, количества, времени, места, причины и т. д.» [59: 25]. Типовое значение (например, действие субъекта, состояние субъекта, свойство субъекта, квалификация субъекта и под.) не внешний по отношению к языку фактор, а семантический план предикативной единицы, «смысловой результат предикативного сопряжения структурно-смысловых компонентов модели предложения» [59: 25]. Типовое

значение (содержание) выражается не только языковыми, но и текстовыми единицами, которые передают информацию «о действиях определенных лиц, о состоянии лица, о состоянии природы или среды» и т. д. [60: 341].

Конститутивные единицы текста предстают как блоки в пределах определенных регистров речи⁹, выделяемых по соотношению трех признаков: 1) пространственно-временной позиции говорящего/перцептора, 2) динамическому или статическому характеру представляемой действительности, 3) коммуникативной интенции говорящего (интенции сообщения, волеизъявления или оценочной реакции). В соответствии с традицией, заложенной стилистическими исследованиями В. В. Виноградова, понятие регистра речи эксплицируется с использованием категорий не только лингвистики, но и поэтики (композиции, сюжета, текстового времени и пространства).

В соответствии с приведенными положениями коммуникативной грамматики объектом речевой типологии считается «типовое содержание речевых актов и языковые средства, предназначенные для его выражения в тех или иных композиционно-смысловых единствах» [60: 356]. При изучении типов, или регистров, речи в фокусе внимания выбор моделей предложений, категориальная семантика ремы, употребление видо-временных форм глагола, денотативных и сигнификативных значений глагольных слов.

Речевые регистры обнаруживают системность, которая проявляется в том, что их лингвистические признаки существуют «не поодиночке, а взаимодействуя друг с другом... Там, где подсистема сюжетных времен, там и конкретные, наблюдаемые действия, и свой хронотоп, и перцептивное “присутствие” говорящего субъекта, автора» [60: 348]. Все эти проявления речевой системности рассматриваются как результат реализации функционально целесообразного устройства языка. При этом содержательно-смысловой план речи (текста) анализируется преимущественно в аспекте отражения языковым сознанием связей между явлениями действительности.

Как соотносится это понимание речевой системности с ее функционально-стилистической трактовкой?

Исходная теоретическая посылка лингвистической стилистики заключается в том, что языковой механизм функционирует в речи не сам по себе, а благодаря деятельности созна-

ния. Влияние системы языка на процессы речепорождения велико, однако она допускает «большую свободу размещения, взаимного расположения слов, словосочетаний, целых высказываний и их структурно-синтаксических частей» [64: 26]. Сознание «контролирует развертывание речи, отбор в нее языковых элементов и использование связей между ними...» [65: 74]. Вопреки постулатам структурной лингвистики, речь не является лишь реализацией языка. В речи есть «чрезвычайная прибавка» [64, 66, 67, 68 и др.], в частности, «выбор, повторение, размещение, комбинирование и трансформирование» единиц языка [64: 25].

Что касается содержательно-смыслового плана текста, то он изучается в функциональной стилистике значительно шире, чем в коммуникативной грамматике, поскольку здесь он не ограничен типовым содержанием речи, а рассматривается как объективация в тексте коммуникативно-познавательной (когнитивной) деятельности субъекта [69]. Смысловое содержание текста есть объективированное в нем сознание. Отстаивая это положение, И. Я. Чернухина писала: «Настало время упрекнуть лингвистов в том, что по сложившейся традиции они относят воплощенную в речи мысль к экстралингвистическим явлениям» [70: 60].

При изучении научного текста функциональная стилистика сосредоточивается на особенностях его композиции, смысловой структуры и стилистико-речевой системности в их обусловленности познавательной деятельностью ученого [71, 72, 73 и др.]¹⁰. Акт речи как минимальная коммуникативная единица рассматривается не только с точки зрения реализации в нем определенной синтаксической модели, но и в аспекте направленности совершаемой ментальной операции на решение той или иной познавательной коммуникативной задачи. При этом, в отличие от анализа действия (иллюции) в теории речевых актов, ментально-речевые операции не отделяются от деятельности, а изучаются как ее элементы.

Поскольку объективация человеческого сознания в тексте происходит не иначе, как в процессе работы языкового механизма, можно, по-видимому, утверждать, что коммуникативно-грамматический и функционально-стилистический подходы к изучению речевой системности дополняют друг друга. Коммуникативная грамматика обнаруживает

⁹В монографии 1982 г. Г. А. Золотова анализирует изобразительный и информативный регистры с их разновидностями [60]. Позже состав типов речи был уточнен: рассматриваются репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтаривный и реактивный речевые регистры [63].

¹⁰Ср. близкий подход к этой проблематике в некоторых направлениях дискурсного анализа [74].

те признаки организации речи, которые заданы функционально целесообразным устройством языка. Функциональная же стилистика исследует речевую системность в ее обусловленности деятельностью сознания.

Для компьютерного моделирования интеллектуальной структуры научного текста, представленного тем или иным речевым жанром, важно учитывать по возможности весь комплекс маркеров речевой системности (см. § 5).

Исходя из этого положения, мы осуществили автоматическую идентификацию ментально-речевых операций по выявленному комплексу их формальных показателей (маркеров). Материалом послужили тексты 80 разных авторов – статьи и монографии по физике, наукам о Земле, биологии, психологии и лингвистике. У каждого автора анализировалась одна публикация. В половине речевых произведений реализована жанровая форма сообщения об эмпирической закономерности причинно-следственного типа. Рассматриваемые ментальные операции объективированы в 336 речевых фрагментах – предложениях-высказываниях и сверхфразовых единствах. Вторая половина выборки представлена текстами, реализующими другие речевые жанры (проанализировано 44 речевых фрагмента).

Для выполнения токенизации и морфологического анализа текстов использовалась библиотека MyStem [75], для синтаксического анализа применялся парсер SyntaxNet [76], предобученный на корпусе SynTagRus [77], для семантического анализа – программный модуль, разработанный в ИСА ФИЦ ИУ РАН [78]. При формальном представлении результатов лингвистического анализа использовались неоднородные семантические сети, построенные в соответствии с реляционно-ситуационной моделью и дополненные узлами и связями, отражающими синтаксическую структуру высказываний. Каждый анализируемый речевой фрагмент был представлен в виде упорядоченной последовательности подобных расширенных неоднородных семантических сетей, соответствующих высказыва-

ниям этого фрагмента в порядке их появления. Аналогичная модель использовалась для описания шаблонов маркеров. Каждый шаблон выступает фрагментом (фрагментами) неоднородной семантической сети, задающим необходимые лексические и морфологические признаки высказывания.

После лингвистического анализа речевых фрагментов выполнялось сопоставление полученных данных с шаблонами маркеров. Для этого применялся алгоритм Rete [79]. Результаты анализа представлены в таблице. Для оценки качества выявления ментальных операций использовались стандартные в машинном обучении меры – такие, как точность P (отношение числа правильно классифицированных речевых фрагментов, реализующих операцию, к общему количеству фрагментов, помеченных как реализующие ее), полнота R (отношение числа правильно классифицированных фрагментов, реализующих операцию, к общему количеству фрагментов, реализующих ее) и F_1 – мера, являющаяся средним гармоническим точности и полноты.

Как видим, поставленная задача решается вполне успешно. На нынешнем этапе работы ментальные операции идентифицировались отдельно друг от друга. Включение в анализ связей между ними позволит, как мы полагаем, улучшить результат. Для этого будут использоваться методы классификации последовательностей (sequence labeling) [80].

Заключительные замечания

Жанр речи может интерпретироваться как относительно устойчивая форма ментальной деятельности, актуализированная в тексте. С учетом того, что «мы говорим только определенными речевыми жанрами» [2: 257], эта его трактовка открывает путь к компьютерному моделированию когнитивных процессов в той или иной коммуникативной сфере на основе описания объективирующей их языковой материи – поверхностно-речевой организации жанра.

Результаты выявления речевых фрагментов, объективирующих рассматриваемые ментальные операции

Identification results of speech fragments objectifying the mental operations under study

Операция	P	R	F_1 -micro
Сопоставление и предварительная группировка данных опыта	0.68	0.92	0.78
Выявление причинно-следственной зависимости в ходе сопоставления и ранжирования опытных данных	0.88	0.76	0.81
Утверждение о наличии причинно-следственной закономерности	0.84	0.97	0.90
Нахождение условий (значений переменной), при которых достигается наилучший в практическом отношении результат	0.86	1.0	0.93
Объяснение установленной зависимости или закономерности	0.85	0.98	0.91

Обзор дискурсивных концепций, используемых в компьютерном анализе текстов, показал, что теория риторической структуры, характеризующая риторические (семантические) отношения между предикациями, а также более крупными единицами дискурса, описывает текст на логико-семантической основе в отвлечении от определяющих его строение экстралингвистических явлений и поэтому не предполагает исследования воплощаемых в речи познавательных процессов. Не решается эта задача и определением функций (назначения) композиционных частей текста, поскольку моделируемые таким способом риторические действия имеют очень широкую семантику и реализуются чрезвычайно разнообразным составом операций, не учитываемых в исследовании. В большей степени адаптированы к представлению интеллектуальных процессов «модель исследовательского пространства» Дж. Свейлза и ее модификации, используемые для автоматического аннотирования текста, однако они характеризуют в основном лишь вводную часть научной публикации. С нашей точки зрения, из числа дискурсивных теорий, применяемых в компьютерном анализе текстов, задаче интеллектуального моделирования научно-речевых произведений в наибольшей мере соответствует функционально-стилистическая концепция, предполагающая изучение текста в его детерминированности структурой научной деятельности, а также рассмотрение содержательно-смыслового и собственно речевого планов произведения в их единстве.

Для лингвистического обеспечения когнитивного моделирования большое значение имеет категория речевой системности как взаимосвязи и взаимообусловленности на текстовой плоскости разноуровневых языковых единиц [41]. При определении ее проявлений важно учитывать не только функционально целесообразное устройство языкового механизма, но и сложившиеся в пределах возможностей, предоставляемых языком, нормы выбора и использования языковых средств под влиянием экстралингвистических факторов.

Неоднородные семантические сети, построенные в соответствии с реляционно-ситуационной моделью текста и дополненные узлами и связями, отражающими синтаксическую структуру предложений, позволяют формализовать и агрегировать множество разноуровневых (лексических, морфологических, синтаксико-семантических) признаков высказываний, объективирующих различные ментальные операции. Описательная способность этой модели является достаточной для представления показателей речевой системности.

Неоднородные семантические сети, построенные в соответствии с реляционно-ситуационной моделью текста и дополненные узлами и связями, отражающими синтаксическую структуру предложений, позволяют формализовать и агрегировать множество разноуровневых (лексических, морфологических, синтаксико-семантических) признаков высказываний, объективирующих различные ментальные операции. Описательная способность этой модели является достаточной для представления показателей речевой системности.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-29-07049 офи_м «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах»).

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-29-07049 “Research of the system of cognitive operations realized in scientific texts by methods of artificial intelligence”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Под маской. Маска третья. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 1993. 188 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
4. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры // Жданов Ю. А. Проблемы теории и истории культуры. Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005. 432 с.
5. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Изд-во Саратов. гос. пед. ин-та, 1998. 107 с.
6. Ахутина Т. В. Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. № 3. С. 4–13.
7. Леонтьев А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
9. Леонтьев А. Н. Автоматизация и человек // Психологические исследования. М., 1972. Вып. 2. С. 3–12.
10. Каджая Л. А. Системность научного специализированного дискурса: использование жанровых форм и языковых средств (на материале русских и английских гидрогеологических текстов). Пермь: ПГНИУ, 2016. 180 с.
11. Майданов А. С. Методология научного творчества. М.: ЛКИ, 2008. 512 с.
12. Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Огурцов А. П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 360 с.
13. Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
14. Жариков Е. С. О действиях, составляющих постановку научной проблемы // Философские науки. 1973. № 1. С. 144–146.
15. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ, 2012. 274 с.

16. *Осинов Г. С.* Методы искусственного интеллекта. М.: Физматлит, 2011. 296 с.
17. *Ракитов А. И.* Философские проблемы науки. Системный подход. М.: Мысль, 1977. 270 с.
18. *Панферов В. Н.* Объективация психических явлений // Вестн. Герцен. ун-та. 2014. № 2. С. 76–87.
19. *Mann W., Thomson S. A.* Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // Text. 1988. Vol. 8, iss. 3. P. 243–281.
20. *Mann W. C., Matthiessen C. M. I. M., Thompson S. A.* Rhetorical Structure Theory and Text Analysis. Marina del Rey, CA: Information sciences institute, 1989. P. 1–60.
21. *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде доклада ... д-ра филол. наук. М.: РАН, 2003. 90 с.
22. *Литвиненко А. Л.* Теория Риторической Структуры: применение на русском материале // Dialogue, 2001. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/> (дата обращения: 20.05.2018).
23. *Сусов А. А.* Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 133–138.
24. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 213 с.
25. *Леонтьев А. А., Рябова Т. В.* Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи. Тбилиси: Ин-т психологии им. Д. Н. Узнадзе, 1970. С. 27–32.
26. *Сахарный Л. В.* Человек и текст: две грамматики // Человек – текст – культура. Екатеринбург: Ин-т развития регион. образования, 1994. С. 7–59.
27. *Леонтьев А. А.* Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 21–28.
28. *Swales J. M.* Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 261 p.
29. *Swales J.* Research Genres: Explorations and Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 314 p.
30. *Swales J.* Worlds of Genre – Metaphors of Genre // Genre in a changing world / eds. C. Bazerman, A. Bonini, D. Figueiredo. Indiana: ParlorPress, 2009. P. 3–16.
31. *Которова М. П.* Русский научный текст: с чего начать статью? // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 210–215.
32. *Teufel S., Carletta J., Viens M.* An annotation scheme for discourse-level argumentation in research articles // Proceedings of EACL'99: Ninth Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, 8–12 June 1999. University of Bergen, Norway, 1999. P. 110–117.
33. *Liakata M., Teufel S., Siddharthan A., Batchelor C.* Corpora for conceptualisation and zoning of scientific papers // Proceedings of the 7th International Conference on Language Resources and Evaluation. Paris, France: ELDA. LREC, 2010. P. 2054–2061.
34. *Kirschner C., Eckle-Kohler J., Gurevych I.* Linking the Thoughts: Analysis of Argumentation Structures in Scientific Publications // Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining. Denver, Colorado: Association for Computational Linguistics, 2015. P. 1–11.
35. *Mizuta Y., Collier N.* Zone identification in biology articles as a basis for information extraction // Proceedings of the International Joint Workshop on Natural Language Processing in Biomedicine and its Applications. Geneva, Switzerland, 2004. P. 29–35.
36. *Ruch P., Boyer C., Chichester C.* Using argumentation to extract key sentences from biomedical abstracts // International Journal of Medical Informatics. 2007. Vol. 76. P. 195–200.
37. *Contractor D., Guo Y., Korhonen A.* Using Argumentative Zones for Extractive Summarization of Scientific Articles // Proceedings of the 23th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2012). Mumbai, India, 2012. P. 663–678.
38. *Kando N.* Text-level structure of research papers: Implications for text-based information processing systems // 19th Annual BCS-IRSG Colloquium on IR. Aberdeen, UK, 1997. P. 1–14.
39. Academic and Professional Discourse Genres in Spanish / ed. by G. Parodi. John Benjamins Publishing Company, 2010, Studies in Corpus Linguistics (SCL). Vol. 40. ProQuest Ebook Central. URL: <http://ebookcentral.proquest.com/lib/lehighlibrary-ebooks/detail.action?docID=623313> (дата обращения: 04.03.2018).
40. *Тарасов Е. Ф.* О формах существования сознания // Язык и сознание. Парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. С. 86–97.
41. *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Перм. ун-т, 1972. 396 с.
42. *Кожина М. Н.* Язык и стиль в функциональном аспекте (к определению предмета и структуры стилистики) // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь: Перм. ун-т, 1982. С. 15–34.
43. *Солганик Г. Я.* Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 9–23.
44. *Чудова Н. В.* Концептуальное описание картины мира в задачах моделирования поведения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2012. № 2. С. 51–62.
45. *Кузнецова Ю. М.* Особенности приобретения знаний в разных картинах мира // 16-я национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием. КИИ-2018 (Москва, 24–27 сентября 2018 г.). Труды конференции: в 2 т. Т. 2. М.: РКП, 2018. С. 71–78.
46. *Гаузенблас К.* К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 69–75.
47. *Hauzenblas K.* Od tvaru k smyslu textu. Stylistiske reflexe interpretace. Praha: Academia, 1997. 226 p.
48. *Одинцов В. В.* Стилистика текста. М.: УРСС, 2004. 264 с.
49. *Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.
50. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. 2, ч. 1. 380 с.
51. *Деметьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
52. *Седов К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генеристика // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 6. С. 23–40.
53. *Васильева А. Н.* Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной

стилистики // Основные понятия и категории лингвистической стилистики / Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1982. С. 34–42.

54. Сусов А. А. Каузальные риторические отношения // Тверской лингвистический меридиан. 2006. Вып. 6. С. 55–81.

55. Литвиненко А. О. Причинно-следственные конструкции в устном и письменном нарративе: от дискурса к синтаксису // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. семинара «Диалог – 2003» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2002. С. 408–417.

56. Осипов Г. С., Девяткин Д. А., Кузнецова Ю. М., Швец А. В. Возможности интеллектуального анализа научных текстов на основе построения их когнитивных моделей // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. № 1. С. 41–53.

57. Кузнецова Ю. М., Девяткин Д. А., Чудова Н. В. Методы автоматического выявления ментальных действий в текстах научных публикаций. Ч. I // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. № 2. С. 36–46.

58. Осипов Г. С., Смирнов И. В., Тихомиров И. А. Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. № 2. С. 3–10.

59. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

60. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

61. Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 524 с.

62. Осипов Г. С. Приобретение знаний интеллектуальными системами. М.: Наука. Физматлит, 1997. 112 с.

63. Золотова Г. А. Роль грамматики в композиции текста // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Науч. мир, 1999. С. 131–139.

64. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988. 320 с.

65. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 416 с.

66. Кожина М. Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Пермь: Перм. ун-т, 2002. 475 с.

67. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.

68. Арутюнова Н. Д. Речь // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энцикл., 2000. С. 414–416.

69. Кожина М. Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Т. 2, ч. 1. С. 73–89.

70. Чернухина И. Я. Виды речемыслительной деятельности и типология текстов // Человек – текст – культура. Екатеринбург: Ин-т развития регион. образования, 1994. С. 60–80.

71. Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

72. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

73. Данилевская Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

74. Чернявская В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 56–64.

75. Segalovich I., Titov V. MyStem [Электронный ресурс]. URL: <https://tech.yandex.ru/mystem> (дата обращения: 03.04.2019).

76. Andor D., Alberti C., Weiss D. Globally normalized transition-based neural networks. // Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Vol. 1: Long Papers). Berlin, Germany, Association for Computational Linguistics, 2016. P. 2442–2452.

77. Boguslavsky I. SynTagRus—a Deeply Annotated Corpus of Russian // Les émotions dans le discours—Emotions in Discourse. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. P. 367–380.

78. Shelmanov A., Devyatkin D. Semantic Role Labeling with Neural Networks for Texts in Russian // Annual International Conference “Dialog”. Moscow: Russian State University for Humanities, 2017. Vol. 1. P. 245–257.

79. Forgy C. L. Rete: A fast algorithm for the many pattern / many object pattern match problem // Readings in Artificial Intelligence and Databases. San Mateo: Elsevier, 1988. P. 547–559.

80. Nguyen N., Guo Y. Comparisons of sequence labeling algorithms and extensions // Proceedings of the 24th International Conference on Machine learning. N.Y.: ACM, 2007. P. 681–688.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Pod maskoj. Maska tretya. Voloshinov V. N. Marksizm i filozofiya yazyka* [Under the mask. Third mask. Voloshinov V. N. Marxism and philosophy of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 188 p. (in Russian).

2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [Speech genre problem]. In: Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorчества* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280 (in Russian).

3. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funktsional'no-stylisticheskom osveshchenii (nauchnij akademicheskij tekst)* [Speech genres in functional stylistic perspective (scientific text)]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 236 p. (in Russian).

4. Davidovich V. E., Zhdanov Y. A. Sushchnost' kul'tury [Nature of culture]. In: Zhdanov Y. A. *Problemy teorii i istorii kul'tury* [Problems of theory and history of culture]. Rostov-on-Don, Nauka-press, 2005. 432 p. (in Russian).

5. Demytyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragmaticheskij aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Sociopragmatic aspect of speech genre theory]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. ped. un-ta, 1998. 107 p. (in Russian).

6. Akhutina T. V. Teoriya rechevogo obshcheniya v trudakh M. M. Bakhtina i L. S. Vygot'skogo [Theory of speech communication in the works of M. M. Bakhtin and L. S. Vygotsky]. *Vestn. Mosc. un-ta* [Herald of Moscow Univ.], Ser. 14. Psychology, 1984, no. 3, pp. 4–13 (in Russian).

7. Leontyev A. A. *Deyatel'nyy um (Deyatel'nost'. Znak. Lichnost)* [Active Mind (Activity. Sign. Personality)]. Moscow, Smysl Publ., 2001. 392 p. (in Russian).

8. Leontyev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p. (in Russian).
9. Leontyev A. N. Avtomatizatsiya i chelovek [Automation and Man]. *Psikhologicheskiye issledovaniya* [Psychological Studies], Moscow, 1972, iss. 2, pp. 3–12 (in Russian).
10. Kadzhaya L. A. *Sistemnost' nauchnogo spetsializirovannogo diskursa: ispolzovaniye zhanrovyykh form i yazykovyykh sredstv (na materiale russkikh i angliyskikh gidrogeologicheskikh tekstov)* [Systematic nature of the scientific specialized discourse: the use of genre forms and linguistic means (on the basis of Russian and English hydrogeological texts)]. Perm, PGNIU, 2016. 180 p. (in Russian).
11. Maidanov A. S. *Metodologiya nauchnogo tvorchestva* [Methodology of scientific creativity]. Moscow, LKI Publ., 2008. 512 p. (in Russian).
12. Mamchur E. A., Ovchinnikov N. F., Ogurtsov A. P. *Otechestvennaya filosofiya nauki: predvaritelnyye itogi* [Native philosophy of science: preliminary results]. Moscow, Ros. Polit. Encycl. Publ., 1997. 360 p. (in Russian).
13. Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye. Struktura, istoricheskaya evolyutsiya* [Theoretical knowledge. Structure, historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2003. 744 p. (in Russian).
14. Zharikov E. S. O deystviyakh, sostavlyayushchikh postanovku nauchnoy problemy [On actions formulating the scientific problem]. *Filosofskiy nauki* [Philosophical sciences], 1973, no. 1, pp. 144–146 (in Russian).
15. Duskayeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [The dialogic nature of newspaper speech genres]. St. Petersburg, SPbGU, 2012. 274 p. (in Russian).
16. Osipov G. S. *Metody iskusstvennogo intellekta* [Methods of artificial intelligence]. Moscow, Physmatlit Publ., 2011. 296 p. (in Russian).
17. Rakitov A. I. *Filosofskiy nauki. Sistemnyy podkhod* [Philosophical problems of science. Systematic approach]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 270 p. (in Russian).
18. Panferov V. N. Obyektivatsiya psikhicheskikh yavleniy [Objectification of mental phenomena]. *Vestnik Gertsen un-ta* [Herald of Gertsen Univ.], 2014, no. 2, pp. 76–87 (in Russian).
19. Mann W., Thompson S. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. *Text*, 1988, vol. 8, iss. 3, pp. 243–281.
20. Mann W., Matthiessen C., Thompson S. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis. Marina del Rey, CA: Information sciences institute, 1989, pp. 1–60.
21. Kibrik A. A. *Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive* [Analysis of discourse in cognitive perspective]. Diss. Doc. Sci. (Philol.) as a report. Moscow, 2003. 90 p. (in Russian).
22. Litvinenko A. L. *Teoriya Ritoricheskoy Struktury: primeneniye na russkom materiale* (Theory of Rhetorical Structure: application in Russian). Dialogue, 2001. Available at: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/> (accessed 20 May 2018) (in Russian).
23. Susov A. A. Modelirovaniye diskursa v terminakh teorii ritoricheskoy struktury [Modeling discourse in terms of the theory of rhetorical structure]. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta* [Herald of Voronezh State Univ.]. Series: Philology. Journalism, 2006, no. 2, pp. 133–138 (in Russian).
24. Katsnelson S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, Nauka Publ., Lenigr. otd-niy, 1972. 213 p. (in Russian).
25. Leontyev A. A., Ryabova T. V. Fazovaya struktura rechevogo akta i priroda planov [Phase structure of the speech act and the nature of the plans]. In: *Plany i modeli budushchego v rechi* [Plans and models of the future in speech]. Tbilisi, In-t psikhologii im. D. N. Uznadze, 1970, pp. 27–32 (in Russian).
26. Sakharnyy L. V. Chelovek i tekst: dve grammatiki [Man and text: two grammars]. In: *Chelovek – tekst – kultura* [Human – Text – Culture]. Ekaterinburg, In-t razvitiya region. obrazovaniya, 1994, pp. 7–59 (in Russian).
27. Leontyev A. A. Rechevaya deyatelnost' [Speech activity]. In: *Osnovy teorii rechevoy deyatelnosti* [Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka Publ., 1974. pp. 21–28 (in Russian).
28. Swales J. M. *Genre analysis: English in academic and research settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 261 p.
29. Swales J. *Research Genres: Explorations and Applications*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 314 p.
30. Swales J. Worlds of Genre – Metaphors of Genre. In: Bazerman C., Bonini A. & Figueiredo D. (eds.) *Genre in a changing world*. Indiana, ParlorPress, 2009, pp. 3–16.
31. Kotyurova M. P. Russian scientific text: how to start the article? *Speech genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 210–215 (in Russian).
32. Teufel S., Carletta J., Viens M. An annotation scheme for discourse-level argumentation in research articles. *Proceedings of EACL'99: Ninth Conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics, 8–12 June 1999*. University of Bergen, Norway, pp. 110–117.
33. Liakata M., Teufel S., Siddharthan A. Corpora for conceptualisation and zoning of scientific papers. *Proceedings of the 7th International Conference on Language Resources and Evaluation*. Paris, France, ELDA. LREC, 2010, pp. 2054–2061.
34. Kirschner C., Eckle-Kohler J., Gurevych I. Linking the Thoughts: Analysis of Argumentation Structures in Scientific Publications. *Proceedings of the 2nd Workshop on Argumentation Mining*. Denver, Colorado, 2015. Association for Computational Linguistics, pp. 1–11.
35. Mizuta Y., Collier N. Zone identification in biology articles as a basis for information extraction. In: *Proceedings of the International Joint Workshop on Natural Language Processing in Biomedicine and its Applications*. Geneva, Switzerland, 2004, pp. 29–35.
36. Ruch P., Boyer C., Chichester C. Using argumentation to extract key sentences from biomedical abstracts. *International Journal of Medical Informatics*, 2007, vol. 76, pp. 195–200.
37. Contractor D., Guo Y., Korhonen A. Using Argumentative Zones for Extractive Summarization of Scientific Articles. *Proceedings of the 23th International Conference on Computational Linguistics (COLING 2012)*, Mumbai, India, 2012, pp. 663–678.
38. Kando N. Text-level structure of research papers: Implications for text-based information processing systems. *19th Annual BCS-IRSG Colloquium on IR*. Aberdeen, UK. 8th-9th April, 1997, pp. 1–14.
39. Academic and Professional Discourse Genres in Spanish ed. by Parodi G. John Benjamins Publishing Company, 2010. *Studies in Corpus Linguistics (SCL)*, vol. 40. ProQuest Ebook Central. Available at: <http://ebookcentral.p>

roquest.com/lib/lehighlibrary-ebooks/detail.action?docID=623313 (accessed 2018 March 03).

40. Tarasov E. F. O formakh sushchestvovaniya soznaniya [On the forms of existence of consciousness]. In: *Yazyk i soznaniye. Paradoksalnaya ratsionalnost* [Language and consciousness. The paradoxical rationality], Moscow, Institute of Linguistics, RAN, 1993, pp. 86–97 (in Russian).

41. Kozhina M. N. *O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitelno s nekotorymi drugimi* [On speech system of the scientific style in comparison with some others]. Perm, Perm. un-ta, 1972. 396 p. (in Russian).

42. Kozhina M. N. Yazyk i stil' v funktsionalnom aspekte (k opredeleniyu predmeta i struktury stilistiki) [Language and style in the functional aspect (to the definition of the subject and structure of stylistics)]. In: *Osnovnyye ponyatiya i kategorii lingvistiki* [Basic concepts and categories of linguistics]. Perm, Perm. un-t, 1982, pp. 15–34 (in Russian).

43. Solganik G. Ya. Sovremennaya publitsisticheskaya kartina mira [Modern journalistic picture of the world]. In: *Publitsistika i informatsiya v sovremennom obshchestve* [Journalism and information in modern society]. Moscow, Izd-vo MGU, 2000, pp. 9–23 (in Russian).

44. Chudova N. V. Kontseptualnoye opisaniye kartiny mira v zadachakh modelirovaniya povedeniya [Conceptual description of the picture of the world modeling behavior]. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatiye resheniy* [Artificial intelligence and decision-making], 2012, no. 2, pp. 51–62 (in Russian).

45. Kuznetsova Yu. M. Osobennosti priobreteniya znaniy v raznykh kartinakh mira [Features of knowledge acquisition in different world views]. *16-ya natsionalnaya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiyem KII-2018 (Moskva, 24–27 sentiabria 2018 g.). Trudy konferentsii: v 2 t.* [16th National conference on artificial intelligence with international participation KII-2018 (Moscow, 24–27 September 2018). Conference Proceedings: in 2 vols]. Moscow, RKP, 2018, vol. 2, pp. 71–78 (in Russian).

46. Gauzenblas K. K utochneniyu ponyatiya «stil'» i k voprosu ob obyeme stilisticheskogo issledovaniya [To clarify the concept of “style” and the question of the amount of stylistic research]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of linguistics], 1967, no. 5, pp. 69–75 (in Russian).

47. Gauzenblas K. Od tvaru k smyslu tekstu. *Stylistiske reflexe interpretace* [From the form to the meaning of the text. Interpretation of stylistic reflection]. Praha, Academia Publ., 1997. 226 p.

48. Odintsov V. V. *Stilistika teksta* [Text stylistics]. Moscow, URSS Publ., 2004. 264 p. (in Russian).

49. Matveyeva T. V. *Funktsionalnyye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional styles in the aspect of text categories]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 172 p. (in Russian).

50. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.* [Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of XVIII–XX centuries]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 1996, vol. 2, part 1. 380 p. (in Russian).

51. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.

52. Sedov K. F. Yazykoznanie. Rechevedeniye. Genristika [Linguistics. Speech Studies. Genre Studies]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, IITs “Nauka”, 2011, iss. 6, pp. 23–40 (in Russian).

53. Vasilyeva A. N. Urovni stilisticheskoy abstraktsii i osnovnyye urovnevyye razdely funktsionalnoy stilistiki [Levels of stylistic abstraction and basic level sections of functional stylistics]. In: *Osnovnyye ponyatiya i kategorii lingvistiki* [Basic concepts and categories of linguistics]. Perm, Perm. un-t, 1982, pp. 34–42 (in Russian).

54. Susov A. A. *Kauzalnyye ritoricheskiye otnosheniya* [Casual rhetorical relations]. *Tverskoy lingvisticheskiy meridian* [Tver' linguistic meridian]. Tver', 2006, no. 6, pp. 55–81 (in Russian).

55. Litvinenko A. O. Prichinno-sledstvennyye konstruktivnyye v ustnom i pismennom narrative: ot diskursa k sintaksisu [Causal constructions in oral and written narrative: from discourse to syntax]. In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnogo seminar Dialog 2003 po kompyuternoy lingvistike i eye prilozheniyam* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the international seminar Dialogue 2003 on computational linguistics and its applications]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 408–417 (in Russian).

56. Osipov G. S., Devyatkin D. A., Kuznetsova Yu. M., Shvets A. V. *Vozmozhnosti intellektualnogo analiza nauchnykh tekstov na osnove postroyeniya ikh kognitivnykh modeley* [Possibilities of intellectual analysis of scientific texts on the basis of building their cognitive models]. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatiye resheniy* [Artificial intelligence and decision-making], 2018, no. 1, pp. 41–53 (in Russian).

57. Kuznetsova Yu. M., Devyatkin D. A., Chudova N. V. *Metody avtomaticheskogo vyyavleniya mentalnykh deystviy v tekstakh nauchnykh publikatsiy. Chast I* [Methods of automatic detection of mental actions in the texts of scientific publications. Part I]. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatiye resheniy* [Artificial intelligence and decision-making], 2018, no. 2, pp. 36–46 (in Russian).

58. Osipov G. S., Smirnov I. V., Tikhomirov I. A. *Relyatsionno-situatsionnyy metod poiska i analiza tekstov i ego prilozheniya* [Relational-situational method of search and analysis of texts and its applications]. *Iskusstvennyy intellekt i prinyatiye resheniy* [Artificial intelligence and decision-making], 2008, no. 2, pp. 3–10 (in Russian).

59. Zolotova G. A. *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 352 p. (in Russian).

60. Zolotova G. A. *Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 368 p. (in Russian).

61. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Izd-vo MGU, 1998. 524 p. (in Russian).

62. Osipov G. S. *Priobreteniyeniye znaniy intellektualnymi sistemami* [Knowledge acquisition by intelligent systems]. Moscow, Nauka, Physmatlit Publ., 1997. 112 p. (in Russian).

63. Zolotova G. A. *Rol grammatiki v kompozitsii teksta* [The role of grammar in text composition]. In: *Yazyk. Kultura. Gumanitarnoye znaniye: Nauchnoye naslediyeye G. O. Vinokura i sovremennost* [Language. Culture. Humanitarian knowledge: scientific heritage of G. O. Vinokur and modernity]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 1999, pp. 131–139 (in Russian).

64. Golovin B. N. *Osnovy kultury rechi* [The basics of speech culture]. Moscow, Vyssh. sk. Publ., 1988. 320 p. (in Russian).
65. Berezin F. M., Golovin B. N. *Obshcheye yazykoznanie* [General linguistics]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1979. 416 p. (in Russian).
66. Kozhina M. N. *Rechevedeniye i funktsionalnaya stilistika: voprosy teorii* [Speech studies and functional stylistics: theoretical problems]. Perm, Perm. un-t, 2002. 475 p. (in Russian).
67. Solntsev V. M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoye obrazovaniye* [Language as a systemic-structural formation]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p. (in Russian).
68. Arutyunova N. D. Rech [Speech]. In: *Yazykoznanie. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistics. Large encyclopedic dictionary]. Moscow, Bolshaya Ros. encycl., 2000, pp. 414–416 (in Russian).
69. Kozhina M. N. Smyslovaya struktura teksta v aspekte stilistiki nauchnogo teksta [Semantic structure of the text in the aspect of scientific text stylistics]. *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv.* [Essays on the history of scientific style of Russian literary language of XVIII–XX centuries]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 1996, vol. II, part. 1, pp. 73–89 (in Russian).
70. Chernukhina I. Ya. Vidy rechemyslitelnoy deyatelnosti i tipologiya tekstov [Types of speech-making activities and typology of texts]. In: *Chelovek – tekst – kultura* [Man – text – culture]. Ekaterinbur, In-t razvitiya region. obrazovaniya, 1994, pp. 60–80 (in Russian).
71. Kotyurova M. P. *Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovoy struktury nauchnogo teksta* [On extralinguistic foundations of semantic structure of a scientific text]. Krasnoyarsk, Krasnoyar. un-t, 1988. 170 p. (in Russian).
72. Bazhenova E. A. *Nauchnyy tekst v aspekte politekstualnosti* [Scientific text in the aspect of politextuality]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 2001. 272 p. (in Russian).
73. Danilevskaya N. V. *Rol otsenki v mekhanizme razvetyvaniya nauchnogo teksta* [The role of evaluation in the mechanism of scientific text deployment]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 2005. 360 p. (in Russian).
74. Chernyavskaya V. E. Scientific result in research paper in linguistics. *Speech Genres*, 2016, no. 1 (13), pp. 56–64 (in Russian).
75. Segalovich I., Titov V. *MyStem* (Software). Available at: <https://tech.yandex.ru/mystem> (accessed 03 April 2019).
76. Andor D., Alberti C., Weiss D. *Globally normalized transition-based neural networks. Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (vol. 1: Long Papers). Berlin, Germany, Association for Computational Linguistics, 2016, pp. 2442–2452.
77. Boguslavsky I. SynTagRus—a Deeply Annotated Corpus of Russian. *Les émotions dans le discours-Emotions in Discourse*. Frankfurt am Main, Peter Lang GmbH, 2014, pp. 367–380.
78. Shelmanov A., Devyatkin D. Semantic Role Labeling with Neural Networks for Texts in Russia. *Annual International Conference “Dialog”*. Moscow, Russian State University for Humanities, 2017, vol. 1, pp. 245–257.
79. Forgy C. L. Rete: A fast algorithm for the many pattern / many object pattern match problem. *Readings in Artificial Intelligence and Databases*. San Mateo, Elsevier, 1988, pp. 547–559.
80. Nguyen N., Guo Y. Comparisons of sequence labeling algorithms and extensions. *Proceedings of the 24th International Conference on Machine Learning*. New York, ACM, 2007, pp. 681–688.

Статья поступила в редакцию 3.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Девяткин Д. А., Каджая Л. А., Салимовский В. А. Жанры речи как объект компьютерного анализа (на материале научных текстов) // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 86–104. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

For citation

Devyatkin D. A., Kadzhaya L. A., Salimovsky V. A. Speech Genres as an Object of Computer Analysis (Based on Academic Texts). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 86–104 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-86-104>

УДК 81'1:811.161.2'271:61

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>

Е. А. Пономаренко
Симферополь, Россия

Elena A. Ponomarenko
Simferopol, Russia

Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса

The Classification of Speech Genres of Institutional Discourse

Статья посвящена проблеме классификации речевых жанров институциональных дискурсов. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единой типологизации жанров.

Отмечается, что классификация речевых жанров, основанием для которой послужила концепция институциональности, включает четыре группы: аутентичные, комплементарные, периферийные и экстернальные. В пропорциональном соотношении набор аутентичных жанров уступает многообразию комплементарных и периферийных. Такая классификация может претендовать на универсальность и быть применима к любой из разновидностей институционального дискурса (юридического, военного, педагогического, политического и др.).

Ключевые слова: речевой жанр, типологическая классификация, институциональность, институциональный дискурс.

The article is devoted to classification problem of speech genres. The research urgency is caused by the lack of a common typology of speech genres.

It is noted that the classification of speech genres, the basis for which was the concept of institutionality, includes four groups namely: authentic, complementary, peripheral and external. In the proportional ratio range of authentic genres does not exceed variety of complementary and peripheral genres. Such a classification can claim universal character and is applicable to any of the varieties of institutional discourse (juridic, military, pedagogical, political etc.).

Keywords: speech genre, typological classification, the institutional character of discourse, institutional discourse.

Сведения об авторе: Пономаренко Елена Аликовна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Медицинская академия имени С. И. Георгиевского Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

E-mail: altai2005@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2191-3960>

About the author: Ponomarenko Elena Alikovna, Doctor of Philology, Assistant of Professor of the Department of Russian Language.

Place of employment: V. I. Vernadsky Crimean Federal University Medical Academy named after S. I. Georgievsky.

E-mail: altai2005@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2191-3960>

В современной генриктике довольно активно обсуждаются проблемы типологии речевых жанров (РЖ): «Проблема классификации РЖ, выделения типов РЖ, наряду с вопросами, что такое речевой жанр, что является и что не является речевым жанром и где границы между речевым жанром и смежными, более или менее генетически близкими явлениями, относятся к наиболее важным и актуальным проблемам теории речевых жанров. В то же время классификация речевых жанров – одно из наиболее сложных и дискуссионных направлений современной ТРЖ» [1: 155]. В настоящее время данная проблема остаётся по-прежнему нерешённой, поскольку *речевые жанры* по своей сути трудно поддаются систематизации ввиду их многообразия, а также нечёткости их границ: «До сих пор не существует общепринятой типологии РЖ – в лучшем случае это списки РЖ, по возможности подробные» [1: 155].

Основываясь на базовых работах по жанроведению, И. В. Шерстяных в лекционно-практическом курсе «Теория речевых жанров» систематизировала весь накопленный опыт в рамках типологизации речевых жанров. Исследователь отметила, что «к настоящему времени сложилось несколько групп классификаций РЖ, построенных на различных основаниях: структурная типология (строение РЖ), интенциональная типология (коммуникативная цель РЖ), лингвокультурологическая типология (системы коммуникативных ценностей) [2: 125].

Несмотря на отсутствие «единой удовлетворительной типологии РЖ» [2: 89], многие отечественные и зарубежные лингвисты (Н. Д. Арутюнова, Ф. С. Бацевич, Т. Г. Винокур, А. Вежбицка, В. В. Дементьев, В. И. Карасик, М. В. Панов, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва, М. Г. Извекова и др.) внесли свой

индивидуальный вклад в разработку проблемы классификации речевых жанров. Детальный обзор типологии речевых жанров представлен в монографии В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» (2010). Анализ многих точек зрения по этому вопросу позволил учёному высказать мысль о том, что типология речевых жанров в современной лингвистике сводится к трём концепциям: 1) коммуникативно-речевой (интенциональной), ориентированной на признаки коммуникации, целеустановку; 2) функционально-стилистической; 3) социопрагматической.

Цель нашей работы – предложить собственную типологическую классификацию речевых жанров, которая может иметь практическое приложение к любому типу институционального дискурса. Исследование выполнено на материале фрагментов институционального (медицинского) дискурса, извлечённых из художественных произведений писателей-врачей конца XIX – первой четверти XX в., а также произведений писателей эпохи советского времени.

В жанроведении отсутствует классификация РЖ с точки зрения *институциональности*, хотя примечательным является тот факт, что в рамках коммуникативно-речевого подхода прецедентом выступает высказанная ещё М. М. Бахтиным идея о существовании нескольких типов жанров, отличающихся разной степенью жёсткости / свободы. В настоящее время эта идея «получила некоторое развитие в современной теории дискурса – как степень формализации дискурса, особенно при изучении ритуального дискурса, где моменты формализации наиболее очевидны» [1: 190]. Вопросы, связанные с изучением ритуального (институционального) дискурса, вслед за В. И. Карасиком нашли отражение в исследованиях М. Г. Извековой, Е. И. Шейгал, И. С. Черватюк. Так, М. Г. Извекова отмечает, что «наивысшей степенью ритуализации (и соответственно, наиболее жесткой формализацией) обладают такие жанры педагогического и медицинского дискурса, как экзамен и операция; меньшей степенью ритуализации (мягкой формализацией) – занятие, консультация / приём» [3: 173].

Основанием для нашей классификации также послужила теория дискурса, конститутивные признаки которого получили достаточно полное освещение в работах по социолингвистике и прагмалингвистике (Hymes, 1974; Fishman, 1976; Brown, Fraser, 1979; Белл, 1980; Богданов, 1990; Карасик, 1992; Макаров, 1998). Конститутивные признаки «вытекают из теории коммуникативных постулатов, т. е. принципов успешного общения» [4: 201] и включают участников дискурса, условия, организацию,

способы и материал общения, сферу общения, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения, а также знаковое тело общения, то есть тексты с невербальными включениями.

В. И. Карасик, развивая теорию дискурса, утверждает концепцию институциональности. С точки зрения социолингвистического подхода учёный заявляет о том, что «в нашем сознании существуют концепты определённого дискурса, его типов и жанров. С позиций отношений между участниками коммуникации наиболее существенным критерием является, на наш взгляд, дистанция, противопоставление личностно ориентированного и статусно ориентированного общения» [4: 202]. Цели институционального общения сводятся к обеспечению стабильности социальной структуры. «Условия этого общения фиксируют контекст в виде типичных хронотопов, символических и ритуальных действий, трафаретных жанров и речевых клише. <...> Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального» [5: 12]. Поддерживая идею В. И. Карасика об институциональности, а также тот факт, что за разными сферами речевого взаимодействия коммуникантов закреплён определённый репертуар жанров (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев), предложим собственную классификацию речевых жанров институционального дискурса.

Исходя из того что медицинская парадигматика предопределяет схему речевого взаимодействия врача и пациента, где на уровне содержания медицинский дискурс представляет собой обмен информацией, попеременно осуществляемый его участниками, выделяем следующие группы речевых жанров: 1) **аутентичные РЖ**. Это речевые жанры, образующие ядро актуальной информации, получение которой предполагает достижение перлокутивного эффекта. Во многом перлокутивный эффект достигается благодаря ближайшему анамнезу, в результате которого пациент «отвечает на вопросы, при каких условиях и каких симптомах развивалась настоящая болезнь до обращения к врачу, каковы основные жалобы, как функционировали главнейшие органы и каково было лечение. <...> Большое место в анамнезе занимают жалобы на боль, поэтому **нужно отметить** (выделено нами) характер болей, иррадиацию их, локализацию, стойкость, время их появления» [6: 594]. «В данном случае имеются в виду определённые клише, типичные для речи медиков, <...> а также некоторые жанровые схемы, состоящие из типичных релевантных коммуникативных ходов, реакций пациента и врача» [4: 240]. Таким образом, в рамках *парадигмы* речевых жанров [7] данный дискурсивный

цикл соотносится со схемой клинического расспроса, который включает такие речевые жанры, как *РЖ профессионального медицинского вопроса*, *РЖ медицинской жалобы*, *РЖ указания при медицинском обследовании*, *РЖ постановки диагноза*, *РЖ медицинской рекомендации*. Однако с точки зрения моделей коммуникативной тональности «общение должно быть официальным, но не чересчур дистанцированным, <...> допустимы шутки, направленные на поддержание нужной для врача атмосферы общения, действуют запреты на игровое, ироничное и патетическое общение» [4: 240]. Например, *РЖ жалобы*, где превалируют вопросно-ответные единства, нацеленные на сбор анамнеза, оформляющие *РЖ жалобы* в соответствии с логикой клинической диагностики, а тематическую роль в диалоге актуализации выполняет *РЖ специализированного вопроса* врача. *Пришёл провериться. Я ведь помогал оснащать лаборатории – вот вы меня и посмотрите при помощи тех самых приборов и аппаратов. – Что вас беспокоит? Сердце? Рано. Вы ещё молодой человек. Наверное, пятьдесят с небольшим? – Так точно, Фёдор Григорьевич. Да ведь какие нагрузки! Много лет я был начальником Главленинградстроя. А сейчас председатель горсовета. Сами понимаете... – Да, конечно. Так что вас беспокоит? – Появились сжимающие боли в области сердца, в левой руке и лопатке. Временами одышка (Углов, Под белой мантией). Инициативным актантом выступает доктор, провоцирующий *РЖ жалобы*. – **Раздольтесь. Поскорей, пожалуйста!**.. – сказал Топорков и взял в руки молоточек (А. Чехов. Цветы запоздалые); – **Вот что, голубчик, – говорил я, постукивая по широчайшей тёплой груди, – у вас малярия. Перемежающаяся лихорадка...** (М.Булгаков. Тьма египетская); – **Ну, вот что, Черкасов: всё-таки нужно будет комнату от заразы очистить. Все подушки, одеяло, которым вы вчера покрывались, дайте нам; мы их вам завтра отдадим. И комнату нужно будет хорошенько полить и обрызгать** (В. Вересаев. Без дороги);*

2) **комплементарные РЖ**, то есть жанры, непосредственно не относящиеся к институциональному дискурсу, но взаимно дополняющие его и составляющие некое функциональное единство. Подобные *РЖ* связаны с эмоционально-психологическим компонентом интеракции и с социальным анамнезом. «В этом процессе специального исследования человеческой личности врачу, наряду с клиническим материалом, неизбежно приходится расследовать также те стороны в положении больного, которые имеют социальное значение (то есть оказывают влияние на личность, как на едини-

цу общественной среды)» [6: 595]. В отличие от видов институционального дискурса, где коммуниканты являются равнокомпетентными, медицинский дискурс есть форма, в которой комбинируются статусно-ролевая позиция врача и личностно-ролевая позиция пациента. В процессе диалогического единства эти ролевые отношения тесно переплетаются, благодаря чему становится возможным включение в институциональный дискурс жанров неинституционального дискурса, таких как *РЖ просьбы*, *мольбы*, *утешения*, *убеждения*. Например: *Маруся пошла навстречу Топоркову и, ломая перед ним руки, начала просить. Ранее она никогда и ни у кого не просила. – Спасите его, доктор! – сказала она, поднимая на него свои большие глаза. – Умоляю вас! На вас вся надежда!* (А. Чехов. Цветы запоздалые); – *Болезнь без стука входит в дверь, – развеёл руками Квасов. – Всё скоро образуется. Тревожных симптомов нет.* – сказал Бородин (Бейлин. Живи, солдат!); – *Слушайте, дядя, – продолжал я вслух, – глотка дело второстепенное. Глотке мы тоже поможем, но, самое главное, нужно вашу общую болезнь лечить. И долго придётся лечиться – два года* (М. Булгаков. Звёздная пыль);

3) **периферийные РЖ** – все речевые жанры, кроме комплементарных, которые необязательно могут появляться в институциональном дискурсе (например, *РЖ предостережения*, *угрозы*, *инвективы*, *обвинения*). Например: *Доктор осмотрел его локоть, подавил, вздохнул, чмокнул губами, потом опять подавил. – Бить тебя, баба, да некому, сказал он. – Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то ведь пропащая! Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит!* – *Вам лучше знать, батюшка...* – вздохнула баба (А. Чехов. Беглец);

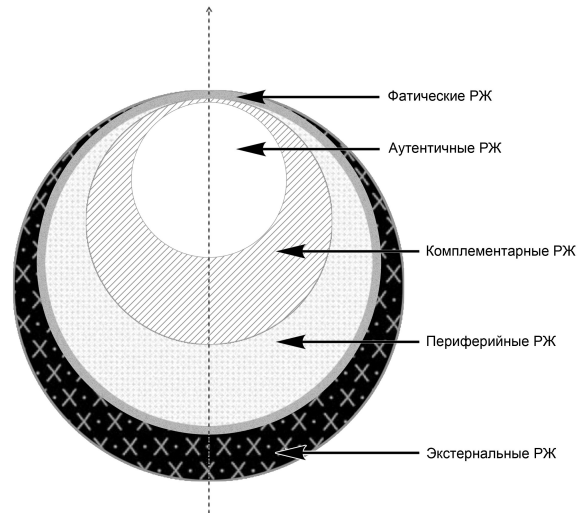
4) **экстернальные**, или **внеположные РЖ**, то есть принципиально невозможные для данного типа дискурса или как минимум для одного из коммуникантов («...действуют запреты на игровое, ироничное и патетическое общение» [4: 240]). Например, в речевой модели «врач – пациент» не может присутствовать *РЖ осуждения*, *хвастовства*, *инвективы*, *флирта*, *ультиматума* и т. п. со стороны врача, так как это противоречит принципам медицинской этики; невозможен *РЖ светской беседы* как лишённый институциональных признаков или *РЖ соблезнования*, в случае, если объектом является сам пациент, ввиду отсутствия диалогического единства. Впрочем, именно с использованием этого типа *РЖ* связаны такие явления, как, например, специфический («чёрный») медицинский юмор и жанр анекдота о врачах. Сюда же можно

отнести речь, характерную для девиантного поведения коммуникантов (как минимум одного из них) и отмечаемую нивелировкой этикетных форм и речевой тактичности, наличием различных форм вербальной агрессии. Необходимо отметить, что такое понятие как т.н. «конфликтный дискурс» можно рассматривать только применительно к бытовому – не институциональному – дискурсу, т. к. речевые акты, образующие РЖ в этом случае, противоречат принципам институциональной коммуникации (т. е. исследователь должен либо говорить о «квазиинституциональности», либо постулировать статусно-ролевую деградацию институциональных отношений).

Наблюдая над речевым взаимодействием участников медицинского дискурса (врача и пациента), можно констатировать, что институциональность вступает в противоречие и в сильной степени ограничивает один из базовых признаков дискурса – *спонтанность*. Для *институционального* дискурса характерна однотипность и одноплановость коммуникативных ситуаций, что, в соответствии с дисциплинарной матрицей – в нашем случае медицинской науки – предполагает относительную предсказуемость интеракции и, следовательно, предвосхищает использование ограниченного ряда жанровых форм в речи. *Институциональность* являет собой демаркационный признак, отделяющий достаточно узкоспециальное поле жанрово-речевой аутентичности от количественно превосходящего поля жанрово-речевой экстерсальности.

В пропорциональном соотношении набор аутентичных жанров уступает многообразию других, комплементарных и периферийных. Однако именно парадигма жанров, подчинённых целевым установкам медицинского дискурса, является сдерживающим фактором, конституирующим институциональный дискурс. Она позволяет врачу выстраивать диалогическую структуру в рамках заданной темы. Фатические РЖ не включаются нами в общую схему классификации, т. к. по необходимости присутствуют в любых видах общения. Обусловленность речевых жанров клиническими (анамнезическими) парадигмами, имеющими логико-смысловой алгоритм, позволяет констатировать явление связанности и взаимообусловленности речевых жанров между собой, продуцирования жанровых цепочек в речи (рисунк).

В качестве характерного примера связанности и взаимообусловленности речевых жанров можно привести следующие контексты: 1) жанр жалобы → жанр постановки диагноза;

Жанровое пространство дискурса в соответствии с направляющей институциональностью

Genre space of discourse according to guideline of institutionality

2) жанр постановки диагноза → жанр рекомендации; 3) жанр постановки диагноза → жанр отказа от лечения → убеждения → жанр отказа от лечения → жанр убеждения. Например: 1) **(жанр жалобы)** – *Бабушка, болит у вас что-нибудь сейчас?* – *Живот. Живот болит всё время. Очень болит.* – *Язык покажите.* *Суховат. Дайте руку* → **(жанр постановки диагноза)** – *И всё-таки перитонит* (Крелин, От мира сего); 2) **(жанр постановки диагноза)** – *У вас выраженная коронарная недостаточность, сказал я Сизову.* – *Вызвана она спазмом сосудов сердца. К счастью, это пока ещё только спазм, но его надо снять, иначе всё может кончиться инфарктом* → **(жанр рекомендации)** – *Нужно лечь к нам в институт и провести курс энергичного лечения, и угрозы инфаркта не будет* (Углов, Под белой мантией); 3) **(жанр постановки диагноза)** – *Всё-таки придётся вас оперировать.* *Камни в жёлчном пузыре у вас* → **(жанр отказа)** – *Может, обойдётся? Может, мне лучше съездить на курорт? Подлечиться. Диету строже соблюдать* → **(жанр убеждения)** – *Ну, какой курорт?! – Он вытащил из кармана камень, показал ей.* – *Вот такие в вашем пузыре. Нет у нас сейчас такого лекарства, чтобы камни эти уничтожить. Разве что царскую водку в пузырь влить* → **(жанр отказа)** – *На курорте я окрепну, а то я сейчас сильно ослабела* → **(жанр убеждения)** – *Что же ждать, время терять. Вы просто себя хотите обмануть. Оттянуть время. Вам сейчас под шестьдесят. Будете старше. С годами ваше состояние не улучшается. Оперировать будет опаснее. Ну, подумайте. Мы вас не торопим* (Крелин, Риск).

Возникновение «нестандартной» ситуации способно вызвать отступление от общепринятого канона, разрушить профессионально заданную систему жанровых взаимодействий. Колебания в использовании тех или иных речевых жанров в речи врача и пациента, от *жанров мольбы, просьбы, отказа от лечения* в речи пациента к жанрам *убеждения, утешения, обвинения* в речи врача обусловлены различными экстралингвистическими обстоятельствами.

Таким образом, предложенная нами классификация использует явление институциональности как структурирующий принцип коммуникации, основой которого являются простые, базовые критерии, позволяющие отграничить речевую ядро от явлений второго плана. Такая классификация может быть применима к любой из разновидностей институционального дискурса (юридического, военного, педагогического, политического и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деметьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистрантов. М.: Флинта: Наука, 2014. 546 с.
3. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 204 с.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пonomarenko E. A. Типологическая классификация речевых жанров институционального дискурса // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 105–109. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>

6. Большая медицинская энциклопедия / гл. ред. Н. А. Семашко: в 35 т. М.: АО «Советская Энциклопедия», 1928. Т. 1. С. 594–597.

7. Пonomarenko E. A. Жанровая организация речевого общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей): дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 2014. 405 с.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
2. Sherstyanykh I. V. *Teoriya rechevykh zhanrov: lekcionno-practicheski kurs* [The theory of speech genres: lectures course] Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2014. pp. 88–125 (in Russian).
3. Izvekova M. G. *Pragmalingvisticskie kharakteristiki ritualnogo discursa* [Pragmalinguistic characteristics of ritualized discourse]. Diss. Cand. Sci. (Philol.) Volgograd, 2006. 204 p. (in Russian).
4. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', contsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
5. Karasik V. I. About types of discourse [O tipah discursa]. In: *Yazikovaya lichnost: institucionalny I personalny discurs: sb. nauch. tr.* [Language personality: institutional and personal discourse: coll. of sci. art.]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20.
6. *Bolshaya medicinskaya encyclopedia: v 35 t.* [The Great Medical Encyclopedia. Ed. by N. A. Semashko]. Moscow, AO "Sovetskaya Entsiklopediya" Publ., 1928, vol. 1, pp. 594–597 (in Russian).
7. Ponomarenko E. A. *Janrovaya organizaciya rechevogo obshcheniya vracha i pacienta (na materiale hudozhestvennykh proizvedeniy pisatelei-vrachei)* [Genres organization of speech communication of doctor and patient (based on works by Russian writers-doctors)]. Diss. Doct. Sci. (Philol.). Simferopol, 2014. 405 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 02.12.2017

For citation

Ponomarenko E. A. The Classification of Speech Genres of Institutional Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 105–109 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-105-109>

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118>

М. А. Ширинкина
Пермь, Россия

Marya A. Shirinkina
Perm, Russia

Жанры письменного дискурса исполнительной власти**Genres of Written Discourse of the Executive Branch**

Исследование посвящено описанию жанровой системы письменного дискурса исполнительной власти.

Освещаются мнения жанроведов о критериях классификации жанров. Приводятся типологии речевых жанров на разных интер- и экстралингвистических основаниях: по коммуникативной цели, по виду деятельности, типу речи, особенностям аудитории и т. д. На основе анализа разных концепций делается вывод о том, что целостное построение жанровой системы возможно только при учете множества факторов.

Авторский подход к классификации письменных жанров исполнительной власти основывается на функционально-стилистической концепции с дополнением ее параметрами коммуникативной ситуации. В качестве ведущего критерия для выделения жанровых групп учитываются частные виды юридической деятельности исполнительной ветви власти: исполнительно-распорядительная, коммуникационная (организация обратной связи с обществом) и информационная. На этом основании выделяются три группы жанров исполнительной власти: предписательные, эпистолярные и информационно-справочные. Дифференциация конкретных жанровых разновидностей внутри группы базируется на комплексе интенционального и ситуативного факторов, последний из которых включает статусно-ролевые характеристики адресанта и адресата.

На конкретном материале проиллюстрированы некоторые лингвостилистические различия жанровых разновидностей письменного дискурса исполнительной власти (постановления, положения, письма-ответа на обращение гражданина и пресс-релиза).

Ключевые слова: функциональная стилистика, жанроведение, письменный дискурс исполнительной власти, жанр, типология, коммуникативная ситуация.

The article presents a description of the genre system of the executive written discourse.

The paper considers viewpoints of specialists in genre studies on the criteria for classifying genres. It presents speech genres typologies on the inter- and extralinguistic bases according to: communicative intention, type of activity, specificity of the audience, etc. Through the analyses of various conceptions, the author comes to the conclusion that a complete modeling of a genre system is possible only if a number of factors is considered.

The author's approach to classifying the executive written genres is built upon the functional stylistic conception supplied with the communicative situation parameters. To single out genre groups, the author takes into consideration the principle criterion – particular kinds of legal activities of the executive branch: executive-administrative, communicative (setup of feedback with the society) and informative. This enables the author to single out three groups of the executive genres: enacting, epistolary and informational. Differentiation between genre varieties within these groups is based on the complex of intentional and situational factors, the latter include status and role characteristics of an addresser and an addressee.

A number of examples illustrate linguistic and stylistic differences in the genre diversity of the executive written discourse (decision, resolution, letter of response to a public appeal and press-release).

Keywords: functional stylistics, genre studies, the executive written discourse, genre, typology, communicative situation.

Сведения об авторе: Ширинкина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики.

Место работы: Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: m555a@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

About the author: Shirinkina Mariya Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department.

Place of employment: Perm State University.

E-mail: m555a@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6951-0653>

Введение

В современной лингвистике постоянно увеличивается интерес к проблеме речевых жанров разных сфер общения [1–8]. Представлено множество определений речевого жанра (далее РЖ), выявляются жанрообразующие признаки, предпринимаются попытки построения типологии РЖ разных сфер общения.

Несмотря на существование обширной литературы, в генеристике остается нерешенной одна из основных теоретических задач: построение типологии жанров. Ключевой проблемой такой типологии является определение базы сравнения жанров-текстотипов. По мнению В. В. Дементьева, «главная трудность, с которой сталкивается исследователь, строящий типологию РЖ, – поиск адекватного основания классификации» [3: 115].

М. М. Бахтин в качестве основного принципа типологизации высказываний (текстов) выдвигал «классификацию форм речевого общения» [9: 363]. Формами речевого общения, или идеологиями, ученый называл сферы духовной деятельности – искусство, политику, право, науку, религию и т. д. В частности, он писал: «В каждой сфере бытуют и применяются свои жанры, отвечающие специфическим условиям данной сферы <...> Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, т. е. определенные относительно устойчивые *тематические, композиционные и стилистические* типы высказываний (курсив мой. – М. Ш.)» [10: 254–255]. Выдвинув в качестве основания классификации данную триаду, а также наметив деление жанров на первичные и вторичные, М. М. Бахтин создал базу целостной жанровой типологии.

Особенно большой интерес вызвала бахтинская дихотомия первичных и вторичных жанров, то есть жанров как моделей высказывания и жанров как текстотипов. Те и другие едины по своей коммуникативной природе, но различны в содержательном и структурном отношениях [6: 185–189]. Жанроведение располагает целым рядом классификационных предложений, касающихся данной оппозиции. Так, М. Ю. Федосюк предлагает называть первичные жанры элементарными, а вторичные – комплексными, разделяя при этом комплексные на монологические и диалогические [7: 104].

В жанровой типологии М. М. Бахтина отсутствует параметр интенциональности, но со временем он был выдвинут на ведущее место. Этот параметр кладет в основу своей классификации А. Вежбица. На основе этого

параметра с помощью специального метаязыка она выделяет и описывает 38 польских речевых жанров [2].

Н. Д. Арутюнова, считая важным параметром диалога целеориентированность, классифицирует на этой основе жанры диалогического общения. Она различает информативный диалог, прескриптивный диалог, обмен мнениями, праздноречевые жанры и др. Наряду с признаком цели исследователь называет другие признаки жанров: распределение ролей и коммуникативных интересов, протяженность речевого ряда, структуру, связность, условия общения и др. [11: 52–53]. Жанр предстает многофакторным речевым образованием, из чего следует вывод, что общая типология жанров требует поликритериального подхода.

Такой подход демонстрирует Т. В. Шмелева, разработавшая «анкету речевого жанра». Эта анкета включает семь конститутивных признаков: коммуникативную цель жанра, концепцию автора, концепцию адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего и, наконец, языковое воплощение [8]. По первому – наиболее значимому в анкете – признаку коммуникативной цели Т. В. Шмелева выделяет четыре класса жанров: информативные, императивные, этикетные, оценочные [8: 91–92]. Однако построить классификацию, основываясь на целой группе признаков, также затруднительно. Исследователи, опирающиеся при характеристике жанра на ряд признаков, все равно выделяют из них доминирующий и классифицируют жанры на этом единственном основании.

Возможна также типология речевых жанров на дихотомической базе. В частности, В. В. Дементьев такой базой предлагает считать «противопоставление двух полярных речевых замыслов – фатик и информатик» [4: 160]. По мнению исследователя, эта дихотомия может играть роль универсального основания, которое повлекло бы за собой построение в будущем единой, общепризнанной и адекватной материалу типологии РЖ [4: 161].

Другой вариант анализа – это характеристика жанра на основании ряда оппозиций. Так, Ст. Гайда различает, во-первых, простые и сложные жанры, во-вторых – примарные и секундарные, и, в-третьих, тематически неограниченные и тематически специализированные жанровые разновидности [12: 112].

Заметно, что проблема жанровой типологии строится с учетом как интерлингвистических, так и экстралингвистических факторов. D. Lee называет в качестве основных показателей для разделения жанров различные внелингвистические критерии, среди которых установка

автора, вид деятельности, тип речи и ее содержание, функции, особенности аудитории и др. [13: 38–47]. Основываясь на указанных параметрах, D. Lee выделяет письменные и устные, диалогические и монологические, публичные и частные и мн. др. группы жанров. Аналогичная точка зрения – о необходимости мультикритериальной модели классификации жанров – выражена и в работах других зарубежных исследователей [14, 15].

Такая позиция очень напоминает функционально-стилистический подход, обоснование которого сделано М. Н. Кожинной. Данный подход к классификации жанров предполагает учет целого комплекса экстралингвистических оснований. Представим ключевые положения функциональной стилистики несколько подробнее.

Функционально-стилистический подход к классификации деловых жанров

Экстралингвистическим основанием выделения функциональных макростилей признается сфера общения и соответствующий ей вид деятельности, его назначение и специфика. Другими стилеобразующими факторами, по мнению М. Н. Кожинной, являются тип мышления, тип содержания, форма речи (письменная или устная), вид речи (монолог или диалог), способ изложения (описание, повествование, рассуждение), характер отношений (официальный или неофициальный), тон речи (высокий, торжественный, сниженный) и др. [16]. На основе данных параметров в функциональной стилистике выделены и описаны наиболее крупные естественно сложившиеся разновидности литературного языка – функциональные стили.

Исследование типовых ситуаций общения в различных областях духовной социокультурной деятельности приводит стилистов к пониманию того, что «выделяемые в рамках этих областей частные виды духовной деятельности» становятся экстралингвистической основой «групп речевых жанров и отдельных жанров» [17: 59].

Жанр оказывается особой реализацией параметров коммуникативной ситуации, основными из которых являются коммуникативная цель; субъект речи, его статус и роль; адресат, его статус и роль. Повторяющиеся сочетания реализаций названных параметров образуют жанровую разновидность конкретного функционального макростиля. Каждая жанровая разновидность характеризуется языковым своеобразием и типовой структурой.

Официально-деловой макростиль обслуживает коммуникативные ситуации сферы правовых отношений, среди которых, как пра-

вило, выделяют дипломатическую, законодательную, судебную, административную и ряд других областей. Стилеобразующим экстралингвистическим фактором этого стиля выступает право как система социальных норм, призванная регулировать отношения между людьми, учреждениями, странами. Поскольку в праве как сфере духовной культуры выделяются правотворческая, правоприменительная, интерпретационная, исполнительно-распорядительная и другие частные виды духовной деятельности [18: 28–31], то будет справедливым сказать, что в результате любого из названных видов деятельности образуется особая группа текстов, например, письменные документы исполнительной власти, которые и являются предметом нашего научного интереса.

В научной литературе представлены классификации жанров официально-делового стиля и отдельных внутрителиевых разновидностей на разных основаниях: поликритериальная трехуровневая систематизация с точки зрения риторики [1]; многофакторная двухступенчатая типология в аспекте прагмалингвистики [19]; классификация на интенционально-стилистическом основании с учетом положений функциональной стилистики [20]; дифференциация по ведущей интенции, типу субъектно-адресатных отношений и функциональному назначению [21].

Наш подход к письменным жанрам исполнительной власти заключается в том, что основным критерием выделения жанровых групп мы считаем частные виды юридической деятельности указанной ветви власти, а основанием классификации жанров-текстотипов внутри группы – совокупность внелингвистических факторов – параметров коммуникативной ситуации исполнительной ветви власти: коммуникативную цель субъекта речи, его статусно-ролевые характеристики, а также статусно-ролевые характеристики адресата.

Ведущей функцией исполнительной власти является функция государственного управления – особый вид деятельности, который квалифицируется в правоведении как «исполнительно-распорядительная деятельность по применению законов и иных (подзаконных) нормативных правовых актов» [22: 33], включающая подзаконное правотворчество, правоприменение, контроль, руководство, прогнозирование, учет и т. д.

Исполнительно-распорядительная деятельность осуществляется только от имени государства либо субъектов РФ, либо муниципальных образований, то есть *субъектом речи* в описываемой коммуникативной ситуации является субъект исполнительной власти (исполнительный орган или должностное лицо).

Субъект занимает доминирующее положение по отношению к другим участникам административно-правовых отношений, а именно имеет юридически закрепленные властные полномочия предписывать им нормы поведения и устанавливать порядок осуществления деятельности в конкретной области. *Коммуникативная цель* субъекта исполнительно-распорядительной деятельности – вынесение властных распоряжений, предписаний, обязательных для исполнения адресатом. *Адресатами* могут быть граждане, общественные объединения, предприятия, учреждения, организации, исполнительные органы и государственные органы других ветвей власти.

В результате исполнительно-распорядительной деятельности создаются нормативные и индивидуальные правовые акты – *предписательные* тексты, которые можно разделить на два подкласса: директивные и регламентирующие документы. *Директивные* документы имеют целью предписать типовые правила поведения в сфере государственного управления, *регламентирующие* – установить юридически значимые факты (возникновение, изменение, прекращение конкретных административных правоотношений), организационно-правовой статус органов исполнительной власти и их подразделений, а также порядок совершения определенных действий (лицензирования, регистрации и т. д.).

В юридической практике предписательные тексты, созданные на основе и во исполнение законов, называются подзаконными актами. Подзаконные акты реализуются в форме указов и распоряжений Президента РФ, постановлений, приказов, распоряжений, положений, инструкций, регламентов и т. д. органов исполнительной власти разного уровня (от федеральных до органов местного самоуправления).

В последнее время, наряду с исполнительно-распорядительной деятельностью, особо выделяются коммуникация с гражданским обществом (диалог власти и общества, например, ответы на обращения граждан в органы власти) и информирование граждан; эти виды деятельности, во-первых, юридически закреплены в специальных федеральных законах [23, 24], во-вторых, описаны в диссертационных исследованиях по правоведению, политологии и социологии [25–27]. Охарактеризуем параметры ситуаций общения, связанных с их реализацией.

Деятельность по организации обратной связи с обществом – диалог власти и общества – отражает конституционные права граждан на обращение в органы власти и участие в управлении делами государства [28: ст. 32,

33]. Обращения определяются в законодательстве как «направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления» [23: ст. 4]. Обращение гражданина рассматривается представителями власти, после чего гражданину в письменной или электронной форме дается ответ, который по типологическим признакам представляет собой деловое письмо – *эпистолярный* жанр письменного дискурса исполнительной власти. Автором текста выступает конкретный специалист, в должностные обязанности которого входит своевременное рассмотрение обращений, при этом письмо составляется от имени органа исполнительной власти или его руководителя (это *субъект речи*). *Адресатом*, очевидно, является конкретный гражданин или коллектив граждан, обратившихся в орган власти в связи с той или иной проблемной ситуацией. Исходя из этого, *коммуникативной целью* представителя власти становится ответ на запрос гражданина относительно описанной проблемы.

Письма-ответы на обращения граждан не являются нормативными правовыми актами (см. об этом: [29: п. 2 разд. 1]), поэтому составитель письма-ответа не предписывает адресату, а рекомендует, советует, как ему решить определенную проблему, что сделать для реализации или восстановления нарушенных прав.

Особо подчеркнем, что выделение служебной переписки в самостоятельную типологическую группу среди других жанров деловой речи подтверждается в работах по делопроизводству, документоведению и документной лингвистике (см., например: [30, 31]). К этой же типологической группе относится служебная переписка внутри подразделений органов исполнительной власти и с внешними корреспондентами (органами власти других ветвей и т. д.).

Еще одна разновидность социально значимой деятельности органов исполнительной власти – *информирование* – регулируется Федеральным Законом № 8. В частности, в законе установлено, что информирование нацелено на обеспечение доступа пользователей, которыми могут быть граждане, организации, общественные объединения, к сведениям о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления [24: ст. 1, 2].

Для информирования используются различные *информационно-справочные* жанровые формы: от официально-деловых (отчеты, официальная информация, административ-

ные объявления) до периферийных и гибридных (пресс-релизы, анонсы, памятки, инструкции, методические указания/рекомендации, информационные материалы и др.), издаваемых в нетипичной для сферы правовых отношений форме красочных брошюр, буклетов, информационных бюллетеней и т. д.

Пресс-релизы, например, составляются специалистами по связям с общественностью, имеют *целью* сообщить социально значимую новость об органе власти или конкретном должностном лице, адресованную массовому читателю или определенной целевой аудитории. Следует особо подчеркнуть, что пресс-релиз, являясь публицистическим жанром, выполняет, наряду с информированием, дополнительную функцию – воздействие на адресата, а именно формирует положительный имидж органов власти в сознании граждан.

Периферийные для официально-делового функционального стиля жанровые разновидности по-разному именуются составителями (информация, методические указания, памятки и т. д.). *Субъектом речи* в данном случае оказывается специалист, обладающий теоретическим и практическим опытом в определенной предметной сфере (ЖКХ, градостроительство, здравоохранение социальная защита и т. д.). При этом *коммуникативная цель* информирования может преобразовываться в инструктирование, разъяснение, консультирование, даже популяризацию правовых знаний. Каждый текст в зависимости от содержания ориентирован на определенный круг лиц (*адресатов*), заинтересованных в получении официальной, авторитетной, достоверной информации по какому-либо конкретному вопросу, но не обязанных действовать в соответствии с рекомендациями автора-составителя. Доступ к такой информации реализуется разными способами: размещение информации в СМИ, на официальных сайтах

органов власти и в различных помещениях; предоставление пользователю информации в письменном или электронном виде по его запросу и т. д.

Представим выделенные группы жанров письменного дискурса исполнительной власти в виде таблицы.

Анализ материала

Лингвостилистические особенности жанровых текстотипов, воплощающих результаты частных видов речевой деятельности представляются указанными выше коммуникативными факторами – целью субъекта речи, его статусом и ролью, а также статусом и ролью адресата. Проиллюстрируем это конкретными примерами.

Постановление как директивный документ Правительства Российской Федерации – высшего исполнительного органа государства, обладающего полномочиями предписывать неопределенно широкому кругу субъектов права нормы поведения, выдержано в тональности категоричного предписания, которая формируется концентрированным содержанием глаголов совершенного вида в инфинитивных формах (60–70 % от общего числа глаголов), обозначающих законченные, результативные действия: *Утвердить прилагаемое Положение о Министерстве образования и науки Российской Федерации; Признать утратившими силу акты Правительства Российской Федерации по перечню согласно приложению* (Постановление Правительства РФ от 03.06.2013 № 466).

Из примеров видно, что постановление, ориентированное на единовременный конкретный результат, выражает категоричное отдельное управленческое решение исполнительной власти, влекущее за собой кардинальное изменение ситуации.

Жанры письменного дискурса исполнительной власти

Executive discourse genres

Предписательные		Эпистолярные	Информационно-справочные
Директивные	Регламентирующие		
– указ – приказ – постановление – решение – распоряжение – директива	– положение – правила – порядок – регламент – инструкция	– письмо-ответ на обращение гражданина – служебное письмо	– отчет – официальная информация – административное объявление – пресс-релиз – анонс – памятка – информационные материалы

Для положения, являющегося регламентирующим жанром и, следовательно, нацеленного на фиксацию юридических фактов и установление их в статусе закона, характерна меньшая степень категоричности предписания. Насыщенность глаголами несовершенного вида (свыше 90 %), обозначающими сам факт наличия действия или необходимость его осуществления, а также называемыми постоянно-непрерывные действия, состояния, отношения, формирует сдержанное предписание, выражает некую траекторию комплексного управленческого решения исполнительной власти, распространяющегося на довольно длительный временной период: *Авиационная коллегия в целях решения возложенных на нее задач: а) координирует и согласовывает действия федеральных органов исполнительной власти...; б) определяет приоритетные направления развития авиационной промышленности РФ и ее потребности в ресурсном обеспечении; в) рассматривает предложения и готовит рекомендации...* (Положение об авиационной коллегии при Правительстве РФ от 21.12.2016 № 1408).

Некоторые разделы регламентирующих жанров имеют целью констатировать юридические факты или установить в статусе закона изменения в сфере управления государством: *Авиационная коллегия при Правительстве Российской Федерации... является постоянно действующим координационным органом...* (Положение об авиационной коллегии при Правительстве РФ от 21.12.2016 № 1408).

Письма-ответы на обращения граждан, реализующие установку на коммуникацию (диалог) власти и общества, не выражают категоричного предписания, для них характерна тональность установления/констатации, а также рекомендации/совета, которые создаются разноуровневыми языковыми средствами, и прежде всего лексемами соответствующей семантики: *В настоящее время напряжение в ВЛ-0,4 кВ не подается, т. к. отсутствует разрешение на ввод объекта (ВЛ-0,4 кВ и ЗКТП) в эксплуатацию; Рекомендую собственникам жилых помещений многоквартирного дома инициировать общее собрание с участием представителя управляющей компании...* Дополнительные коммуникативные целеустановки на разъяснение правовых норм или обоснование отказа обуславливают появление в письме-ответе вводных слов, выражающих эмоции или порядок изложения мыслей: *К сожалению, сообщить конкретный срок расселения вышеуказанного дома не представляется возможным в связи с тем, что...; Таким образом, для большего удоб-*

ства перемещения по городу переименовано 2 остановки, расположенные на улице Куйбышева.

Пресс-релизы, ориентированные на создание позитивного имиджа власти, отличаются соответствующими тональными оттенками. Небольшие по объему сообщения о продуктивной работе органов власти и отдельных должностных лиц насыщены фактологической информацией, в них активно употребляются оценочные лексемы с положительной семантикой, а также различные средства выразительности: *«Уникальные школы» – это проект, входящий в число приоритетных в отрасли образования для губернатора региона Виктора Басаргина и администрации Перми. Проект представляет собой своеобразный образовательный лифт от школьной парты к будущему рабочему месту. Его цель – подготовить ребят к возможной будущей профессии через практическую деятельность, через сотрудничество школ и предприятий* (<http://www.gorodperm.ru/new/s/2016/04/01/34325-id/>).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие заключения. Письменный дискурс исполнительной власти как особая внутрителивая разновидность официально-делового функционального стиля характеризуется наличием отработанной жанровой системы. Функционально-стилистическое описание различных по тематике, структуре и стилистическим особенностям текстов объясняет эти различия действием целого ряда внелингвистических факторов (сфера общения и вид деятельности, форма и вид речи, тип содержания, способ изложения и др.).

Детализируя функционально-стилистический подход, мы добавляем в качестве основания для классификации жанровых разновидностей письменного дискурса исполнительной власти комплекс интенционального и ситуативного факторов, последний из которых включает такие компоненты, как коммуникативная цель, субъект речи и адресат (их статусно-ролевые характеристики). Такой подход позволяет объединить различные по тематике, структуре и стилистическим особенностям тексты в несколько жанровых групп (текстотипов).

Опираясь на установленные в правоведе функции и соответствующие им виды деятельности исполнительной ветви власти (исполнительно-распорядительную, коммуникативную и информационную), мы выделяем в письменном дискурсе исполнительной вла-

сти три группы жанров: предписательные, эпистолярные и информационно-справочные.

Лингвостилистическое своеобразие отдельного жанра внутри каждой группы определяется параметрами коммуникативной ситуации, в которой он создается и функционирует. В частности, во всех жанрах исследуемого речевого сегмента сохраняется ориентация на воздействие, при этом в каждом жанре формируется свой неповторимый характер речи, создаваемый разноуровневыми языковыми средствами: директивным жанрам присуще категоричное безапелляционное предписание совершить конкретное результативное действие; регламентирующим жанрам свойственно сдержанное предписание долгосрочных правовых действий или установление в статусе закона изменений в сфере государственного управления; письма-ответы на обращения граждан строятся в форме совета или рекомендации о том, как реализовать или восстановить права, а также содержат их нормативно-правовое обоснование; в пресс-релизах для СМИ создается позитивный образ органов исполнительной власти и отдельных должностных лиц.

Таким образом, анализ материала свидетельствует о том, что в каждом жанре письменного дискурса исполнительной власти сохраняется основной конструктивный принцип официально-делового функционального макростила – долженствование, ориентация на воздействие, однако изменяется степень категоричности предписания и характер воздействия на адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимова Т. В.* Типология жанров деловой речи: Риторический аспект: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 46 с.
2. *Вежбицка А.* Речевые жанры // *Жанры речи*: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 99–111.
3. *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // *Вопросы языкознания*. 1997. № 1. С. 109–121.
4. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
5. *Долгин К. А.* Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // *Жанры речи*: сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 7–13.
6. *Салимовский В. А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.
7. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания*. 1997. № 5. С. 102–120.
8. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи*: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С. 88–98.

9. Михаил Михайлович Бахтин (Под маской). М.: Лабиринт, 2000. 640 с.

10. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. С. 250–296.

11. *Арутюнова Н. Д.* Жанры общения // *Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис*. М.: Наука, 1992. С. 52–56.

12. *Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // *Жанры речи*: сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. С. 103–112.

13. *Lee D.* Genres, Registers, Text Types, Domains, and Styles // *Language Learning & Technology*. September 2001. Vol. 5, № 3. P. 37–72.

14. *Paltridge B.* Genre, text type, and the language classroom // *ELT Journal*. 1996. Vol. 50, № 3. P. 237–243.

15. *Trosborg A.* Text Typology: Register, Genre and Text Type // *Trosborg A. Text Typology and Translation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. P. 3–23.

16. *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1972. 396 с.

17. *Салимовский В. А.* Речевые жанры научного эмпирического текста (статья вторая) // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. С. 40–65.

18. *Карташов В. Н.* Понятие и структура юридической деятельности // *Юридическая деятельность: сущность, структура, виды*. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1989. С. 12–32.

19. *Чигридова Н. Ю.* Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярных (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

20. *Дускаева Л. Р., Протопопова О. В.* Жанры официально-делового стиля // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Норма, 2003. С. 69–79.

21. *Киреева Е. З.* Жанры подзаконного дискурса // *Жанры речи*. 2016. № 1(13). С. 78–86.

22. *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право. М.: Флинта; Наука, 2005. 800 с.

23. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (дата обращения: 15.10.2017).

24. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 15.10.2017).

25. *Ветров К. В.* Информирование населения о деятельности органов власти как фактор управления: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003. 25 с.

26. *Котилов Д. А.* Распространение информации федеральным органом исполнительной власти в гражданском обществе: теоретические аспекты правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2012. 25 с.

27. *Селихова Н. Л.* Развитие коммуникативно-информационных связей органов регионального управления и общества: На материалах Брянской области: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 27 с.

28. Конституция Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.10.2017).

29. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/78a1c4510de0249bcf851807a273751feca57d49/ (дата обращения: 15.10.2017).

30. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: нормы, риторика, этикет. М.: ОАО «НИО «Экономика»» 2000. 271 с.

31. Кушнерук С. П. Документная лингвистика. М.: Наука, 2008. 256 с.

REFERENCES

- Anisimova T. V. *Tipologija zhanrov delovoj rechi: ritoricheskiy aspekt* [Typology of genres of business speech: rhetorical aspect]. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2000. 46 p. (in Russian).
- Vezhbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Iss. 1. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, pp. 99–111 (in Russian).
- Demytyev V. V. *Izuchenie rechevyh zhanrov: obzor rabot v sovremennoj rusistike* [The study of genres: a review of studies in modern Russian linguistics]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics], 1997, no. 1, pp. 109–121 (in Russian).
- Demytyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
- Dolinin K. A. Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii social'nogo vzaimodejstviya [Speech genres as means of organization of social interaction]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Iss. 2. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1999, pp. 7–13 (in Russian).
- Salimovskij V. A. *Zhanry rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshhenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in the functional-stylistic lighting (academic text)]. Perm, Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 236 p. (in Russian).
- Fedosjuk M. Ju. *Nereshennye voprosy teorii rechevyh zhanrov* [Unresolved questions in the theory of speech genres]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
- Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Iss. 1. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, pp. 88–98 (in Russian).
- Mihail Mihajlovich Bahtin (*Pod maskoj*) [Mihail Mihajlovich Bahtin (Under the mask)]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 640 p. (in Russian).
- Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Jestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 250–296 (in Russian).
- Arutjunova N. D. Zhanry obshhenija [Genres of communication]. In: *Chelovecheskiy faktor v jazyke. Kommunikacija, modal'nost', dejksis* [The Human factor in language. Communication, modality, deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 52–56 (in Russian).
- Gajda St. Zhanry razgovornyh vyskazyvanij [Genres of spoken utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Iss. 2. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1999, pp. 103–112 (in Russian).
- Lee D. Genres, Registers, Text Types, Domains, and Styles. *Language Learning & Technology*, September 2001, vol. 5, no. 3, pp. 37–72.
- Paltridge B. Genre, text type, and the language classroom. *ELT Journal*, 1996, vol. 50, no. 3, pp. 237–243.
- Trosborg A. Text Typology: Register, Genre and Text Type. *Trosborg A. Text Typology and Translation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 1997, pp. 3–23.
- Kozhina M. N. *O rechevoj sistemnosti nauchnogo stilja sravnitel'no s nekotorymi drugimi* [Speech on a scientific style in comparison with some other]. Perm, Izd-vo Perm. un-na, 1972. 396 p. (in Russian).
- Salimovskij V. A. Rechevye zhanry nauchnogo jem-piricheskogo teksta (stat'ja vtoraja) [Speech genres of the scientific empirical text (article the second)]. In: *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste* [Stereotype and creativity in the text]. Perm, Izd-vo Perm. un-na, 1999, pp. 40–65 (in Russian).
- Kartashov V. N. Ponjatie i struktura juridicheskoy dejatel'nosti [Concept and structure of legal activity]. In: *Juridicheskaja dejatel'nost': sushhnost', struktura, vidy* [Juridical activity: essence, structure, types]. Jaroslavl, 1989, pp. 12–32 (in Russian).
- Chigridova N. Ju. *Rechevoe povedenie kommunikanta v zhanre delovyh jepistoljarij (na materiale nemeckogo jazyka)* [Speech behavior of the communicant in the genre of business epistolary (on the material of the German language)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2000. 24 p. (in Russian).
- Duskaeva L. R., Protopopova O. V. Zhanry oficial'no-delovogo stilja [Official business style genres]. In: *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [The stylistic encyclopaedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, pp. 69–79 (in Russian).
- Kireeva E. Z. Zhanry podzakonnogo diskursa [Genres of sublegislative discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 1(13), pp. 78–86 (in Russian).
- Bahrah D. N., Rossinskij B. V., Starilov Ju. N. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, Norma Publ., 2005. 800 p. (in Russian).
- Federal'nyj zakon "O porjadke rassmotrenija obrashhenij grazhdan Rossijskoj Federacii"* (Federal Law "On the Procedure for Considering Applications from Citizens of the Russian Federation"). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59999/ (accessed 15 October 2017) (in Russian).
- Federal'nyj zakon "Ob obespechenii dostupa k informacii o dejatel'nosti gosudarstvennyh organov i organov mestnogo samoupravlenija"* (Federal Law "On Providing Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies"). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (accessed 15 October 2017) (in Russian).
- Vetrov K. V. *Informirovanie naselenija o dejatel'nosti organov vlasti kak faktor upravlenija* [Informing the public about the activities of government as a factor in the management]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.). Moscow, 2003. 25 p. (in Russian).
- Kotikov D. A. *Rasprostranenie informacii federal'nym organom ispolnitel'noj vlasti v grazhdanskom obshhestve: teoreticheskie aspekty pravovogo regulirovanija* [Dissemination of information by the federal executive body in civil society: theoretical aspects of legal regulation: au-

thor's abstract]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Legal.). Ljubercy, 2012. 25 p. (in Russian).

27. Selihova N. L. *Razvitie kommunikativno-informacionnyh svyazey organov regional'nogo upravlenija i obshhestva* [Development of communication and information links between regional government and society: On the materials of the Bryansk region]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Polit.). Moscow, 2005. 27 p. (in Russian).

28. *Konstitucija Rossijskoj Federacii* (The Constitution of the Russian Federation). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 15 October 2017) (in Russian).

29. *Pravila podgotovki normativnyh pravovyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i ih gosudarstvennoj*

registracii (Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive bodies and their state registration). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/78a1c4510de0249bcf851807a273751feca57d49/ (accessed 15 October 2017) (in Russian).

30. Koltunova M. V. *Jazyk i delovoe obshhenie: normy, ritorika, jetiket* [Language and business communication: rules, rhetoric, etiquette]. Moscow, OAO «NPO «Ekonomika»», 2000. 271 p. (in Russian).

31. Kushneruk S. P. *Dokumentnaja lingvistika* [Linguistics of documents]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 256 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 15.01.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ширинкина М. А. Жанры письменного дискурса исполнительной власти // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 110–118. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118>

For citation

Shirinkina M. A. Genres of Written Discourse of the Executive Branch. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 110–118 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-110-118>

УДК 811.111'38'42

ББК 81.2Англ-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125>

Н. А. Кубракова
Саратов, Россия

Natalya A. Kubrakova
Saratov, Russia

**Мотивационное письмо как жанр
академического дискурса
(на материале английского языка)**

**Personal Statement as a Genre
of Academic Discourse in English**

В статье рассматриваются результаты исследования, объектом которого стало мотивационное письмо как жанр академического дискурса в англоязычной культуре. Подготовка мотивационного письма является частью процесса подачи заявок в рамках поступления на различные образовательные программы за рубежом, в связи с чем изучение стратегий и тактик, используемых соискателями, приобретает огромное значение для успешного обучения правилам создания произведений данного жанра. Результаты, полученные в процессе количественного и качественного анализа, позволяют определить эффективные ходы мотивационного письма в представлении соискателей, успешно прошедших отбор в магистратуру и аспирантуру в американских, канадских и европейских вузах.

Ключевые слова: академический дискурс, мотивационное письмо, процесс поступления в вуз, стратегия самопрезентации, темы, тактики.

The paper focuses on the research into motivation letters as an integral part of an academic application process. The author claims that writing effective motivation letters needs a deeper understanding of inherent strategies and tactics. Through quantitative and qualitative analysis of successful letters showcased by American, Canadian and European universities, the author reveals some tactics and topics that the applicants use to impress admission officers. The author discusses the implications behind the results of the study and describes some scopes of their implementation.

Keywords: academic discourse, personal statement, academic application process, self-presentation strategy, topics, tactics.

Сведения об авторе: Кубракова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: kubrakovanat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1837-5188>

About the author: Kubrakova Natalya Alexeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: kubrakovanat@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1837-5188>

Одним из приоритетов высшего образования на современном этапе является академическая мобильность, которая предполагает готовность студентов к участию в стажировках, обменных программах и обучению в магистратуре / аспирантуре за рубежом. При оформлении заявок на указанные программы и подготовке пакета документов, содержащих самую разнообразную информацию, многим студентам приходится осваивать новые жанры академического дискурса. Одним из таких жанров является мотивационное письмо.

Мотивационное письмо относится к академическому дискурсу, институциональному типу дискурса, цель которого – «социализация студента в университете и ориентация его на порождение нового знания как терминальной ценности» [1: 61]. Мотивационное письмо (*синонимичные английские назва-*

ния – motivation letter / essay; statement of purpose; personal statement) – компонент пакета подтверждающих документов (*supporting documents*), дополнительных по отношению к нотариально заверенной выписке из зачетно-экзаменационной ведомости (*academic transcript*), резюме (*CV / resume*) и сертификатам о сдаче международных экзаменов по английскому языку (для студентов-иностранцев). Объем стандартного мотивационного письма составляет 300–500 слов (если в требованиях университета не указано иное).

Мотивационное письмо относится к деловой корреспонденции в рамках академического дискурса. С деловым письмом его сближает официальный стиль, запрещающий использование разговорного синтаксиса, разного рода коллоквиализмов и сленга. В тексте мотивационного письма так же, как и в тексте любого

делового письма, четко выделяются структурные элементы, за которыми закреплены определенные функции: официальные обращения к адресату(ам) письма (например, *Dear Sir or Madam, Dear Committee, Dear Admission Committee*); введение, состоящее, как правило, из одного абзаца, с указанием сведений о том, на какой именно факультет и программу планирует поступать соискатель в данном университете; основную часть, в которой соискатель отвечает на ряд вопросов (например, что интересует соискателя в обучении по программе / в магистратуре / аспирантуре; почему соискатель выбрал именно эту программу; каковы приоритеты соискателя; какой вклад в развитие программы, факультета может внести соискатель и что он / она ждет от обучения), заключение, обобщающее написанное во введении и в основной части и выполняющее контактоустанавливающую функцию, заключительная формула вежливости официального характера (*Yours faithfully*).

Отличия мотивационного письма от деловых писем определяются, во-первых, способом передачи письма и, во-вторых, целью письма. Бумажные заявки уходят в прошлое: в настоящее время заявка на поступление в западные вузы оформляется через онлайн-системы, предлагаемые каждым университетом. Перед заполнением заявки и загрузкой отдельных документов студент создает свой аккаунт на сайте выбранного университета и указывает следующие данные: имя и фамилия (согласно паспорту или другому документу, идентифицирующему личность), дата рождения, адрес электронной почты, пароль. После этого студент может начинать загрузку требуемых документов, включая мотивационное письмо. Соответственно, для оформления мотивационного письма теряют актуальность такие элементы бумажного и электронного делового письма, как адрес отправителя, адрес получателя, тема. В тех случаях, когда университет не настаивает на жестком формате или мотивационное письмо непосредственно впечатывается в анкету, заполняемую соискателем, необязательными становятся также обращение и заключительная формула вежливости.

Для мотивационного письма информативная направленность, свойственная деловой корреспонденции, оказывается на периферии, и объясняется это целью написания мотивационного письма – выделить соискателя из сотен других претендентов на обучение в магистратуре / аспирантуре и произвести благоприятное впечатление на приемную комиссию. Адресатами письма являются члены приемной комиссии.

Мотивационное письмо приобретает приоритетное значение в следующих ситуациях: 1) для соискателей, которые получили невысокие оценки за отдельные курсы в рамках бакалавриата; 2) в случае, когда на одно место в магистратуре / аспирантуре претендуют выпускники с одинаковым средним баллом; 3) при подаче документов на программы, для которых экзаменационные оценки или результаты тестов имеют меньший вес, чем наличие профессиональных интересов и навыков.

Члены приемной комиссии получают всю объективную информацию о соискателе из выписки из зачетно-экзаменационной ведомости, резюме, разнообразных сертификатов и дипломов, поэтому основной функцией мотивационного письма становится самопрезентация соискателя, и, соответственно, ведущей стратегией является стратегия самопрезентации.

Западные университеты, как правило, предлагают потенциальным соискателям рекомендации для написания мотивационных писем [2–14]. Однако такие рекомендации в целом носят общий характер и не дают полного представления о том, из каких компонентов складывается успешная самопрезентация авторов мотивационных писем. Этот процесс требует более глубокого анализа предлагаемого материала как с точки зрения стратегий и тактик, так и способов их актуализации. Такой анализ был предпринят в описываемом исследовании.

Материалом для исследования послужили 27 мотивационных писем, размещенных на сайтах университетов в качестве примеров для потенциальных абитуриентов. Авторы анализируемых писем успешно прошли отбор и стали студентами соответствующих университетов. В качестве дополнительных материалов были использованы практические рекомендации по написанию мотивационных писем, предлагаемые 20 американскими, канадскими и европейскими вузами; толковые словари и словари-тезаурусы английского языка [2–19]. В процессе исследования писем использовался описательный метод, методики контекстуального и количественного анализа (количественные подсчеты проводились с использованием компьютерной программы *Concordance* и затем анализировались с учетом контекстного значения рассматриваемых номинаций).

Анализ мотивационных писем показал наличие частотных тем-тактик, к которым обращаются соискатели: описание значимых событий в прошлом, которые определили выбор будущей профессии или повлияли на мировосприятие в целом; описание достижений соискателя; обоснование выбора университета; описание значимых навыков и личностных

качеств; описание значимых ценностей; описание внеучебной деятельности; описание значимого будущего.

Описание значимых событий в прошлом, которые определили выбор будущей профессии или повлияли на мировосприятие в целом, часто служит центральной темой-тактикой, определяющей сюжетную линию письма. К значимым событиям соискатели относят проблемы в семье, сложные жизненные обстоятельства, в которые попадают сами соискатели или другие люди, семейные традиции. Указанная тематика на лексическом уровне обычно эксплицируется с помощью единиц, которые относятся к следующим денотативным сферам:

- **медицине**, с использованием наименований процесса болезни (*disease, illnesses, health-related problems*), процесса и способов лечения (*treatment, operation, heart transplant, surgery, to heal*), человека лечащего и человека болеющего (*doctor, physicians, nurses, care-givers, hospital administrators, patients, sick*); названий болезней (*heart disease, dementia, Parkinson's disease, depression, blindness, diabetes, age-related / neurological / psychological disorder, intestinal infection*);
- различным аспектам **социальной деятельности и социальной сфере жизни человека**, с обращением к наименованиям сложных ситуаций (*trouble, problem, hardship, obstacle, barrier, conflict, struggle*); наименованиям социальных проблем (*unfairness, injustice, inequality, neglect, life of restriction, limited opportunities, gang violence, human rights abuses, overrepresentation of minority populations in prisons, social and economic marginalization*); названиям людей по отношению к социальным бедствиям, конфликтам и преступлениям (*immigrant, refugee, expatriate, people from disadvantaged backgrounds, ignored and silenced (people), burn survivors, indigenous people; Aboriginal peoples; troubled teenagers, minority*);
- **эмоциям**, с описанием эмоционального восприятия проблемной ситуации на момент ее возникновения (*awkwardness, worthlessness, helplessness, confusion, compassion, bitter suffering, fearful, painful, embarrassing, exhausting, nervous, frustrated*), ассоциируемого с беспомощностью, безнадёжностью, страхом, болью, усталостью и состраданием, и выработанного к ней отношения с течением времени (*to endure, to be strong, cheerful, enriching, rewarding, challenging*), оцениваемого с помощью понятий стойкости, преодоления, пользы и значимости.

В стремлении показать себя комиссии с самой выгодной стороны авторы мотивационных писем подробно рассказывают о своих успехах и достижениях. **Описание достижений соискателя** – еще одна центральная тематика, которая используется параллельно с описанием значимого события в прошлом или становится самостоятельной организующей темой письма.

Демонстрация достижений соискателя естественным образом связана с описанием различных аспектов учебной деятельности, что проявляется в использовании лексики, относящейся к денотативной сфере **«образование»**: наименования учебных заведений (*university, college, academy, school*); процесс поступления (*candidate, application, admission, enrollment, to apply, to enroll*); процесс обучения (*education, knowledge, subject, course, project, class, lecture, grade, mark, grade-fixation, specialization, degree, bachelor (degree), master (degree), msc, phd, credentials, elective, graduation, qualification, major, minor, department, task, assignment, instruction, schooling, academic, educational, to attend, to study, to learn, to teach, to educate, to specialize*); участники образовательного процесса (*student, graduate, faculty, academics, teacher, instructor, lecturer, classmate, dean, mentor, professor*); уровни образования (*post-secondary (education), undergraduate (program), graduate (program), post-graduate (program)*).

Данная тема-тактика актуализируется также через обращение к единицам, обозначающим состязания разного рода (*tournament, competition, championship, Olympiad*) и разнообразные поощрения (*honour, award, scholarship, magna cum laude, gold medal, prize-winning place, grant*); единицам, называющим различные социально одобряемые обязанности в рамках учебной и внеучебной деятельности (*assistant, counsellor, vice-president of a club, coach, university tutorial instructor, tutor, human rights worker, leadership and problem solving instructor, education advocate peer-tutor, to co-edit a newspaper, to organize an orchestra, to host a workshop, to negotiate terms and concerns, to represent sth at championship / on student's council, to mediate among guest artists and resolve conflicts among members and coaches*) и разновидности и этапы проведения научно-исследовательской работы (*research project, research investigations, investigative work, laboratory research, results, science, field, conference, methods to explore, to study, to search*).

Мотивационное письмо составляется для определенной образовательной программы в конкретном учебном заведении, поэтому эффективной темой-тактикой становится

обоснование выбора университета. Здесь с некоторой долей условности можно выделить объективные факторы, к которым относят большой выбор интересных для соискателя курсов, сильный преподавательский состав, высокие стандарты учебного заведения и его репутацию, а также благожелательную обстановку (*rich course offerings, clinic opportunities, pro bono work, global internship options, distinguished and supportive faculty, renowned teaching staff, ideal location, University's student journals, specific resources, a wide variety of courses, wide variety of departments, debating society, an unparalleled reputation in terms of the quality of students, faculty, and education, high standards and friendly atmosphere, biggest innovative centre, deep community involvement*) и субъективные факторы, объясняющие выбор университета прежде всего личными причинами, интересами и приоритетами (*share my vision of justice with others, achieve the best working results, have the best opportunity to advance in these areas, have always been interested in the sea*). В рамках данной тактики задействована лексика, относящаяся к сфере «**образование**», которая активно используется при **описании достижений соискателя**.

Авторы 5 мотивационных писем упоминают имена преподавателей выбранного университета, работы и спецкурсы которых им интересны или под руководством которых они хотели бы проводить собственные исследования. Это удачный ход по двум причинам: 1) соискатель показывает знание современного состояния определенной научной проблемы; 2) члены приемной комиссии получают доказательство того, что автор письма имеет более подробное представление об университете, чем можно было получить, просто прочитав информацию на официальном сайте. Например:

My interest in studying at the University of Colorado-Boulder has grown out of conversations I have had with numerous people, including Prof. Laurie Langbauer who had a lot of specific information since she taught there last summer. – Мой интерес к учебе в университете Колорадо-Боулдер – результат многочисленных бесед с разными людьми, особенно с профессором Лори Лэнгбауер, которая многое рассказала об университете, когда преподавала здесь в прошлом году.

Cornell has an exciting interdisciplinary program that is exceptionally impressive. In particular, Dr. Rayna Wilhelm's specialty in Tudor-Stuart social and cultural history complements my own interest in studying the experiences of English pre-industrial women. – Корнелл предлагает исключительно интересную междисциплинарную программу. В частности, исследование д-ра Рейны Уилхельм, специализирующейся в социальной и культурной истории времен правления Тюдоров-Стюартов, соответствует моему собственному интересу к изучению жизни женщин в доиндустриальную эпоху.

I am highly interested in the topic of psychotherapy and anxiety and would be excited to work under the direction of Dr. Tehanson. – Я очень интересуюсь психотерапией и, особенно, изучением тревожности и был бы счастлив работать под руководством д-ра Техансона.

Обращает на себя внимание употребление оценочных прилагательных (например, *distinguished, supportive, renowned, unparalleled, high, best, biggest, ideal, greatest, outstanding, excellent, friendly, significant, premier, competitive, impressive*) при описании университета и отдельных аспектов университетской жизни, что, безусловно, создает положительный имидж университета и имеет целью вызвать соответствующую реакцию членов приемной комиссии, читающих мотивационные письма:

XXXX University is the biggest innovative centre which takes active part in the field of fundamental and applied sciences. – Университет XXXX – крупнейший инновационный центр, который занимается активными фундаментальными и прикладными исследованиями.

I believe the Transport & Supply Chain Management program provided by the university is an excellent one for me to consider for the furtherance of my education. – Я уверен, что программа «Управление транспортом и цепочками поставок», предлагаемая университетом, великолепно подходит для продолжения моего образования.

Описание значимых навыков и личностных качеств – одна из обязательных тем-тактик в рассматриваемых мотивационных письмах. Результаты анализа материала позволяют составить представление о социально поощряемых и востребованных навыках и качествах, которые повышают конкурентоспособность человека в образовательной и впоследствии профессиональной сфере:

- коммуникативные навыки (*communicative skills / abilities, proficiency in reading, writing and oral communication, competitive debating, summary sessions, to reword complex concepts, to speak confidently, to deliver arguments on a wide variety of topics, to prepare an argument based upon facts, to learn how to talk, to learn how to listen, to differentiate a strong argument from strong rhetoric, to be creative in developing and articulating my arguments, to draft contracts for tour crew labour agreements, royalty agreements, equipment and venue rentals protecting artist from copyright infringement*);
- аналитические навыки (*to think critically, to see both sides of an issue, to examine an issue from multiple perspectives, to look at problems from multiple perspectives, to research the relevant issue thoroughly, to critically analyze*);

- лидерские качества (*leader, leadership roles / qualities / skills, proven community leadership skills, team leader, captain, initiative, commitment to lead*);
- навыки командной работы (*teamwork, teammates, support, team player, member of a team*);
- организаторские навыки (*organizer, problem solving skills, to organize events*);
- личностные качества (*hard-working, responsible, creative, determined, confident, creativity, flexibility, honesty, diligence, determination, confidence*).

В данном списке особое внимание обращают на себя коммуникативные и аналитические навыки. При описании этих навыков подчеркиваются различные аспекты речевого общения, речевого сообщения, речевого воздействия, процессов понимания и определения явлений с особым акцентом на ясности, фактической точности, определенности, уверенности, компетентности, мастерстве и состоятельности.

Изучение мотивационных писем позволило составить список жанров, с которыми их авторам приходится сталкиваться в различных ситуациях академического дискурса (*thesis, research paper, paper, article, grant proposal, promotional materials, quarterly reports, contracts, agreements, patent, debate, presentations, keynote speech*), а также изданий, в которых соискатели публиковали результаты своих исследований или в создании которых сами принимали участие (*peer-reviewed journal, journal, magazine, newspaper*). Владение перечисленными жанрами и сам факт публикации созданных авторами текстов служит убедительным свидетельством сформированной коммуникативной компетенции.

Кроме того, согласно результатам анализа, большое значение придается владению иностранными языками и способности видеть разные точки зрения, мнения, что значимо не само по себе, а как важная часть умения работать в многонациональном и поликультурном коллективе. Упоминание этого умения в мотивационных письмах является актуализацией еще одной темы-тактики – **описания значимых ценностей**. В данном случае будем говорить об открытости национальному, культурному и идеологическому разнообразию (*diverse ideological and political viewpoints, diverse student body, diverse Canada, the fabric of our diverse society, diverse pool of talents, communication with people from different countries, to communicate with people from different backgrounds, study in an international environment, the most international university, to work with many like minded enthusiastic individuals from different nationalities*).

Абсолютной ценностью для авторов рассматриваемых писем является познавательная деятельность. Используемая при экспликации этой ценности лексика обозначает эмоциональное переживание познавательной деятельности (*passion, desire, calling, particular / on-going / increasing interest, instinctive / strong / cultural / linguistic / innate curiosity, curious, excited, desperate to understand, enamoured, exhilarated, to fascinate, to thrill, to astonish, to fuel one's interest, to strengthen one's interest, to pique one's curiosity, to feed one's curiosity, to astound*); и особенности протекания процесса понимания, среди которых положительную оценку получает сложность выполняемой задачи или познаваемого объекта (*laborious, although tedious and time consuming tasks, rigorous coursework, intricate physiological processes, challenging but enriching experiences, to thrive upon challenging situations, to work under extreme pressure, to intrigue*).

Согласно логике авторов писем, обязательной ценностной характеристикой результатов познавательной деятельности является возможность их практического применения. Соискатели постоянно подчеркивают значимость практической деятельности (*to put my knowledge into practice, to gain substantial international practical experience, to gain hands-on experience, to achieve practical results, to apply my practical knowledge, to focus on practical usage, to focus on practical side of things, to provide a lot of practical skills, to solve any practical problems, to have practical applications, to apply, to utilize*) и называют ее конкретные осязаемые результаты с помощью глаголов, указывающих на создание объекта (*to conduct, to design, to implement, to construct, to create, to build, to produce, to develop, to prepare, to publish, to write*).

Еще одна ценность для авторов – семья, которая оказывает постоянную поддержку или повлияла на формирование личности автора письма:

My family history is what sparked my interest in medicine. – Именно семейные традиции воспитали у меня интерес к медицине.

I have learned the importance of love and support in the face of trouble by watching my mother. – Наблюдая за тем, как ведет себя моя мама перед лицом несчастья, я поняла, как важны любовь и поддержка.

If I become successful I will pay back my parents for their warmth and loving tender, as they have been those who have been supporting me throughout my life. – Если я стану успешным человеком, я смогу вернуть им все тепло и любовь, потому что именно они всегда поддерживали меня.

Описание внеучебной деятельности можно отнести к необязательным темам-тактикам. Согласно практическим рекоменда-

дациям, на которые мы ссылаемся, такая информация должна занимать не более трети основного содержания письма. Данная тактика актуализируется посредством наименований спортивных игр, времяпрепровождения, развлечений (*football, basketball, boxing, swimming, long-distance jogging, sprint, table tennis, martial arts, wrestling, reading books, science fiction, fantasy and detective novels hobby, dance club, ballet*).

Частотной и, как правило, завершающей темой-тактикой мотивационного письма является **описание значимого будущего**. Для актуализации данной тактики используются глаголы мыслительной деятельности в сочетании с глаголами, обозначающими конкретные результаты познавательной и практической деятельности:

I believe strongly that a University of Toronto legal education <...> will equip me with the additional tools and resources necessary to pursue my professional goals.

There are several goals that I hope to achieve upon successfully completing my JD.

I am sure that Dutch technical education will help me accomplish my plans and choose right strategies and goals for this.

I am fully confident that the University of XXX will teach me how to be more accurate in interpretation of ideas and thoughts.

With all of the opportunities CALS has to offer, if given the chance to attend, I am certain that I would utilize every one; becoming not only an active member of the university, but a leader of tomorrow.

Изучение тематического и тактического планов проанализированных мотивационных писем позволяет сделать вывод о том, что эффективная самопрезентация связана в сознании авторов с выполнением различных видов социальной деятельности и обладанием различными социальными навыками. Для создания положительного образа и получения симметричной реакции членов приемной комиссии соискатели обращаются к социально одобряемому и поощряемому опыту, причем акцент делается на эмпатии; на стремлении помогать людям, оказавшимся в менее благоприятных условиях; интересе к познавательной деятельности и практическом применении полученных знаний; способности к успешной коммуникации. Авторы мотивационных писем не ограничиваются простой констатацией интересных, на их взгляд, фактов: чаще всего такие факты получают рациональную, этическую, интеллектуальную или прагматическую оценку со стороны самого соискателя. Эта практика указывает не только на способность к рефлексии и умение соискателей четко и логично излагать свои мысли, но и подчеркивает сознательность выбора и принимаемых решений. Желанием вызвать ответную реакцию

потенциального адресата письма объясняются многочисленные описания эмоциональных переживаний, связанных с обсуждаемыми в письмах темами.

Результаты исследования помогают внести значимые уточнения в практические рекомендации по написанию мотивационного письма, предлагаемые западными университетами; определить важные социокультурные особенности восприятия писем потенциальным адресатом и одобряемые практики в рамках стратегии самопрезентации, а также разработать учебный курс для обучения написанию мотивационных писем студентов, стремящихся к академической мобильности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнова Н. В. Академическая грамотность и письмо в вузе: от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58–64.
2. Fulbright Commission. URL: <http://www.fulbright.org.uk/going-to-the-usa/postgraduate/educationusa-advice/applying/personal-statements> (дата обращения: 15.10.2016).
3. Harvard Law School. URL: <http://hls.harvard.edu/dept/graduate-program/llm-application-deadlines-and-materials/> (дата обращения: 15.10.2016).
4. Purdue Online Writing Lab. URL: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/969/01/> (дата обращения: 15.10.2016).
5. Tanabe G., Tanabe K. 50 Successful Ivy League Application Essay. Belmont: SuperCollege, LLC. 2009. 241 p.
6. The Graduate Institute, Geneva. URL: <http://graduateinstitute.ch/application> (дата обращения: 15.10.2016).
7. The Princeton Review. URL: <http://www.princetonreview.com/grad-school-advice/statement-of-purpose> (дата обращения: 15.10.2016).
8. The University of California, Berkeley Law. URL: <https://www.law.berkeley.edu/academics/llm/application-admission/admission-requirements/> (дата обращения: 15.10.2016).
9. The University of Cape Town. URL: <http://www.sals.uct.ac.za/sals/applying/forms> (дата обращения: 15.10.2016).
10. The University of Central Florida. URL: http://www.admissions.graduate.ucf.edu/international_applicants/ (дата обращения: 15.10.2016).
11. The University of Chicago, the Law School. URL: <https://www.law.uchicago.edu/llm/apply> (дата обращения: 15.10.2016).
12. The University of Houston. URL: <http://www.uh.edu/class/political-science/graduate/admissions/> (дата обращения: 15.10.2016).
13. The University of Iceland. URL: http://english.hi.is/university/international_students_0 (дата обращения: 15.10.2016).
14. The University of Northern Iowa. URL: <https://uni.edu/~gotera/gradapp/stmtpurpose.htm> (дата обращения: 15.10.2016).
15. Collins Concise Thesaurus. L.: HarperCollins Publishers, 2006. 1024 p.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Pearson Education Limited, 1998. 1592 p.

17. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow : Pearson Education Limited, 2005. 1968 p.
18. Merriam-Webster's Collegiate Thesaurus. Springfield, Massachusetts : Merriam Webster, 2010. 1162 p.
19. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2005. 1834 p.
20. Oxford Learner's Thesaurus. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1024 p.

REFERENCES

1. Smirnova N. V. Akademicheskaya gramotnost' i pis'mo v vuze: ot teorii k praktike [Fostering academic literacy and academic writing in university: From theory to practice]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2015, no. 6, pp. 58–64 (in Russian).
2. Fulbright Commission. Available at: <http://www.fulbright.org.uk/going-to-the-usa/postgraduate/educationusa-advice/applying/personal-statements> (accessed 15 October 2016).
3. Harvard Law School. Available at: <http://hls.harvard.edu/dept/graduate-program/llm-application-deadlines-and-materials/> (accessed 15 October 2016).
4. Purdue Online Writing Lab. Available at: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/969/01/> (accessed 15 October 2016).
5. Tanabe G., Tanabe K. *50 Successful Ivy League Application Essays*. Belmont, SuperCollege, LLC. 2009. 241 p.
6. The Graduate Institute, Geneva. Available at: <http://graduateinstitute.ch/application> (accessed 15 October 2016).
7. The Princeton Review. Available at: <http://www.princetonreview.com/grad-school-advice/statement-of-purpose> (accessed 15 October 2016).
8. The University of California, Berkeley Law. Available at: <https://www.law.berkeley.edu/academics/llm/application-admission/admission-requirements/> (accessed 15 October 2016).
9. The University of Cape Town. Available at: <http://www.sals.uct.ac.za/sals/applying/forms> (accessed 15 October 2016).
10. The University of Central Florida. Available at: http://www.admissions.graduate.ucf.edu/international_applicants/ (accessed 15 October 2016).
11. The University of Chicago, the Law School. Available at: <https://www.law.uchicago.edu/llm/apply> (accessed 15 October 2016).
12. The University of Houston. Available at: <http://www.uh.edu/class/political-science/graduate/admissions/> (accessed 15 October 2016).
13. The University of Iceland. Available at: http://english.hi.is/university/international_students_0 (accessed 15 October 2016).
14. The University of Northern Iowa. Available at: [https://uni.edu/\\$\sim\\$gotera/gradapp/stmtpurpose.htm](https://uni.edu/\simgotera/gradapp/stmtpurpose.htm) (accessed 15 October 2016).
15. Collins Concise Thesaurus. London, HarperCollins Publishers, 2006. 1024 p.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, Pearson Education Limited, 1998. 1592 p.
17. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow, Pearson Education Limited, 2005. 1968 p.
18. Merriam-Webster's Collegiate Thesaurus. Springfield, Massachusetts, Merriam Webster, 2010. 1162 p.
19. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, Oxford University Press, 2005. 1834 p.
20. Oxford Learner's Thesaurus. Oxford, Oxford University Press, 2008. 1024 p.

Статья поступила в редакцию 27.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кубракова Н. А. Мотивационное письмо как жанр академического дискурса (на материале английского языка) // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 119–125. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125>

For citation

Kubrakova N. A. Personal Statement as a Genre of Academic Discourse in English. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 119–125 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-119-125>

УДК 811.161.1'38'42

ББК 81.2Рус-5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-126-133>

К. А. Старостин
Красноярск, Россия

Konstantin A. Starostin
Krasnoyarsk, Russia

**Вербализация желаний сибиряков-комбатантов
в письмах с фронта времён
Великой Отечественной войны
(на материале писем мобилизованных
на фронт жителей Красноярского края)**

**The Verbalization of the Siberians Combatants'
Wishes Used in Letters From the Front
in the Days of the Great Patriotic War
(Based on the Letters of Krasnoyarsk Territory
Citizens Mobilized to the Front)**

Статья посвящена лингвистическому описанию средств вербализации желаний сибиряков-комбатантов в их письмах с фронта времён Великой Отечественной войны. Исследование вербализации желаний выполнено в рамках лингвистической персонологии и представляет фрагмент изучения прагматического уровня коллективной языковой личности комбатанта как человека, входящего в состав вооружённых сил и принимающего участие в боевых действиях. Оно показало, что для фронтовых писем комбатантов характерны два типа оптативных высказываний: высказывания, выражающие собственно желание, и высказывания, выражающие желание, сопряжённое с побуждением. В высказываниях первого типа вербализованы желания встречи с родными и близкими, общения с ними, возвращения в родные места; в высказываниях второго типа – желание общения сопряжено с побуждением адресата к передаче информации. Интересно, что вербализация желания жить не характерна для писем с фронта, несмотря на ситуацию.

В статье дается также описание наиболее характерных для речи комбатантов формальных средств выражения категории желательности (оптативности). Обращается внимание, что в высказываниях, выражающих собственно желание, используется прием олицетворения: одушевляются не только природные явления, но и фронтовое письмо.

Ключевые слова: языковая личность, коллективная языковая личность, языковая личность комбатанта, фронтовое письмо, оптативные высказывания.

The article is devoted to the linguistic description of the means of verbalizing the wishes written by Siberians combatants in their letters from the Front during the Great Patriotic War. The research of verbalization of the wishes has been carried out in terms of linguistic personology and represents a part of the study concerning the pragmatic level of the collective language personality of a combatant as a person who is part of the armed forces and taking part in armed hostilities. According to results of our research there are two typical types of optative statements used in the front line letters of combatants: statements that express the wish itself, and statements that express the wish associated with motive. As a matter of fact in optative statements of the first type the following wishes have been verbalized: meeting with relatives and significant others, communicating with them, returning to their home grounds. Optative statements of the second type may be characterized by verbalization of the wishes to communicate associated with the addresser's motive to deliver information. It is interesting to note that the verbalization of the wish to live is not typical for front line letters in spite of the situation.

The article deals with the description of the most typical formal means of expressing a category of desirability (optativeness). The focus has been drawn to the fact that in statements that express the wish itself the method of personification is used, according to which not only nature phenomena but a front line letter are considered to be animated.

Keywords: a linguistic personality, a collective linguistic personality, the language personality of a front line soldier, a front line letter, optative statements.

Сведения об авторе: Старостин Константин Александрович, аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации.

Место работы: Сибирский федеральный университет, Красноярск.

E-mail: kostyastarostin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3954-9338>

About the author: Starostin Konstantin Aleksandrovich, Post Graduate Student of the Department of the Russian Language and Speech Communication.

Place of employment: Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

E-mail: kostyastarostin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3954-9338>

Введение

Изучение языковой личности активно осуществляется с момента смены научной парадигмы в конце XX в., но до сих пор остается не до конца решенным вопрос о соотношении единичного и общего, типичного и особенного, индивидуального и коллективного в объекте исследования. В лингвоперсоналогии выделяют индивидуальную (конкретную) и коллективную (совокупную) языковые личности. И если исследованию отдельных языковых личностей посвящены многочисленные работы (см., например, [1–5 и др.]), то коллективная языковая личность является менее изученным феноменом.

Термин «коллективная языковая личность» (далее – КЯЛ) обозначает «некое сообщество людей, говорящих на данном языке» [6: 28]. КЯЛ определяют и как «отражение носителями национального языка всего набора специфических черт этого языка в своей речи» [7: 23]. С. В. Мамаева полагает, что народ в целом как коллективная языковая личность в реальности дифференцирован на подтипы коллективных языковых личностей (по месту жительства, по роду занятий и т. п.) [8: 36]. Подтип КЯЛ определим как обобщенный образ объединенных по какому-либо признаку носителей национального языка, реконструированный на базе созданных ими текстов и использованных в них языковых средств. КЯЛ сибиряка-комбатанта, являющаяся **объектом исследования**, выделяется нами на основании двух критериев – по месту призыва и участию в боевых действиях на фронте.

Предметом исследования является прагматический (или мотивационный, мотивационно-прагматический) уровень коллективной языковой личности сибиряков-комбатантов, выраженный при помощи языковых и речевых средств репрезентации желаний фронтовиков в письмах к родным и близким. Их характеристика позволит представить образ коллективной языковой личности комбатантов, значимый как составляющая исторической памяти народа, а также будет способствовать пониманию психологии поведения людей, их ценностной картины мира в ситуации войны, что чрезвычайно **актуально** в свете ведущихся в мире «горячих» и «холодных» войн.

Цель статьи – представить лингвистическое описание средств вербализации желаний сибиряков-комбатантов в письмах с фронта времён Великой Отечественной войны.

Материалы и методы

Фронтовые письма участников различных войн уже становились объектом исследований

историков [9–11 и др.], а также лингвистов, которые рассматривали их преимущественно в жанроведческом аспекте [12, 13, 14 и др.].

Материалом для большинства лингвистических исследований послужили фронтовые письма, хранящиеся в музеях, либо электронные версии эпистолярных архивов, представленные на официальных сайтах выставочных центров. К ним можно отнести фронтовые дневники и письма П. В. Курышева и Ф. М. Хорькова, а также письма, опубликованные в газете «Арзамасская правда», которые представлены в краеведческом блоге библиотеки-музея истории города Арзамаса Нижегородской области [12], эпистолярный архив красноармейца Т. В. Антипина, состоящий из 150 писем, частично опубликованный на сайте музейно-выставочного центра ПАО «Уралкалий» города Соликамска [15]. Более 60 писем с фронта – часть коллекции музея-заповедника «Абрамцево» Московской области – также рассматриваются в одной из лингвистических работ [13]. Опубликованы отдельные фрагменты переписки туляков, рассказывающие о взаимоотношениях молодых людей, начало любви которых пришлось на военную пору, они хранятся в музее военной истории Тульского края [16]. Реже лингвистическому изучению подвергались фронтовые письма из личных архивов. Так, С. М. Треблер изучала мемуары своего отца, ректора одного из самых крупных казахстанских сельскохозяйственных вузов, профессора М. А. Гендельмана [17]. В некоторых исследованиях письма взяты из тематических книжных изданий, интернет-ресурсов, конкретные ссылки и указание на авторство писем отсутствуют [18–19].

Материалом нашего исследования послужили высказывания, выражающие желания жителей Красноярского края, мобилизованных на фронт Великой Отечественной войны (2–4 периоды Второй мировой войны) и представленные в их письмах. Сохранившиеся фронтовые письма собирались лично автором исследования, а также инициативной группой студентов Сибирского федерального университета на территории городов Красноярского края (Канск, Назарово, Енисейск, Уяр и др.). Материал собирался также путём обращения в музеи, исторические центры и библиотеки региона, а также к частным лицам с просьбой предоставить уникальный материал для оцифровки. Удалось собрать 109 писем, ещё 59 были взяты автором исследования из исторических книг, выпущенных на территории Красноярского края [20, 21]. Общий объём проанализированных текстов составляет 168 единиц. Стоит отметить, что этот материал в полном виде планируется представить

в виде электронной базы писем сибиряков-комбатантов.

В процессе исследования использовались традиционные для лингвистики **методы**: аналитико-описательный метод, метод компонентного анализа, метод функционально-семантического анализа. Применялась также методика количественного подсчета.

Результаты исследования

1. Вербализация желания как компонент прагматического уровня языковой личности

Желание – это «форма переживания потребности, в которой конкретизированы, “представлены” предмет потребности (мотив) и возможные пути удовлетворения потребности» [22: 203]. Поэтому особенности вербализации желания в тексте как форма переживания тех или иных потребностей составляют содержание прагматического уровня языковой личности.

Прагматический уровень, как и другие уровни, может быть описан как набор «типичных/ядерных для данного типа языковой личности компонентов (если рассматривать ее как представителя своей эпохи, конкретного социального класса и т. д.)». Эти компоненты будут отражать те особенности языковой личности (как абстрактной сущности), которые «характерны для всех (или абсолютного большинства) представителей, чья речь легла в основу моделирования языковой личности конкретного типа...» [23: 80]. Исходя из этого, мы должны выявить и описать особенности вербализации тех желаний, которые являются типичными (ядерными) для КЯЛ комбатанта.

«Картина желаний занимает одну из ведущих позиций» в ментальном пространстве языковой личности и находит выражение в концепте «желание», который Е. В. Алтабаева рассматривает как один из базовых концептов национального языкового сознания [24: 109]. По её мнению, «этот концепт представляет собой когнитивную основу языковой категории оптативности», которая является системой разноуровневых языковых средств представления желательной семантики [Там же]. Заметим, что, наряду с «оптативностью», в лингвистической литературе используются термины «желательность», «волюнтативность», «волеизъявление», «дезидеративность». Существует проблема их разграничения, которая решается исследователями по-разному (в [25–26 и др.]), её рассмотрение оставим за рамками данной статьи. Нами

вслед за Е. В. Алтабаевой категория оптативности понимается как «самостоятельная языковая категория, отражающая и реализующая в различных модальных аспектах понятийное содержание желательности» [27].

2. Частотность типов оптативных высказываний в письмах сибиряков-комбатантов

Возьмем за основу анализа материала типы оптативных высказываний (т. е. высказываний, выражающих желание адресанта), выделенные Е. Е. Корди. Оптативные высказывания подразделяются на типы в соответствии со следующими их оптативными значениями: а) собственно желание; б) желание, сопряжённое с побуждением; в) неосуществимое желание, обращённое к прошлому; г) значение желания, сопряжённое со значениями условия, цели, сравнения; д) пожелания (здоровья и т. п.) [28]. Эти же значения и соответствующие им типы оптативных высказываний выделяют и другие исследователи (например, [29: 7]).

В собранном нами материале встречаются три типа оптативных высказываний: наиболее часто – высказывания, выражающие собственно желание; реже – высказывания, выражающие желание, сопряжённое с побуждением, и пожелания (рис. 1). Не характерны

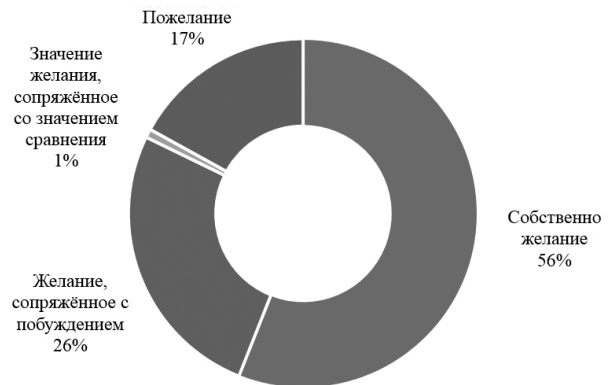

Рис. 1. Частотность оптативных высказываний в письмах с фронта сибиряков-комбатантов

Fig. 1. Frequency of optative statements in front line letters of Siberians combatants

для КЯЛ комбатанта, представленной в собранном материале, высказывания, в которых значение желания сопряжено с семантикой других категорий, в нашем материале – категории сравнения, например: «Мама если вы не приготовили сухарей, то можете хлеба основное не обижайте себя и еще главное табаку **лучше** побольше, если он дорогой

¹Речевые иллюстрации приводятся в оригинальном орфографическом и пунктуационном оформлении.

тогда поменьше по возможности немного....Может быть больше я вас не встречу, кроме как на вокзале, когда буду проезжать» (В. Д. Солонченко)¹.

3. Высказывания, выражающие собственно желание

Наиболее частотным (в 80% высказываний) языковым репрезентантом желания выступают глаголы оптативной семантики *хотеть*, *желать* и их дериваты, например: «*Раднуйка, милая моя киска как **хочется** скорее получить от тебя письма прямо ты не можешь себя представить. **Хочется** узнать как ты живешь, а всего больше **хочется** услышать из уст твоих ласковое, ласковое слово*» (В. Стрельников), «*Я **хочу** перешить шинель и зимнюю гимнастёрку (больших штук 12, маленьких 20 штук)*» (И. И. Широков). Глагол «*охота*»/«*не с охоты*» (диал. [30]) используется реже (в 4% высказываний): «*Маруся я вам несколько выслав писем. Отвечта неполув **охота** мне знаець как вы живеце я оби мочен думаю как получишь мое письмо напиши*» (Д. А. Кузнецов), «***Охота** мне узнать вернулся ил и нет из Кирова пиман*» (Г. И. Соковнин).

Существительное «*желание*»/«*пожелание*» используется в 5% высказываний. Связано оно с мечтами о родине, например: «*И когда прозвучит последний выстрел как сигнал окончательной победы, первое мое **желание** – отправиться туда, где десять лет тому назад я проводил свое детство, бот уж тогда погуляем, отпразднуем свадьбу, так как, по моему мнению, уже пора жениться. Не правда ли*» (Б. С. Быстрых). Некоторые желания глубоко патриотичны: «*Я вам писал, что основное мое **желание** – быть в действующей армии. Но попасть на фронт сейчас очень трудно и для меня до сих пор все еще невозможно. Обучать будем артиллеристов шесть месяцев, в течение этого времени вырваться отсюда не удастся, а потом будет видно*» (Е. С. Белинский).

Во фронтовых письмах оптативное значение выражается также (в 10% высказываний) при помощи конструкций с частицей *пусть* и глаголом в индикативе, в которых в позиции подлежащего употребляется неодушевленное имя либо глагол-сказуемое при одушевленном имени-подлежащем обозначает неинтенциональное значение: «***Пусть** это письмо как первый весенний майский ветер раскрывший окно наполнит твою душу лаской и теплом моей любви!*» (В. Стрельников), «***Пусть** письмо напомнит тебе нашу первую весну тридцать пятого года*» (В. Стрельников), «***Пусть** беснует за окошком вьюга нам вдвоем*

и буря не почем» (Ф. Г. Ковалёв), «***Пусть** легкий бриз умчит письмо мое с реки далекой и лишь на Родине спустившись вниз отдаст его Надеине черноокой*» (Ф. Г. Ковалёв). Обращает на себя внимание тот факт, что в приведенных высказываниях используется прием олицетворения: письмо, ветер (бриз, вьюга) предстают как одушевленные объекты, передающие тепло, радость и любовь.

Редко используется частица *вот бы*: «*Проклятая немчура откатывается назад, но уже не так, как под Москвой. Тогда они в плен сдавались по пятьдесят и небольшими партиями в 200–300 человек... **Вот бы** вам их показать, посмеялись бы вы над ними*» (Б. С. Быстрых).

Высказывания, выражающие собственно желания, подразделяются на оптативы со значениями: желания скорой встречи; желания общения с близкими; желание вернуться в родные места; желание быть полезным; желания жить. Покажем частотность этих высказываний в форме диаграммы (рис. 2).

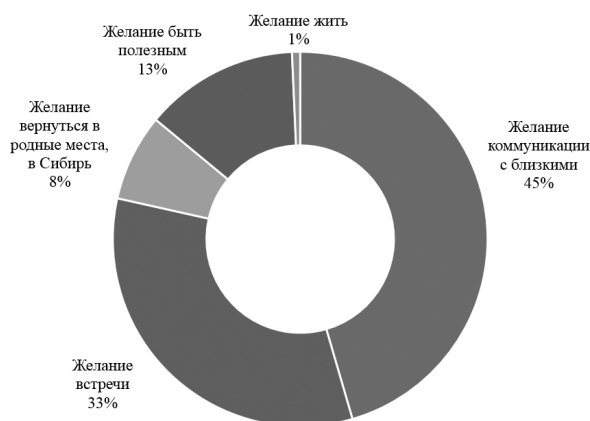

Рис. 2. Семантические типы высказываний, выражающих собственно желания, в письмах с фронта

Fig. 2. Semantic types of statements expressing the wishes themselves used in front line letters

В 45% высказываний, выражающих собственно желание, вербализуется желание общения с близкими. В письмах с фронта этому желанию часто предшествует желание встречи (представленном в 33% высказываний), например: «***Хотелось** Мама **увидеть** Вас и **поговорить** с Вами, но ничего придет то время, увидимся*» (В. Д. Солонченко), «***Мне бы** очень **хотелось** **встретить** тебя, **переговорить** и **посоветоваться** о многом*» (И. И. Широков); «***Хочется** **увидеть** вас всех, **поговорить***» (Е. П. Безруких).

Желание вернуться в Сибирь в родные места, встречается в 8% процентах высказываний, например: «*У нас красивее. И сейчас,*

как никогда, *хочется побывать в тех местах, покататься на лодочке и покупаться в чистой байкальской воде. Но, как видно, сейчас не до этого*» (Б. С. Быстрых), «Уже очень *хочется услышать запах нашего дома. Хочется увидеть вас всех, поговорить*» (И. И. Широков). Это желание в письмах, как правило, аргументировано.

В 13% оптативных высказываний встречается желание быть полезным своим родным и близким, например: «*Хочу передать вам вещи, мне они теперь не нужны, получил обмундирование*» (В. Д. Солонченко).

Единичным примером представлено желание жить: «*Вот раньше я не думал о жизни, а теперь хочется жить*» (В. Казаринов). Комбатанты в первую очередь сообщают в письмах информацию о своём состоянии, а уже потом о событиях.

4. Высказывания, выражающие желание, сопряжённое с побуждением

Во фронтовых письмах значение желания, сопряжённого с побуждением, выражается смягчённо – через просьбу, совет, предложение. Например, следующее предложение встречается в 33 письмах из 168: «*Пропишите всё подробно, пожалуйста*».

16 раз в письмах повторяется высказывание «*Передавайте привет*». Значительно реже замечено категорическое побуждение: «*Больше денег не посылайте*» (Б. Т. Вихров), «*Не обижай сыновей*» (Ф. Высотин), «*Сообщайте я приму меры*» (Н. Ф. Балабанов).

Часто желания во фронтовых письмах представлены как просьба: «*Папа, я имею большую просьбу к тебе: достать, если сможешь, такие вещи: 2 пары тонких шерстяных носков, шерстяную маску на лицо, которая, как я узнал, пригодится в будущих практических походах*», «*Папа, прошу тебя прийти числа 14-го в военный городок и в контрольной будке спросить курсанта Широкова из 3 дивизиона 9 батареи 3 взвода. Очень прошу исполнить мою просьбу*» (И. И. Широков).

В письмах сибиряков-комбатантов в высказываниях, сопряженных с побуждением, выражаются преимущественно два типа желаний: желание коммуникации, сопряженное с побуждением адресанта к передаче информации автору письма; желание коммуникации, сопряженное с побуждением адресанта к передаче близким информации от автора письма; реже – личные желания–просьбы; совсем редко – желание дать наставление/совет (рис. 3).

Как видно на рис. 3, для КЯЛ комбатанта характерны оптативные высказывания, выражающие желание коммуникации, сопряженное

с побуждением адресанта к передаче информации автору письма. Это связано с тем, что потребность в коммуникации с близкими в условиях войны стоит особо остро. Отметим, что желание дать наставление, помочь советом представлено единичными примерами в форме категорического побуждения: «*Ты должна бодрить меня, вдохновлять, к этому ты сейчас призвана*», «*Воспитывай хорошего сына, настоящего сына, достойного тебя и меня*» (А. В. Седельников).

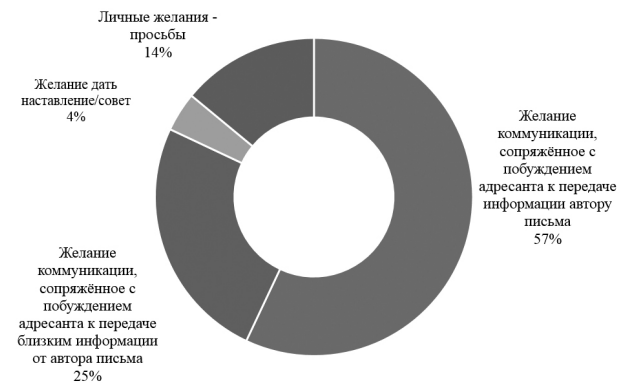

Рис. 3. Семантические типы высказываний, выражающих желание, сопряжённое с побуждением, в письмах с фронта

Fig. 3. Semantic types of statements expressing the wish, associated with motive, used in front line letters

Личные просьбы встречаются в 14% высказываний; связаны они в основном с мольбой о помощи либо с оказанием какой-либо услуги, которая должна упростить фронтовую жизнь комбатанта: «*Мама, к тебе у меня тоже очень большая просьба. Когда я был дома, то видел у тебя зелёный материал на гимнастёрку. Если можно будет, то удружи мне на одну гимнастёрку*» (И. И. Широков).

5. Высказывания, выражающие пожелание

Пожелание выражается лексико-грамматически: это «конструкция с глаголом *желать* (*пожелать*) в трёхвалентном употреблении: *желать (пожелать) кому-нибудь чего-нибудь*» [28: 181]. Глагол *желать* в письмах с фронта сибиряков-комбатантов чаще употребляется в 1-м лице единственного числа (в 93% высказываний): «*Желаю Вам всего дорогие родители и мои братья и сестренка доброго здоровья и всего наилучшего в Вашей дальнейшей жизни*» (Х. Кагиров), «*Желаю вам хорошей жизни и успехов в вашей работе*» (Н. Е. Шуляев). Эпизодически – три раза – пожелание выражается императивным высказыванием: «*Живи сама как лучше*» (В. Д. Кузнецов), «*Живите сами лучше*» (Х. Кагиров).

Наиболее часто сибиряки-фронтовики желают «всего хорошего» и «доброго здоровья» (рис. 4).

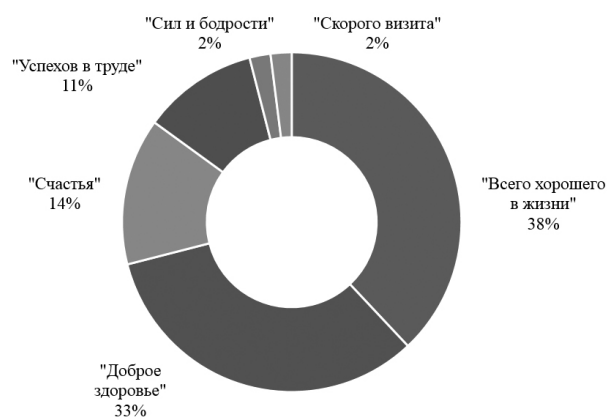

Рис. 4. Виды благ в высказываниях, выражающих пожелания, в письмах сибиряков-комбатантов

Fig. 4. Types of benefits in statements expressing wishes used in letters of Siberians combatants

Возможно, большинство пожеланий не столько отражают мировосприятие сибиряков-комбатантов, сколько служат стереотипными элементами писем того времени. Для обоснования этого требуется проведение дополнительного исследования на более обширном материале.

Заключение

Функционально-семантический анализ собранного материала показал, что во фронтовых письмах преобладают два типа оппозитивных высказываний: высказывания, выражающие собственно желание, и высказывания, выражающие желание, сопряженное с побуждением. В первом типе высказываний представлены: желание коммуникации с близкими, желание встречи, желание вернуться в родные места, в Сибирь, желание быть полезным. Во втором типе высказываний преобладают желание коммуникации, сопряженное с побуждением адресанта к передаче информации автору письма, и желание коммуникации, сопряженное с побуждением адресанта к передаче близким информации от автора письма. Таким образом, вербализованные желания КЯЛ сибиряков-комбатантов связаны непосредственно с поддержанием коммуникации с родными и близкими, а также с личными просьбами. При этом интересно, что комбатанты не только просят о помощи, но и готовы оказывать её сами, что обусловлено коммуникативной ситуацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карабуц-Бородина Л. А.* Языковая личность Владимира Набокова как автора художественного текста:

лексический аспект (на материале русскоязычной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 20 с.

2. *Дружинина В. В., Ворожбитова А. А.* Лингвориторическая парадигма идиостиля как выражение менталитета языковой личности учёного (А. Ф. Лосев). Сочи: РИО СГУ ТиКД, 2005. 152 с.

3. *Есенова Т. С.* Портрет языковой личности калмыцкого писателя и государственного деятеля А. М. Амур-Санана // Калмыкия – субъект Российской Федерации: история и современность. Элиста: Изд-во КГУ, 2005. С. 355–361.

4. *Иванова Е. Н.* Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка: первая половина XVIII века (на материале писем и распоряжений А. Н. Демидова): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 270 с.

5. *Кусаинова А. М.* Языковая личность Герольда Бельгера. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-gerolda-belgera> (дата обращения: 03.10.2017).

6. *Иванцова Е. В.* О термине «Языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-termine-yazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya> (дата обращения: 05.10.2017).

7. *Козлова Р. П.* Герои «Поднятой целины» как коллективная и индивидуальная языковая личность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/geroi-podnyatoy-tseliny-kak-kollektivnaya-i-individualnaya-yazykovaya-lichnost> (дата обращения: 11.10.2017).

8. *Мамаева С. В.* Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5–7 классов: дис. ... канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007. 202 с.

9. *Казаковцев С. В.* Отражение Первой мировой войны во фронтовых письмах её вятских участников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otrazhenie-pervoy-mirovoy-voyny-vo-frontovykh-pismah-ee-vyatskih-uchastnikov> (дата обращения: 07.09.2017).

10. *Иванов А. Ю.* Фронтовые письма участников Великой отечественной войны как исторический источник (по материалам республики Татарстан): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 249 с.

11. *Тажидинова И. Г.* Повседневные практики чтения в условиях Великой Отечественной войны (на материале фронтовых писем). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/povsednevnye-praktiki-chteniya-v-usloviyah-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-materiale-frontovykh-pisem> (дата обращения: 14.10.2017).

12. *Сухотерина Т. П.* Фронтовое письмо как жанр естественной письменной русской речи. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22483171> (дата обращения: 06.09.2017).

13. *Сухотерина Т. П.* Фронтовое письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24270460> (дата обращения: 07.09.2017).

14. *Купина Н. А.* Заложники идеологического авантюризма: испытание войной. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zalozhniki-ideologicheskogo-avantyurizma-ispytanie-voynou> (дата обращения: 06.09.2017).

15. *Лозунова Н. В., Мазитова Л. Л.* Человек на войне: эволюция мировосприятия (на материале частных писем Т. В. Антипина). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29664073> (дата обращения: 15.10.2017).

16. *Белов А. Г.* Фронтовые письма о любви. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25077408> (дата обращения: 20.09.2017).

17. Треблер С. М. Языковая личность учёного-воина в мемуарном тексте. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25092295> (дата обращения: 22.09.2017).

18. Чулкина Н. Л., Кольшиева О. Н. Семантические особенности концепта «Немец» (на материале фронтовых писем Великой Отечественной войны). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/semanticheskie-osobennosti-kontsepta-nemets-na-materiale-frontovyh-pisem-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 14.10.2017).

19. Кольшиева О. Н. Структурно-семантические особенности концепта «Война» (на материале фронтовых писем Великой Отечественной войны). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29388976> (дата обращения: 16.10.2017).

20. Книга памяти Красноярского края. Т. 7. Красноярск: РИП «ЛИБРА», 1996. 560 с.

21. Красноярск – Берлин. 1941–1945: историко-публицистическое краеведческое издание, посвященное 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Красноярск: Поликор, 2010. 448 с.

22. Психология: полный энциклопедический справочник / Б. Мещеряков [и др.]. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 896 с.

23. Фесенко О. П. Структура языковой личности через призму теории прототипов и категорий. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2014/02/2014-02-20.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).

24. Алтабаева Е. В. Концепт «желание» как лингво-философская категория. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-zhelanie-kak-lingvofilosofskaya-kategoriya> (дата обращения: 20.10.2017).

25. Губанова Н. Г. Категория волюнтаристичности в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2006. 26 с.

26. Бернова Д. В. К вопросу разграничения оптативности и дезидеративности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-razgranicheniya-optativnosti-i-deziderativnosti> (дата обращения: 25.10.2017).

27. Алтабаева Е. В. Категория оптативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 485 с.

28. Корди Е. Е. Оптативность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С.170–184.

29. Щербак М. И. Лексико-грамматическая специфика оптативности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 18 с.

30. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. Т. 3. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2002. 488 с.

REFERENCES

1. Karabuc-Borodina L. A. *Yazykovaya lichnost' Vladimira Nabokova kak avtora kxudozhestvennogo teksta: leksicheskij aspekt (na materiale russkoyazychnoj prozy)* [Language personality of Vladimir Nabokov as the author of the artistic text: lexical aspect (on the material of Russian-language prose)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ufa, 2000. 20 p. (in Russian).

2. Druzhinina V. V., Vorozhbitova A. A. *Lingvoritoricheskaya paradigma idiostilya kak vyrazhenie mentaliteta yazykovoj lichnosti uchyonogo (A. F. Losev)* [Lingvo-rhetorical paradigm of idiostyle as an expression of mentality of the scientist's language personality (A. F. Losev)]. Sochi, RIO SGU TiKD, 2005. 152 p. (in Russian).

3. Esenova T. S. *Portret yazykovoj lichnosti kalmyckogo pisatelya i gosudarstvennogo deyatelya A. M. Amur-Sanana* [Portrait of the language personality of the Kalmyk writer and statesman A. M. Amur-Sanan]. In: *Kalmykiia – sub'ekt Rossiiskoi Federatsii: istoriia i sovremennost'* [Kalmykia is a subject of the Russian Federation: history and modernity]. Elista, Izd-vo KGU, 2005, pp. 355–361 (in Russian).

4. Ivanova E. N. *Yazykovaya lichnost' v usloviyax formirovaniya norm russkogo literaturnogo yazyka: pervaya polovina XVIII veka (na materiale pisem i rasporyazhenij A. N. Demidova)* [Language personality in formation of the Russian literary language's standards: the first half of the 18th century (on the material of letters and orders of A. N. Demidov)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ekaterinburg, 2008. 270 p. (in Russian).

5. Kusainova A. M. *Yazykovaya lichnost' Gerol'da Bel'gera* (Gerold Belger's language personality). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-gerolda-belgera> (accessed 20 October 2017) (in Russian).

6. Ivancova E. V. *O termine "Yazykovaya lichnost'": istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya* (The term "Language Personality": origins, problems, prospects of use). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-terminyazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya> (accessed 05 October 2017) (in Russian).

7. Kozlova R. P. *Geroi "Podnyatoj celiny" kak kollektivnaya i individual'naya yazykovaya lichnost'* (The characters of "The Upturned Soil" as a collective and individual language person (towards the Sholokhov centenary)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/geroi-podnyatoj-tseliny-kak-kollektivnaya-i-individualnaya-yazykovaya-lichnost> (accessed 11 October 2017) (in Russian).

8. Mamaeva S. V. *Rechevoj portret kollektivnoj yazykovoj lichnosti shkol'nikov 5–7 klassov* [Speech portrait of the collective language personality of 5–7 grades school students]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Lesosibirsk, 2007. 202 p. (in Russian).

9. Kazakovcev S. V. *Otrazhenie Pervoy mirovoj vojny vo frontovyh pis'max eyo vyatskix uchastnikov* (Reflection of World War I in front letters its Vyatka participants). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/otrazhenie-pervoy-mirovoy-voyny-vo-frontovyh-pismah-ee-vyatskih-uchastnikov> (accessed 07 September 2017) (in Russian).

10. Ivanov A. Yu. *Frontovye pis'ma uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny kak istoricheskij istochnik (po materialam Respubliki Tatarstan)* [Front letters of participants of the Great Patriotic War as a historical source (on materials of the Republic of Tatarstan)]. Diss. Cand. Sci. (History) Kazan', 2009. 249 p. (in Russian).

11. Tazhidinova I. G. *Povsednevnye praktiki chteniya v usloviyax Velikoj Otechestvennoj vojny* (na materiale frontovyh pisem) (Daily reading practice in the conditions of the Great Patriotic War (on the material of front letters)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/povsednevnye-praktiki-chteniya-v-usloviyah-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-materiale-frontovyh-pisem> (accessed 14 October 2017) (in Russian).

12. Suxoterina T. P. *Frontovoe pis'mo kak zhanr estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi* (Letters from a war front as a genre of the natural written Russian speech). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22483171> (accessed 06 September 2017) (in Russian).

13. Suxoterina T. P. *Frontovoe pis'mo v kommunikativnoj situatsii Velikoj Otechestvennoj vojny* (A letter from

the front in communicative situation during the War). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24270460> (accessed 07 September 2017) (in Russian).

14. Kupina N. A. *Zalozhniki ideologicheskogo avantyurizma: ispytanie voynoy* (The hostages of the ideological gambling: to be trialled by World War II). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/zalozhniki-ideologicheskogo-avantyurizma-ispytanie-voynoy> (accessed 06 September 2017) (in Russian).

15. Logunova N. V., Mazitova L. L. *Chelovek na vojne: e'voluciya mirovospriyatiya (na materiale chastnyx pisem T. V. Antipina)* (Person in war: the evolution of perception of the world (based on private correspondence of T. V. Antipin)). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29664073> (accessed 15 October 2017) (in Russian).

16. Belov A. G. *Frontovye pis'ma o lyubvi* (Front letters on love). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25077408> (accessed 20 September 2017) (in Russian).

17. Trebler S. M. *Yazykovaya lichnost' uchyonogovoyna v memuarom tekstee* (The language identity of the scientist-soldier in the memoirs text). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25092295> (accessed 22 September 2017) (in Russian).

18. Chulkina N. L., Kolysheva O. N. *Semanticheskie osobennosti koncepta "Nemec" (na materiale frontovyx pisem Velikoj Otechestvennoj vojny)* (Semantic features of the concept "German" (on material of letters of the Great Patriotic war)). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/semanticheskie-osobennosti-kontsept-nemets-na-materiale-frontovyh-pisem-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed 14 October 2017) (in Russian).

19. Kolysheva O. N. *Strukturno-semanticheskie osobennosti koncepta «Vojna» (na materiale frontovyx pisem Velikoj Otechestvennoj vojny)* (Structural-semantic features of a concept "War" (on the material of front letters of the Second World War)). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29388976> (accessed 16 October 2017) (in Russian).

20. *Kniga pamyati Krasnoyarskogo kraja. T. 7* [Memory book of Krasnoyarsk Region]. Vol. 7. Krasnoyarsk, RIP "LIBRA" Publ., 1996. 560 p. (in Russian).

21. *Krasnoyarsk – Berlin. 1941–1945* [Krasnoyarsk – Berlin. 1941–1945]. Krasnoyarsk, Polikor Publ., 2010. 448 p. (in Russian).

22. *Psixologiya: polnyj e'nciklopedicheskij spravocnik* [Psychology: encyclopedic reference book]. Saint Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2007. 896 p. (in Russian).

23. Fesenko O. P. *Struktura yazykovoj lichnosti cherez prizmu teorii prototipov i kategorij* (Structure of the language personality through the prism of the theory of prototypes and categories). Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2014/02/2014-02--20.pdf> (accessed 20 October 2017) (in Russian).

24. Altabaeva E. V. *Koncept "zhelanie" kak lingvofilosofskaya kategoriya* (The concept "desire" viewed as a linguophilosophical category). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kontsept-zhelanie-kak-lingvo-filosofskaya-kategoriya> (accessed 20 October 2017) (in Russian).

25. Gubanova N. G. *Kategoriya volyuntativnosti v raznostrukturnyx yazykax* [Category of voluntative in multi-structural languages]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Cheboksary, 2006. 26 p. (in Russian).

26. Bernova D. V. *K voprosu razgranicheniya optativnosti i deziderativnosti* (To the question of differentiation of optativnosti and deziderativnosti). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-razgranicheniya-optativnosti-i-deziderativnosti> (accessed 25 October 2017) (in Russian).

27. Altabaeva E. V. *Kategoriya optativnosti v sovremennom russkom yazyke* [Category of optative in modern Russian language]. Diss. Doct. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 485 p. (in Russian).

28. Kordi E. E. *Optativnost'* [Optativity]. In: *Teoriya funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad, Nauka Publ., Leningr. otd-nie, 1990, pp. 170–184 (in Russian).

29. Shherbakova M. I. *Leksiko-grammaticheskaya specifikaya optativnosti v sovremennom russkom yazyke* [Lexical and grammatical specifics of optative in modern Russian language]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2016. 18 p. (in Russian).

30. *Slovar' russkix govorov Sibiri: v 5 t. T. 3* [Dictionary of the Russian Siberian dialects: in 5 vols]. Vol. 3. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otd-niye, 2002. 488 p.

Статья поступила в редакцию 04.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Starostin K. A. Вербализация желаний сибиряков-комбатантов в письмах с фронта времён Великой Отечественной войны (на материале писем мобилизованных на фронт жителей Красноярского края) // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 126–133. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-126-133>

For citation

Starostin K. A. The Verbalization of the Siberians Combatants' Wishes Used in Letters From the Front in the Days of the Great Patriotic War (Based on the Letters of Krasnoyarsk Territory Citizens Mobilized to the Front). *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 126–133. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-126-133>

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09-31+929 Пастернак
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 Пастернак Б.Л.
DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-134-142>

Н. И. Павлова
Саратов, Россия

Natalia I. Pavlova
Saratov, Russia

Речевые жанры в коммуникации «врач –
пациент» в романе Б. Л. Пастернака
«Доктор Живаго»

Speech Genres in the Communication “Doctor –
Patient” in the Novel by B. L. Pasternak
“Doctor Zhivago”

Статья посвящена исследованию речевых жанров в романе Пастернака, связанных с коммуникацией врача и пациента. В «Докторе Живаго» как «жанровой полиформе» актуализируется диалог врача с больным как неотъемлемая часть содержания романа, представленный характерными парадигмами врача и пациента. Из-за особенностей композиции данный речевой жанр обретает в романе целостность и смысловую завершенность благодаря способности «быть действием» и находиться в непосредственном контакте с действительностью, в непосредственном отношении к чужим высказываниям и переводу описания состояния пациента в план авторской речи. Выявлено, что во многих коммуникативных ситуациях в романе врачи выступают не только как клиницисты, но и как психологи, понимающие необходимость воздействовать на пациентов с невротическим синдромом.

Ключевые слова: речевые жанры, коммуникативная ситуация, диалог врача с больным, Пастернак, «Доктор Живаго».

The article is devoted to the study of speech genres, connected with the communication between the doctor and the patient in Pasternak's novel. In “Doctor Zhivago” as “genre polyform” the dialogue between the doctor and the patient becomes actual as an integral part of the content of the novel, represented by the characteristic paradigms of the doctor and the patient. Due to the peculiarities of composition this speech genre acquires integrity and semantic completeness in the novel because of the ability “to be an action” and to be in direct contact with reality, in direct relation to other people's statements and transition of the description of the patient's state into the author's speech plan. It is revealed that in many communicative situations in the novel doctors act not only as clinicians, but also as psychologists who understand the need to influence patients with neurotic syndrome.

Keywords: speech genres, communicative situation, the dialogue of the doctor with the patient, Pasternak “Doctor Zhivago”.

Сведения об авторе: Павлова Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и латинского языков.

Место работы: Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского.

E-mail: pim60@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6284-5330>

About the author: Pavlova Natalia Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and Latin Languages Department.

Place of employment: Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky.

E-mail: pim60@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6284-5330>

Речевой жанр (РЖ), по М. М. Бахтину, это относительно устойчивый тип высказываний, характеризующийся единством тематического содержания, стиля и композиционного построения и определяющийся условиями и спецификой сферы общения [1: 159–160]. На основании обозначенного «репертуара» РЖ и классификации составлена типология первичных и вторичных РЖ. Т. В. Шмелевой разработана модель РЖ, позволившая представить РЖ как систему, состоящую из коммуникативной цели, концепции автора и адресата, событийного содержания, фактора прошлого и будущего, языкового воплощения [2].

Под РЖ понимается обусловленная коммуникативной ситуацией словесная организация высказываний, которые характеризуются «целостностью и завершенностью, непосредственным контактом с действительностью, возможностью существования только через оппозицию к чужим высказываниям, целенаправленностью, способностью воздействовать на ситуацию речевого общения» [1: 159]; эмоционально-оценивающим отношением к действительности говорящих, в характере вербального и невербального поведения которых реализуется идейная концепция художественного произведения.

Рассматривая проблему РЖ в составе коммуникативного пространства медицинского дискурса на примере произведений писателей-врачей конца XIX – первой четверти XX в., Е. А. Пономаренко обосновывает закономерности взаимовлияния РЖ, описывает парадигмы жанров в речи пациента (жалоба, мольба и пр.) и врача (постановка диагноза, утешения и пр.), расширяет «паспорт жанра» за счет дифференциации признаков на константные (коммуникативная ситуация, стратегии и тактики речевого общения) и факультативные (невербальные средства общения, которые не могут быть рассмотрены вне категории авторства) [3: 32].

Анализируя особенности РЖ «диалог врача с больным» на материале произведений писателей-врачей с точки зрения их лингводидактического потенциала, А. Ю. Третьякова приходит к выводу, что в данном РЖ определяющую роль играет концепция адресата, что реализация РЖ в сфере сложных межличностных отношений обуславливает возможную переакцентацию и приводит к возникновению факультативных жанров (жалоба – постановка диагноза и пр.) [4: 164]. Действительно, выбор жанра и тональности зависит от конкретной ситуации, состояния больного, типа пациента, что убедительно показано не только в произведениях писателей-врачей, которые воспроизводят реальные коммуникации врачей, но и в романах, авторы которых не связаны с медициной. «Чудесные» доктора А. Куприна, Б. Пастернака, В. Аксенова, Л. Улицкой – прежде всего литературные персонажи, выразители сюжетного действия, элемент художественной системы произведения. Их диалоги с пациентами представляют собой жанровую и речевую стилизацию, обусловленную их профессией.

РЖ в коммуникации «врач – пациент» в романе Пастернака не были предметом специального изучения, хотя исследователи считают, что в романе «Доктор Живаго» (ДЖ), представляющем собой «жанровую полиформу», актуализируются все элементы коммуникации, особенно устной, в связи с чем «продуктивным представляется взгляд на роман с точки зрения функционирования в нем первичных речевых жанров» [5: 15]. Действительно, анализ РЖ, сложившихся в условиях непосредственного речевого общения врача и пациента, углубляет характеры созданных Пастернаком персонажей, а через них приводит к пониманию идейной концепции романа, связанной в первую очередь с его названием. Цель нашего исследования – выявить специфику речевых жанров, организующих речевое пространство врача и пациента в полифонической композиции романа Пастернака.

Коммуникация «врач – пациент», или диалог врача с больным (далее – ДВБ), как вторичный речевой жанр, представленный вопросно-ответным единством, является неотъемлемой частью содержания романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», в заглавие которого вынесена профессия главного героя. Так, будучи подростком, Юрий становится очевидцем сцены, в которой «травившаяся» женщина разговаривает с врачом. А сам Юрий Андреевич как врач показан в ситуации общения с пациентами, коллегами и «партизанским начальником» [6: 327]. В романе воспроизводится эмоциональное состояние персонажей, нуждающихся в медицинской помощи и получающих ее, описываются симптомы болезни, называются диагнозы, что дает основание выделить в поэтике романа такие РЖ, которые связаны с коммуникативными ситуациями – оказанием/принятием помощи доктора. Со стороны врача это РЖ установления контакта с пациентом; сбор информации о нем; сбор жалоб и анамнеза заболевания больного; осмотр пациента; сообщение диагноза; рекомендация. Со стороны пациента это РЖ жалобы, просьбы, мольбы, отказа от лечения (госпитализации), благодарности. В то же время ДВБ как жанр официально-деловой речи в ДЖ как бы «размывается», теряет свою «целостность и завершенность, непосредственный контакт с действительностью», «смысловую полноценность» [5: 26] из-за «фактуры» романа, которая «принципиально» строится в виде совмещения и наложения различных типов художественной речи, в котором разнотекучие модулы речи могут полифонически совмещаться друг с другом [7: 230–231].

Обратимся к двум репликам «бытового диалога», которым «в плоскости содержания романа» [1: 188] отводится весьма значимое место и анализ которых приводит к пониманию трагедии, произошедшей в семье Гишар.

«– Фадей Казимирович, милый, где ваша рука? Дайте мне вашу руку, – давась от слез и тошноты, говорила женщина. – Ах, я перенесла такой ужас! <...> И вот я жива.

– Успокойтесь, Амалия Карловна, умоляю вас, успокойтесь. Как это все неудобно получилось, честное слово, неудобно» [6: 61].

Одним из главных признаков данного высказывания является экспрессивная интонация (ЭИ), отчетливо звучащая в каждом слове коммуникантов. ЭИ, как конститутивный признак РЖ, по мнению М. Бахтина, является «одним из средств выражения эмоционально оценивающего отношения говорящего к предмету своей речи», а «значение слова отнесено здесь к определенной реальной действительности в определенных же реальных условиях речевого общения», что вызывает активную

ответную позицию (сочувствие, согласие/несогласие) [1: 192].

Коммуникативная цель (далее – КЦ) высказывания Амалии Карловны обусловлена ее желанием выразить свои чувства *признательности* Фадею Казимировичу, вызванные тем, что она осталась жива после того, как решила отравиться. Женщина словно оправдывается перед доктором, описывая свое душевное состояние и называя свои подозрения «глупостью», «расстроеным воображением» [6: 62]. «Травившаяся» трижды называет врача по имени-отчеству, что подчеркивает ее сентиментальность и преклонение перед его авторитетом, дважды просит его руку, как если бы просила поцеловать руку священника, что говорит и о сакральном отношении к врачу. Однако подобная импульсивность женщины, как и сам факт ее попытки отравиться, вызывает неодобрение доктора, что выражается дважды повторенной им фразой «неудобно». Фадей Казимирович выступает в данной коммуникативной ситуации (КС) не только как клиницист, но и как психолог, понимающий необходимость воздействовать на пациента с невротическим синдромом. Именно поэтому наблюдается переакцентуация, которая приводит к возникновению факультативного РЖ – упрека, обусловленного, кроме того, двумя взаимосвязанными факторами – *прошлого* и *будущего*: у Амалии Карловны «сердечные припадки сменялись припадками глупости» [6: 24], что она в очередной раз и продемонстрировала; а много лет спустя об этом происшествии говорят Юрий и Лара¹.

Само же высказывание, обусловленное КС экстренной медицинской помощи, стоит в ряду эпизодов, посвященных семье Гишар, являясь одновременно кульминацией и развязкой.

РЖ ДВБ как «типичная воспроизводимая жанровая форма» не ограничивается репликами пациента и врача. Его целостность и смысловая завершенность создаются благодаря способности РЖ «быть действительным», находиться в непосредственном контакте с действительностью и в непосредственном отношении к чужим высказываниям [1: 247–254]. В контексте анализируемой КС такими «чужими высказываниями» являются реплики А. Громеко «*Как вам не стыдно, Егоровна!*» [6: 58] и Юры «*Как тебе не стыдно шептаться у чужих?*» [6: 62], которые обрамляют ее,

придают ей завершенность и «подсказывают» именно эту тональность парадигмы РЖ врача.

В аналогичной КС, описанной В. Вересевым², в речи матери пациента та же ЭИ, те же КЦ и соответствующие ей РЖ *признательности* и *благодарности*. Однако доктор не пеняет женщинам. Его рефлексия обусловлена ощущением счастья, рефлексия Фадея Казимировича – щекотливой ситуацией.

За пределами РЖ ДВБ находятся РЖ, каждый из которых квалифицируется с точки зрения анкеты РЖ как его «языковое воплощение»: диалог Егоровны и Александра Александровича, невербальное поведение А. Громеко и его рефлексия на увиденное, «реплики бытового разговора» второстепенных персонажей, описание дороги к месту спасения человека.

РЖ ДВБ предваряется описанием действий «озлобленной прислуги» по оказанию *первой медицинской помощи*, причем «природа высказываний» обусловлена отношением к Амалии Карловне и облечена в соответствующие языковые формы: «Теперь эту старую дуру Гишарову *отпаивали* в двадцать четвертом, *давали ей рвотного и полоскали кишки и желудок*», а «горничная Глаша *сбилась с ног*, подтирая там пол и вынося грязные и внося чистые ведра» [6: 61].

Целостность и смысловая завершенность РЖ ДВБ обуславливается и благодаря такой стилистической особенности, как смена «точек зрения» «в плане фразеологии» [9: 36], которая позволяет автору перевести описание «травившейся» в план авторской речи, передающей эмоционально-оценивающее отношение персонажей к происходящему и явно совпадающей с их точкой зрения. Мальчики *слышат* громкий плач, *видят* лежащую на кровати мокрую от воды, слез и пота полуголую женщину, свесившую над тазом голову с прядями слипшихся волос, *слышат*, как она давится, задыхается от приступов слез и тошноты, *чувствуют* вонь клопов и «терпкий, вяжущий запах молодого грецкого ореха в неотверделой зеленой кожуре, чернеющей от прикосновения» [6: 61]. Но если мальчики отворачиваются, потому что «*стыдно и непорядочно* было смотреть туда», то доктору это непозволительно. Он сдержан, немногословен, но принципиален.

Внеречевая действительность представлена описанием отношений между участниками событий и речевых действий (Амалией

¹«– Однажды в номерах, когда травилась твоя мать. Поздно вечером. Мы были еще детьми, гимназистами. – А, я помню этот случай. Вы приехали и стояли в темноте, в номерной прихожей» [6: 397].

²– Доктор, голубчик! Дорогой! – в экстазе твердила мать. – Вы понимаете ли, что вы для меня сделали?.. Нет, вы не поймете!.. Господи, как мне вам сказать?... /И она хватала мои руки, чтобы целовать их. Екатерина Александровна, улыбаясь своими славными сумрачными глазами, горячо пожимала мне руку обеими руками. А я – я смотрел в глаза обеих женщин, сиявшие такою восторженною *признательностью*, и мне казалось, что я еще вижу в них исчезающий отблеск той ненависти, с которой глаза эти смотрели на меня три дня назад» [8: 560].

Карловой, Ларой и Комаровским. Мадам Гишар, несмотря на ее благоговейное отношение к доктору, не раскрывает ему причин своего поступка. Однако правота ее подозрений очевидна благодаря двум факторам – *прошлого* («Если мама узнает, она убьет ее. Убьет и покончит с собой») и *будущего* («Оба [Лара и Комаровский. – Н. П.] были довольны, что все обошлось так благополучно, тайна не раскрыта и травившаяся осталась жива»).

Так жанровая модель, включающая описание прагматической ситуации и параметры ее специфического языкового воплощения [2: 91], позволяет совместить «разнотекущие модусы речи» [7: 230–231] участников речевого действия и осмыслить идейную концепцию данной КС: поступок Амалии Карловны обусловлен аморальными действиями Комаровского, физически и психологически подавляющего мать и дочь. РЖ *благодарности*, звучащий из уст Амалии Карловны, обнажает трагедию не только ее самой, но и ее дочери. РЖ *успокоения* и *упрека* вызваны активной ответной позицией врача, не приемлющего подобный способ решения семейных проблем.

Рассмотрим специфику жанровой организации речевого общения врача и пациента в других эпизодах ДЖ.

Анализируя жанровое своеобразие романа Пастернака, О. А. Гримова квалифицирует лекцию Живаго у постели больной Анны Ивановны как «комплексный РЖ» «проповедь-лекция-эссе», а рассказ Палых видится исследователю как «неискаженная исповедь» «неблизкого авторскому миру ощущения» персонажа [5: 22]. При этом исследователь отмечает, что «проповедь пастернаковского героя не всегда адекватна адресату». Действительно, на первый взгляд кажется, что «де-юре» «трактующий о бессмертии» Живаго подчеркнута лишен права на «учительство»: он – «недоучившийся студент, поучающий прожившую жизнь женщину», но «де-факто» это право ему обеспечивается не социальным, а духовным статусом, «той самой причастностью к пониманию жизни, которое у Пастернака становится основой всех личностных компетенций» [5: 22].

Юрий действительно излагает Анне Ивановне свои мысли «естественника» по проблемам жизни и смерти, которые так взволновали женщину, что, возможно, и отвечает РЖ проповеди-лекции. Между тем лекция прочитана в контексте коммуникативной ситуации «врач – пациент» и звучит ответом на просьбу Анны Ивановны успокоить ее. Более того, автор словно подсказывает те РЖ и речевые события, которые используются в той или иной КС. Ливерий, например, пеняет доктору, что тот не выполняет своих просветитель-

ских обязанностей врача: «Нет того чтобы собрать штаб, осветить положение, прочесть руководству *лекцию* о цинге и мерах борьбы с нею» [6: 370]. В Институте гинекологии и акушерства Юрий читал *лекции*, в одной из которых он «осмелился коснуться» вопроса о мимикрии, в результате чего его подвергли осуждению: «И пошло! Идеализм, мистика...» [6: 405]. Лекция как РЖ представляет собой устное систематическое и последовательное изложение материала по какой-либо проблеме, теме вопроса, что и находит воплощение в анализируемой КС.

К РЖ проповеди обращаются персонажи, в число которых Юрий не входит. В своем дневнике доктор пишет: «Я не иду дальше сказанного, *не проповедую* Толстовского опрощения и перехода на землю» [6: 277], т. е. не пропагандирует каких-либо взглядов и идей. А по словам Глафиры, Симушка, «крест семьи, испытание», «второе пришествие *проповедует*, конец света» [6: 263]. Возможно, в случае с Симой это действительно «дискредитация жанра» [6: 21], поскольку проповедь – это речь религиозно-поучительного характера, произносимая священнослужителем в храме во время богослужения. В романе же данный РЖ обозначен как «беседа, носившая характер лекции» [6: 407], которую гостя читала хозяйке.

РЖ беседы как обмен мнениями по каким-либо вопросам, где используется аксиологический (оценочный) вид модальности, весьма востребован персонажами ДЖ, в том числе в коммуникации врача и пациента, даже если не обозначен автором. Именно поэтому мы считаем, что Пастернак во многих речевых ситуациях прибегает к стилизации РЖ.

Памфил говорит, что его «сказку не скоро сказать. В три года не выложить», и предлагает Живаго: «Слушай мою *правду колкую*, не взыщи, я тебе *всё в глаза скажу*» [6: 349].

Сказ – особый тип повествования, строящийся как рассказ некоего отдаленного от автора лица (конкретно поименованного или подразумеваемого), обладающего своеобразной собственной речевой манерой [10]. Правомерно ли правду, сказанную в глаза, называть исповедью? «Вот, *исповедовать* хотели...», – сокрушается Анна Ивановна, имея в виду исполнение совершения обряда покаяния в своих грехах перед священником.

Памфил действительно все «в глаза» говорит о своих зверствах, действительно откровенно признается в своих злодеяниях. Однако в его словах нет покаяния. Автор так структурирует ответы Памфила (трижды произносит «Запamятовал»), что становится очевидным его нежелание искренне и полно осознать свои убеждения, помыслы и дела. Именно

поэтому мы полагаем, что «правду колкую» целесообразнее отнести к РЖ признания, но не исповеди, и рассматривать в контексте общения с доктором, что обозначено сюжетом ДЖ: «недостаточное знание языка мешает» доктору Лайошу «толком расспросить» Памфила, у которого проявляются все признаки душевного заболевания, поэтому он просит Живаго «осмотреть» партизана.

Таким образом, чтобы «интерпретировать речевжанровые парадигмы в их соотношении друг с другом и авторскими коммуникативными стратегиями» [5: 15–16], необходимо учитывать «природу высказывания» [1: 160], обозначенную автором, после чего выявлять контекст КС, далее анализировать РЖ в соответствии с его «паспортом», «анкетой» [2: 93] и, наконец, в контексте романа.

Рассмотрим РЖ, использованные в КС Анна Ивановна – Юрий Живаго. КС представляет собой стилизованный ДВБ³, в котором использован ряд сменяющих друг друга РЖ, характерных для данной интенции.

«Вода в полоскательнице была слегка розовата от сплюнутой крови», «Больная плавала в поту и кончиком языка облизывала сухие губы. Она резко осунулась с утра, когда Юра видел её в последний раз» (*описание симптомов болезни Юрия*).

«Не ошибка ли в диагнозе? Все признаки крупозного. Кажется, это кризис» (*постановка предположительного диагноза*).

«Поздоровавшись с Анною Ивановной и сказав что-то ободряюще пустое, что говорится всегда в таких случаях, он выслал сиделку из комнаты» (*установление контакта*).

«Скажи мне что-нибудь... Успокой меня» (*мольба о помощи*).

«Ну что же мне сказать. Во-первых, завтра вам станет лучше – есть признаки, даю вам голову на отсечение» (*утешение*).

«Он расхаживал по комнате, говоря это. “Усните”, – сказал он, подойдя к кровати и положив руки на голову Анны Ивановны» (*оказание помощи*).

«Я становлюсь каким-то шарлатаном. Заговариваю, лечу наложением рук» (*рефлексия*).

«На другой день Анне Ивановне стало лучше» (*выздоровление*).

Заметим, что женщина не называет ни одной жалобы: Вот, исповедовать хотели... Смерть нависла... Может каждую минуту... Зуб идешь рвать, боишься, больно, готовишься... А тут не зуб, всю, всю тебя, всю жизнь... хруп, и вон, как щипцами... А что это такое?..

Никто не знает... И мне тоскливо и страшно» [6: 68].

ЭИ отчетливо звучит в каждом слове женщины: ее прерывистая, несвязная речь на первый взгляд передает ее физические страдания, кажется, что ей тяжело дышать. Однако несоответствие того, что она говорит, тому, как говорит, приводит к выводу, что это, скорее, апелляция к Юрию с целью вызвать к себе сочувствие, жалость. Бессодержательность речи в сочетании с формой ее выражения (простые неосложненные восклицательные предложения анафорического типа) свидетельствует о невысокой речевой культуре Анны Ивановны. Единственная яркая метафора, выраженная звукоподражанием «хруп, и вон, как щипцами», передает действительный страх смерти. Однако когда Анне Ивановне не удается вызвать жалость, она меняет тактику и начинает льстить. Апеллятивный тип общения сменяется другим РЖ – заискиванием: «Ты талантливый... А талант, это... не как у всех... Ты должен что-то знать...» [6: 68]. Автор отмечает этот переход своеобразной ремаркой: «Анна Ивановна замолчала. Слезы градом катились у нее по щекам. Юра ничего не говорил. Через минуту Анна Ивановна продолжала...» [6: 68]. Этот композиционно-стилистический прием становится одновременно и приемом невербальной коммуникации, обнаруживающим психологическое и эмоциональное состояние персонажей. Трансформированный фразеологизм «слезы градом катились» и подчеркнутая автором пауза – продолжала через минуту – говорят о притворстве Анны Ивановны.

Ряд экстралингвистических факторов обнаруживает, что данная КС не требует от Юрия специальных медицинских знаний. «Он взял руку Анны Ивановны, чтобы сосчитать пульс, а другой рукой полез в тужурку за стетоскопом», но больная «движением головы», символизирующим отказ от обследования, показывает, «что ей нужно от него что-то другое», и Юрий это понимает. Именно поэтому он молчит, предоставляя возможность высказаться, выплакаться. А это «что-то другое» выяснится уже в следующей сцене – Анна Ивановна сосватает Юрия и свою дочь.

Невербальное поведение Юрия (беспокойно заерзал по стулу, встал, прошелся и снова сел), его рефлексия (сам удивляясь, как это у него вышло) обнаруживают некоторое смятение человека, взявшего на себя ответственность за душевное состояние больной, испытывающей тоску и страх смерти.

³Сравним: «Пастернак не стремится к реалистичности речеизображения, ему важнее показать ценностную однопородность героев, способных к пониманию мира» [7: 21].

Речь Юрия Живаго с точки зрения парадигмы жанра врача представлена рядом простых вопросительных предложений, включающих и уточняющий вопрос в ответ на жесты Анны Ивановны: «Вы хотите знать мое мнение естественника?...» [6: 68].

Именно в этом контексте и рождается «экспромтом целая лекция», заданная той КС, которую продиктовала Анна Ивановна, *велевшая*, «как только придет Юра, безотлагательно прислать его к ней»: Юрий размышляет о смерти, жизни, таланте, выражает свое мнение о том, в чем убежден сам. Мы полагаем, что лекцию Юрия вряд ли можно квалифицировать как РЖ проповеди: в ней нет нравоучения, наставления, «учительства». Анна Ивановна успокоилась – именно об этом она и просит Юрия в начале их встречи, а это значит, что коммуникация состоялась.

Основным принципом использования РЖ *постановки диагноза* является восходящая градация, благодаря которой автор имплицитно сообщает о таланте юного Живаго, усомнившегося в поставленном врачами диагнозе и оказавшегося правым. Сначала описываются симптомы болезни Анны Ивановны, на основании симптомов предположительный диагноз ставится Юрием «про себя», в итоге констатируется, что причиной смерти Анны Ивановны «был долгий припадок удушья вследствие острого, вовремя не распознанного отека легких» [6: 87]. Последняя единица речи представляет собой стилизацию медицинского свидетельства о смерти и непосредственно связана со следующей КС, в которой две реплики – прозектора и главного врача больницы – звучат гимном таланту доктора Живаго: «Но все поражены. Эхинококк. Вот это, говорят, диагност! Только и разговору!»/«Черт знает что. Проходной двор, а не ординаторская, что за безобразия! Да, Живаго, представьте – эхинококк! Мы были не правы. Поздравляю. И затем – неприятность. Опять пересмотр вашей категории. На этот раз отстоять вас не удастся. Страшная нехватка военно-медицинского персонала. Придется вам понюхать пороху» [6: 87].

Разговор коллег в ординаторской представляет собой РЖ *информативного диалога*, который, по верному наблюдению О. Гримоной, «частично теряет свои функции передачи информации и становится неким индикатором аксиологической состоятельности героя» [5: 17], напоминает чеховский «диалог глухих». Живаго поздравляют не с рождением ребенка (об этом, скорее всего, и не знали), однако поздравление ассоциируется именно с этим событием. Следующее «Поздравляю!» звучит как бы на ходу, между делом, в контексте брюзжания и недовольства условиями рабо-

ты врача и известия о мобилизации. И потому в устах главного врача больницы «пересмотр категории» Живаго звучит как приговор.

Использованный автором чеховский прием – разрыв между прямым значением высказываний-реплик и смыслом, который они обретают в контексте, обнаруживает начало конфликта доктора Живаго с властью: если во «вторую осень войны» его мобилизация действительно выглядит как «назревшая неизбежность», то последующие события, связанные с его профессиональной деятельностью, выглядят более чем трагично.

Признанный коллегами «гениальным диагностом», Живаго в то же время не имеет в их лице поддержки, о чем он говорит с Ларой, и это речевое событие квалифицируется автором как выражение своего «образа мыслей» [6: 405], «привычный круг мыслей» [6: 344], овладевший Юрием Андреевичем. Таким образом, анализ КС у постели больной Анны Ивановны показывает, что Пастернак использует РЖ, характерные для коммуникации «врач – пациент», как одно из средств характеристики персонажей. В контексте романа данная КС демонстрирует фрагмент отношений Анны Ивановны и Юрия, который воспитывался в семье Громеко с десятилетнего возраста. Уже в следующей главе говорится, что Анне Ивановне становилось все легче и легче, что, кстати, прогнозировал Юрий, а ее характер углубляется другой КС, в которой Анна Ивановна показана еще более настойчивой и манерной. Ее назидательные реплики звучат в ответ на предостережение не говорить так эмоционально: «Чтобы я больше этих глупостей не слышала! Как вам не стыдно. И какой ты, Юра, после этого врач?» [6: 72].

ЭИ, характер вербального и невербального поведения Анны Ивановны обнаруживают состояние аффекта, в котором находится больная: ее речь изобилует восклицательными предложениями, наигранной интонацией, восхищением лесными страшилищами и пр. Принцип восходящей градации позволяет увидеть, как в результате игнорирования советами врача резко ухудшается состояние ее здоровья.

«Анна Ивановна снова закашлялась, на этот раз гораздо дольше. Приступ не проходил. Она все не могла отдышаться».

«Продолжая кашлять, Анна Ивановна схватила их соприкоснувшиеся руки в свои и некоторое время продержала соединенными. Потом, *овладев голосом и дыханием*, сказала:

– Если я умру, не расставайтесь. <> Вот я и сговорила вас, – прибавила она и заплакала» [6: 72].

Как и в предыдущих КС, данная жанровая модель ДВБ совмещает речевую и внеречевую

действительность, обуславливая выбор определенных парадигм в речи врача и пациента.

Остановимся на анализе КС, в которой актуализируется РЖ ДВБ, заданные рядом экстралингвистических факторов [3: 26–27] – необходимостью оказания и организации срочной медицинской помощи и предупреждения распространения сыпного тифа, вспыхнувшего в условиях крайне неблагоприятных социальных факторов.

– Так вы думаете, что это нервное потрясение? – с сомнением в голосе спросил Юрий Андреевич. – Проводите меня к больной (*сбор анамнеза*).

– Надо бы посмотреть ее, – сказал Юрий Андреевич. – Но всё равно, мне и так ясно. Это сыпняк, и притом в довольно тяжелой форме (*постановка диагноза*). Она порядком мучится, бедняжка (*выражение сочувствия, эмпатия*). Я бы советовал поместить её в больницу (*рекомендация по организации госпитализации*). Дело не в удобствах, которых вы ей предоставите, а в постоянном врачебном присмотре, который необходим в первые недели болезни (*убеждение в необходимости госпитализации*). Можете ли вы обеспечить что-нибудь перевозочное, раздобыть извозчика, или в крайнем случае ломовые дровни, чтобы отвезти больную, разумеется, предварительно хорошо закутав? Я вам выпишу направление (*превентивные меры*).

– Могу. Постараюсь. Но погодите. Неужели правда это тиф? Какой ужас (*рефлексия*)!

– К сожалению (*подтверждение диагноза на основе эмпатического слушания*).

– Я боюсь потерять ее, если отпущу от себя. Вы никак не могли бы лечить её дома, по возможности участвуя посещения? Я предложил бы вам какое угодно вознаграждение (*аргументированное упрощение*).

– Я ведь объяснил вам. Важно непрерывное наблюдение за ней (*аргументированный отказ*). Послушайте. Я даю вам хороший совет. Хоть из-под земли достаньте извозчика, а я составлю ей препроводительную записку. Лучше всего сделать это в вашем домовом комитете. Под направлением потребуется печать дома и еще кое-какие формальности (*совет и помощь в организации госпитализации*).

– У вас тут одна квартирантка тифом заболела (он назвал её по фамилии). Требуется предосторожности, чтобы не разносить заразу. Кроме того, больную надо будет отвезти в больницу. Я ей составлю бумагу, которую домком должен будет удостоверить. Как и где это сделать? (*противоэпидемическая общественная профилактика и организация госпитализации на уровне представителя власти*) [6: 200].

В данной КС определяющую роль играют два фактора: ЭИ, столь отчетливо звучащая в каждом слове коммуникантов, и «концепция адресата» (М. Бахтин), без которых не может быть высказывания. Врач и муж пациентки, постоянно меняясь коммуникативными ролями «говорящего» и «слушающего», слышат друг друга. Необходимый в данной КС «анализ апперцептивного фона со стороны врача» [4: 164] позволяет понять, как простые, четкие ответы Живаго позволяют избежать коммуникативных барьеров, которые могли быть вызваны защитной реакцией мужа пациентки в ответ на «нежелательный» диагноз.

Обратимся к анализу КС «Палых – Живаго» в аспекте РЖ ДВБ. Данная коммуникация входит в круг профессиональных обязанностей Живаго, находящегося в плену у партизан в качестве доктора. Необходимость «лечения душевных болезней амбулаторно, в походных условиях» приводит двух докторов к решению о проведении «психиатрической профилактики» [6: 339].

Принцип нисходящей градации позволяет оценить масштабы распространения «современного помешательства», которые «имеют форму инфекции, заразы: от заболевания самого типического свойства, носящие определенные черты времени, непосредственно вызванные историческими особенностями эпохи» до «солдата царской армии, очень сознательного, с природным классовым инстинктом, Памфила Палых» [6: 340].

Сначала к Живаго обращается доктор Лайош, называя *симптомы* «душевного заболевания»: «... помешался на страхе за своих близких. Очень сложная психология» [6: 340]. Затем начальник связи Каменнодворский описывает *объективные признаки и субъективные жалобы* партизана: «Что-то с ним творится неладное», «что-то психическое», «какие-то бегунчики, как он выражается. По-видимому, галлюцинации. Бессонница. Головные боли» [6: 343]. Оба высказывания квалифицируются как РЖ *описания симптомов болезни и просьбы о консультации*.

ДВБ начинается с *контактоустановливающего этапа* – «Ты напрасно, Памфил, думаешь, что семью пустят к тебе жить в палатку», создающего благоприятную атмосферу общения, *сбора анамнеза*: «Говорили, худеешь ты, пить-есть перестал, не спишь?» [6: 347].

Рассказ Памфила можно квалифицировать как РЖ *история настоящего заболевания*. Причины своего состояния здоровья партизан связывает с ухудшающейся на фронте обстановкой: «Плохо наше дело, военный доктор, наше дело табак. ... Вот и спи и ешь тут, изволь», «Даром что чугунный, скажишься, тро-

нешься. Вот, значит, и бегунчики мои» [6: 349]. Отсутствие РЖ *просьбы о помощи* объясняется отсутствием категории адресованности. Палых не слышит *рекомендаций, подбадривания* Живаго: «Годы без них обходился, ничего про них не знал, не тужил» [6: 347].

В коммуникации с Палых Живаго тоже показан как клиницист и психолог, в чем, по мнению А. Ю. Третьяковой, «заключается концепция автора», обеспечивающая «успешную реализацию речевого жанра», поскольку «слово врача может быть важнейшим фактором лечения» [4: 164]. Однако между коммуникантами нет завершенности речевого взаимодействия. Если коммуникативный барьер с Лайошом вызван фонетическими причинами, то с Живаго – социальными и психологическими.

Не объяснивший Живаго причину своих «бегунчиков» (ни за что парнишку погубил: «... приложился я и *хлоп*⁴ его на месте» – *фактор прошлого*), Памфил замыкается. Принцип градации раскрывает страшную трагедию (*фактор будущего*) человека, зарубившего в результате жену и трех детей и вскоре исчезнувшего из лагеря.

РЖ ДВБ сменяется РЖ *размышлений* доктора Живаго: «Удивительно, что он не наложил на себя рук тотчас после совершенного. О чем он думал? Что у него могло быть впереди? Какие виды, намерения?», *постановки диагноза* «Это был явный умопомешанный, бесповоротно конечное существование», *описанием* психопатологических *симптомов*: «... он бродил на свободе по лагерю, с упавшей на грудь головою, ничего не видя мутно-желтыми, глядящими исподлобья глазами. Тупо блуждающая улыбка нечеловеческого, никакими силами непобедимого страдания не сходила с его лица» [6: 358].

РЖ *постановки диагноза* Памфила читается в описании его внешности. Доктор отмечает «шишковатый лоб, производивший впечатление двойного вследствие утолщения лобной кости, подобием кольца или медного обруча обжимавшего его виски» [6: 347]. Живаго не мог не знать описанный Морганьи в 1761 г. синдром утолщения внутренней пластинки лобной кости, получивший название гиперостоза, последствием которого являются психические расстройства.

Именно поэтому мы полагаем, что с данной КС связан РЖ *внутреннего монолога* доктора, помешанного, по его словам, «на вопросе мимикрии», в частности, на экстериоризации – «удивительном переходе внутреннего во внешнее» [6: 405]. Умопомешательство красного партизана в сознании доктора имплицитно

связывается с прошлыми «подвигами» и убеждениями Палых, который «всегда за крайние меры, строгости, казни» [6: 340].

Таким образом, анализ РЖ в коммуникации «врач – пациент» показывает, что в романе Пастернака используются характерные для данного общения парадигмы, в которых явственно взаимодействуют элементы авторской оценки персонажей и художественно осмысленный профессиональный дискурс. Созданный Пастернаком образ гениального диагноста, признанного медицинским сообществом и отвергнутого ими же, покоряет своей человеческой и профессиональной чуткостью, которая эксплицитно и имплицитно обнаруживается в каждой описанной коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 7 т. М. : Русские словари, 1997. Т. 5. С. 159–286.
2. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–99.
3. Пономаренко Е. А. Жанры речи в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей-врачей). Симферополь : Дом писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.
4. Третьякова А. Ю. Особенности речевого жанра «Диалог врача с больным» в контексте русской культуры (на материале произведений писателей-врачей) // Изв. Южн. федерал. ун-та. Филологические науки. 2014. № 4. С. 161–170.
5. Гримова О. А. Жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 7–45.
6. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. : в 11 т. Т. 4. Доктор Живаго. М. : Слово, 2004. 7810 с.
7. Гаспаров Б. М. Временной контрапункт как формобразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Дружба народов. 1990. № 3. С. 223–242.
8. Вересаев В. В. Записки врача // Вересаев В. В. Собр. соч. : в 5 т. Т. 1. М. : Правда, 1961. 640 с.
9. Успенский Б. А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. СПб. : Азбука, 2000. 348 с.
10. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб. : Паритет, 2005. 320 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [The problem of speech genres]. Bahtin M. M. *Sobr. soch.* : v 7 t. Vol. 5. [Set of Works] Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, pp. 159–286 (in Russian).
2. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi* : sb. nauch. st. [Speech Genres : coll. of sci. art.]. Iss. 1. Saratov, GosUNTs "Koledzh", 1997, pp. 88–99 (in Russian).
3. Ponomarenko E. A. *Zhanry rechi v medicinskom diskurse (v proizvedenijah russkikh pisatelej-vrachej)* [She-

⁴Отметим сходство с аналогичным выражением Анны Ивановны: «хруп, и вон, как щипцами» [6: 349].

ech Genres in medical discourse (in the works of Russian writers-doctors)]. Simferopol, Dom Pisatelej im. Dombrovskogo, 2011. 208 p. (in Russian).

4. Tret'jakova A. Ju. Osobennosti rechevogo zhanra «Dialog vracha s bol'nym» v kontekste russkoj kul'tury (na materiale proizvedenij pisatelej-vrachej) [Features of the speech genre “Dialogue of the doctor with the patient” in the context of Russian culture (based on the works of writers-doctors)]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Southern Federal University Journal. Philological Sciences], 2014, no. 4, pp. 161–170 (in Russian).

5. Grimova O. A. Zhanrovoe svoeobrazie romana “Doktor Zhivago” [Genre peculiarity of “Doctor Zhivago” novel]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Newsletter], 2013, no. 2 (25), pp. 7–45 (in Russian).

6. Pasternak B. L. *Poln. sobr. soch: v II t.* [Complete Set of Works] Vol. 4. Doktor Zhivago. Moscow, Slovo Publ., 2004. 7810 p. (in Russian).

7. Gasparov B. M. Vremennoj kontrapunkt kak formo-obrazujushhij princip romana Pasternaka “Doktor Zhivago” [Temporary counterpoint as the formative principle of Pasternak’s novel Doctor Zhivago]. *Druzhiba narodov* [Friendship of People], 1990, no. 3, pp. 223–242 (in Russian).

8. Veresaev V. V. *Zapiski vracha* [Doctor’s note] Veresaev V. V. *Sobr. Soch: v 5 t.* [Set of Works]. Vol. 1. Moscow, Pravda Publ., 1961. 640 p. (in Russian).

9. Uspenskij B. A. *Pojetika kompozicii. Struktura hudozhestvennogo teksta i tipologija kompozicionnoj formy* [Poetics of composition. Structure of the artistic text and typology of the composition form]. S.-Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (in Russian).

10. Belokurova S. P. *Slovar' literaturovedcheskih terminov* [Literary Terms Dictionary]. S.-Petersburg, Paritet Publ., 2005. 320 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 10.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Павлова Н. И. Речевые жанры в коммуникации «врач – пациент» в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 134–142. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-134-142>

For citation

Pavlova N. I. Speech Genres in the Communication “Doctor – Patient” in the Novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 134–142. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-134-142>.

ЖАНРЫ СМИ

УДК 811.161.1'42:070

ББК 81.2Рус-5+76.0

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-143-147>

Р. Д. Урунова
Казань, Россия

Raisa D. Urunova
Kazan, Russia

К вопросу о способах авторизации текстов
и жанрах СМИ

To the Question of the Authorization of Texts
and Genres of media

В статье рассмотрено явление авторизации, понимаемое как сознательное или бессознательное выражение в тексте личности его создателя, выявляемое посредством анализа конкретных языковых средств. Корректная авторизация стала проблемой для современной медиасферы, поскольку в последнее время в журналистских текстах все больше и больше размывается форма ее выражения, и это даже стало одной из главных причин дегуманизации современных СМИ. Авторизация является одним из самых актуальных признаков журналистского текста, поскольку публицистика – это сфера личностной, субъективной, документальной, подлинной речи, поэтому описание образцовой в соответствии с требованиями жанров репрезентации автора имеет важное значение. Особое внимание в статье уделяется тому, каким образом качество и степень проявления авторских характеристик регламентируется в текстах, написанных в разных жанрах. Путем применения комплексного лингвистического анализа подробно описаны специальные вербальные структуры, которые журналисты используют для успешной собственной репрезентации в текстах разных жанров, и которые создают узнаваемую читателями форму авторизации.

Ключевые слова: дегуманизация СМИ, медиатекст, жанры СМИ, авторизация, речевые структуры, репрезентация автора, авторский метатекст, речевые включения.

The article considers the phenomenon of authorization, understood as the conscious or unconscious expression in the text of the personality of its Creator as revealed through the analysis of specific linguistic resources. A valid authorization is a problem for modern media, as recently in journalistic texts, more and more blurred her form of expression, and it has even become one of the main reasons for the dehumanization of modern media. Authorization is one of the most important characteristics of the journalistic text, because journalism is the sphere of personal, subjective, documentary of authentic speech, so the description of a model in accordance with the requirements of the genres of representation of the author is important. Special attention is paid to how the quality and degree of manifestation of the author's characteristics are contained in texts written in different genres. By applying an integrated linguistic analysis is described in detail special verbal structures that journalists use for successful self-representation in texts of different genres, and which create an identity of its readers authorization form.

Keywords: dehumanization of the media, media texts, genres, media, login, speech patterns, the representation of the author, the author's metatext, voice activation.

Сведения об авторе: Урунова Раиса Джавхаровна, доктор филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.

Место работы: Казанский федеральный университет.

E-mail: patova_k@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0630-8252>

About the author: Urunova Raisa Dzhavkharovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Humanitarian Disciplines.

Place of employment: Kazan Federal University.

E-mail: patova_k@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0630-8252>

Некоторые исследователи современной журналистики считают, что российские масс-медиа вслед за западными в настоящий момент переживают дегуманизацию, ставшую особой приметой не только сегодняшних СМИ, но и всего информационного общества в целом. Дегуманизация в общем смысле – это

действия, направленные на лишение субъекта прав, связанных с принадлежностью к человеческому роду. Но в эпоху постмодернизма этот феномен проявляется в чрезвычайно многообразных формах, одной из которых является моральное отстранение общества, часто наблюдаемое в последнее время в обычной

жизни. Как раз эта форма дегуманизации и характерна для современных СМИ.

В. В. Хорольский считает, что дегуманизация СМИ является следствием квазигуманизации, вызванной «глобализацией массмедиа, приводящей к унификации медийного стандарта, что порождает новые, подчас неожиданные, формы массовой культуры» [1: 218]. Он с сожалением отмечает закономерность этого процесса: «Конвейерные технологии масскульта, усиливая и ускоряя процессы визуализации, распространения философии гедонизма, самоцельного потребления материальных и духовных благ, создают квазигуманистический общепланетарный стандарт журналистского текста. Разнообразие интересов и диверсификация вкусов аудитории стали привычным фактом эволюции СМИ на современном этапе» [Там же]. К сожалению, проблемы гуманитарной сферы неизбежно вызывают проблемы смежных сфер: «Лингвоэкологические, лингвоэтические и культурно-речевые проблемы ... становятся следствием, а не причиной гуманитарных проблем в массмедиа» [2].

Н. И. Клушина рассматривает дегуманизацию СМИ через призму культурно-речевых проблем и одну из них видит в «пренебрежении к автору/авторству» журналистских текстов: «Размывание авторства – серьезная гуманитарная проблема, порожденная информационной эпохой и усугубленная бурным развитием Интернета. Автор как демиург своего оригинального текста, автор как выразитель самобытной авторской идеи сегодня терпит катастрофу» [Там же].

В связи со всем изложенным выше, на наш взгляд, сегодня необходимы детальные лингвистические разработки типов и способов выражения авторства журналистского текста в разных аспектах. Следует отметить, что эта задача не является новой, поскольку существует ряд научных трудов, посвященных понятиям: «автор текста», «образ автора», «авторская позиция» – которые неоднократно и разносторонне были описаны в филологической и журналистской теории текста в прошлом веке В. В. Виноградовым [3], М. М. Бахтиным [4], Р. Бартом [5], Ю. М. Лотманом [6] и детализированы современными учеными Н. Д. Арутюновой [7], Г. Я. Солгаником [8], И. П. Ильиным [9] и другими. Однако, несмотря на имеющийся материал, категория авторизации текста в жанрах журналистики до настоящего времени остается недостаточно изученной, и это тоже оказывает свое влияние на дегуманизацию СМИ. По этой причине вербальная репрезентация авторства в журналистском тексте должна быть изучена со всех сторон.

Классическое представление об авторизации в журналистике базируется на весьма простой мысли: каждый текст написан кем-либо, и поэтому обязательно несет в себе отражение личностных качеств автора. Под авторизацией в широком смысле понимается в той или иной степени субъективированный способ подачи информации в тексте [10], который в более узком смысле можно рассматривать как группу дополнительных смыслов, привносимых автором в сообщение о некотором «положении дел» в объективной действительности [11]. Важность авторизации для журналистского текста тонко подметил Г. Я. Солганик: «Публицистический текст по определению, по природе должен содержать в себе в большей или в меньшей степени черты, приметы авторской личности» [8: 78].

Даже если журналист нигде не использует прямых указаний на то, что он выражает свою собственную точку зрения, читатель все равно воспринимает текст как выражение его личностной авторской позиции, его знаний и представлений о жизни и о мире. В зависимости от того, будет ли автор скрыто или открыто выражать свое мнение и оценки, предлагать свои интерпретации или просто констатировать факты, можно говорить о степени авторизованности текста или разной активности авторизации.

Особые черты создателя отражаются как в содержательной структуре текста, так и в его выражении. Автор отображает свою позицию в тексте конкретными «речевыми структурами» [12: 273], которые и создают узнаваемую форму субъекта повествования. В основном в современном журналистском тексте применяются все способы авторизации, разработанные в художественной литературе, но в связи со спецификой сферы и появлением в последнее время моды на собственный стиль журналиста в массмедиа используются и свои особые приемы, располагающие конкретными языковыми средствами в разных жанрах.

Профессиональный подход к авторизации как текстовому приему в журналистике, на наш взгляд, должен осуществляться только в соответствии с требованиями к каждому конкретному жанру. Надо отметить, что этот на первый взгляд простой принцип довольно трудно применить в действительности, поскольку сегодня недопустимо большое количество журналистской продукции отличается не только «размытым авторством», но и размытыми жанровыми признаками. Не способствует исправлению ситуации и введенное в последнее время понятие «гибридная форма жанра» [13: 30], которое часто применяется к текстам, жанровая принадлежность которых вообще не определяется. Между тем коррект-

но выполненная авторизация журналистского текста позволит придать ему адекватные жанровые черты, что плодотворно скажется и на функциональном качестве информационного продукта.

В первую очередь необходимо выделить три основных способа вербального выражения автора в текстах СМИ – открытую авторизацию, закрытую и нулевую. Открытая авторизация – это прямое указание автора на самого себя в тексте путем использования специальных средств языка. Закрытая авторизация, напротив, заключается в отсутствии прямого указания субъекта текста на самого себя. Нулевая авторизация – это полное отсутствие вербальных средств авторской саморепрезентации в журналистском тексте.

Открытая активная авторизация является визитной карточкой журналистики. Она используется в качестве отличительного признака большинства художественных жанров, а также в любом репортаже, во всех типах очерка, журналистского расследования, может применяться в корреспонденции и пр. Открытая авторизация предполагает намеренную вербальную репрезентацию автора в тексте, причем журналист, как правило, целенаправленно придает своему образу черты, помогающие выполнению функции контента. Активность авторизации заключается в использовании автором журналистского текста личного местоимения *я*, притяжательных местоименных форм *мой, моя, мои* и глаголов в форме первого лица единственного числа для саморепрезентации.

По мнению С. И. Сметаниной, самой открытой формой авторства предстают метатекстовые включения, которые являются «непосредственной языковой декларацией автора». Кроме этого, она считает, что в авторском метатексте («вкраплениях») «Авторская рефлексия, добавляя субъективное в изложение, становится способом экспрессии и одновременно вводит новую информацию – об авторе и о реальном мире, которому он принадлежит» [12: 279]. В таких случаях журналист не прячет свое *Я* за повествователя и персонажа, а активно внедряет его в изложение, иногда вводя в текст и условного читателя, к которому обращается, используя местоимение и глаголы второго лица. В тексте формируется образ автора, который пишет о своем непосредственном восприятии предмета отображения, ставшего информационным поводом для журналистского материала. Эта форма авторизации является отличительным признаком таких жанров, как, например, репортаж: «Здесь зубов, даже самых безнадежных, не дерут, – сказал я себе. – Здесь их лечат, причем без боли». *И я не ошибся... Короче говоря, мой*

зуб, теперь как новый, крепко сидит в десне, и я спокойно грызу им орехи.

*А вот о том, что я видел и ощущал в чудо-кабинете, стоит рассказать подробнее. Во-первых, анестезия. Сначала доктор смазал мне воспаленную десну ароматическим гелем. «Это предварительное обезболивание», – пояснил; затем взял со стола нечто вроде авторучки, вставил в нее розовую капсулу и нитевидную иглу, которую при мне извлек из герметичного пакетика, и быстро что-то сделал во рту» («Московская правда»). В приведенном фрагменте нет прямого обращения к читателю, но речевая структура *стоит рассказать подробнее* так же, как и строй изложения, фактически создают текстовую форму обращения к читателю.*

Есть ряд жанров, в которых авторский метатекст почти так же активен, как и в текстах описанных выше. Так, в сатирических текстах (фельетон, памфлет) автор не должен «прятаться» и из этических соображений обязан «высмеивать» кого или что-либо от своего лица. По этой же причине должны быть активно авторизованы обличительные тексты (разоблачительные статьи, журналистские расследования). Авторские метатекстовые включения придают очеркам, особенно путевым, тональность особой интимности и лиричности.

Для большинства аналитических жанров характерна открытая пассивная авторизация. Открытость авторизации предполагает вербальную саморепрезентацию автора. Пассивность заключается в том, что автор репрезентирует себя способами, которые не являются прямым персональным указанием. К таким способам относится использование личного местоимения *мы* с притяжательными формами *наш, наше, наши* в корпоративном значении и глаголов в форме первого лица множественного числа. Это связано, во-первых, с требованиями языка, который в аналитических жанрах тонируется средствами научного стиля [12: 263], использующего авторское *мы* вместо *я*. Во-вторых, рассуждение, которое используется как базовое для аналитики, итак является довольно сильно субъективизированным речевым типом, поэтому нет необходимости усиливать его еще и прямым указанием на самого себя при помощи местоимения *я*.

Также пассивным способом является прием, распространившийся в российских СМИ в последнее время – это саморепрезентация автора при помощи какой-либо номинации, а также местоимений и глаголов в форме третьего лица, например, журналисты газеты «АиФ» часто называют себя «редакция «АиФ»». Довольно часто можно встретить репрезентацию автора словами: *корреспондент нашей газеты, наш репортер, журналист* и пр.

Особые способы пассивной авторизации характерны для жанров комментария и версии, которые и являются собственно персональным оценочным суждением, поэтому и должны содержать метатекстовые включения, отражающие авторскую позицию. «В материал «врезается» фотография автора комментария. Этим газета как бы подчеркивает, что текст комментария пронизан авторским «я», авторским восприятием, авторскими эмоциями» [14: 16]. «В итоге все категории льготников сохранились, а к ним добавились еще пособия по нуждаемости, которые даются семьям с доходами ниже прожиточного минимума! О чем говорят подобные метаморфозы, происшедшие, кстати, в недрах Госдумы, а отнюдь не в Министерстве финансов? Только об одном: депутаты (читай – мы с вами) еще не созрели для коренного пересмотра всей системы социальной помощи. А раз так – поиски виновных могут затянуться. Если, конечно, действительно, не назначить виновным Минфин. В конце концов, деньги-то у него...» («Российские вести»).

Для классических собственно информационных жанров характерна нулевая авторизация, которая представляет собой полное отсутствие в тексте любых авторских речевых структур, в результате чего достигается фактографическое отображение действительности, как в следующем фрагменте отчета под названием «**Раскрутим колечко!**»: «По второму вопросу было отмечено, что организация и финансирование названных работ ведутся пока не на должной высоте.

Количество автотранспортных средств, состоящих на учете в ГИБДД ГУВД г. Москвы, приближается к 3 млн единиц. Более трети из них старше 8 лет. Ежегодно в столице выбывает из эксплуатации и нуждается в утилизации почти 130000 автотранспортных средств. В связи с этим необходима модернизация действующих и создание новых перерабатывающих мощностей» (газета «Метро»).

Но все же следует отметить, что в некоторых информационных текстах (например, в расширенной заметке, интервью и отчасти в хронике и обзоре) довольно трудно вообще обойтись без авторских речевых структур, в которых представление о создателе текста все-таки выражено, хотя и слабо, скорее слегка намечено без личностных черт. Отчасти это является следствием того, что любой тип речи осуществляется в системе нравственных координат, которые, хотя и основываются на общекультурной базе, у каждого автора личностные. Эти координаты используются в качестве ориентиров и основы для изло-

жения, и их довольно трудно не выразить особенно в крупных по объему текстах. Например, во фрагменте расширенной заметки: «*Этим летом шведы у берегов Финляндии подняли со дна галеаса “Йончопинг” с тысячами бутылок редких вин на борту. ... И вот, наконец, первые бутылки “выплыли” на аукционе “Кристи” в Лондоне. К продаже заявлены только первые 24 бутылки – удачливый руководитель экспедиции Клас Бергваль пока приценивается*» – автора Наталью Грачеву репрезентируют оценочные слова «и вот, наконец», «выплыли», «удачливый», «приценивается» и ироничность стиля изложения. Эти средства создают ненавязчивое представление об отношении автора к событию, но не о его личных чертах. Этот способ относится к закрытому типу авторизации, для которого характерно отсутствие прямого указания автора на самого себя, но выражение своего отношения к предмету.

Закрытый тип авторизации не следует путать с нулевой, для которой характерно полное отсутствие вербальной саморепрезентации автора. В закрытом типе автор целенаправленно использует экспрессивные оценочные слова для выражения своего отношения к предмету отображения. Этот тип достаточно часто используется в аналитических жанрах.

В данной статье были рассмотрены только типовые способы авторизации современного журналистского текста. Дальнейшее выявление и всестороннее изучение способов выражения авторства публицистического текста позволит полнее представить не только особенности их вербализации, но и их функциональные свойства в жанрообразовании, что открывает большие возможности для использования этого материала в практике средств массовой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Хорольский В. В.* Гуманизм и дегуманизация в западных СМИ: Противоречия объективизма // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Ф. Агазовой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 216–219.
2. *Клушина Н. И.* Гуманистическая концепция современных массмедиа // Знания, мысли новости. URL: <http://www.radnews.ru> (дата обращения: 20.06.2017).
3. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1961. 616 с.
4. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
5. *Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс», 1989. С. 72–130.
6. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. 544 с.

7. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

8. Солганик Г. Я. Автор как стилиобразующая категория публицистического текста // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2001. № 3. С. 74–83.

9. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 613 с.

10. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: КомКнига, 2005. 350 с.

11. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.

12. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 376 с.

13. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: АспектПресс, 2000. 184 с.

14. Бобков А. К. Газетные жанры. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 2005. 86 с.

REFERENCES

1. Khorolsky V. V. Gumanizm i degumanizatsiia v zapadnykh SMI: Protivorechiia ob"ektivizma [Humanism and dehumanization in the Western media: Contradictions of objectivism]. In: *Gumanizatsiia informatsionnogo prostranstva v kontekste dialoga kul'tur: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 80-letiyu F. Agzamovoi* [Humanization of an information space in the context of dialogue of cultures: Materials of International scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of the F. Agzamova]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2016, pp. 216–219 (in Russian).

2. Klushina N. I. Gumanisticheskaia kontseptsiiia sovremennykh massmedia (The humanist concept of the modern mass media). *Znaniia, mysli novosti*. (Knowledge, thoughts news). Availavle at: <http://www.radnews.ru> (accessed 20 June 2017) (in Russian).

3. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriia stilei* [The Problem of authorship and the theory of styles]. Moscow, Gos. izd-vo khudozh. lit., 1961. 616 p. (in Russian).

4. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, Khudozh. Lit. Publ., 1975. 504 p. (in Russian).

5. Bart R. Mif segodnia [World today]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Izd. group "Progress" Publ., 1989, pp. 72–130 (in Russian).

6. Lotman Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles about semiotics of culture and art]. St. Petersburg, Academ. proect Publ., 2002. 544 p. (in Russian).

7. Arutyunova N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p. (in Russian).

8. Solganik G. Y. Avtor kak stileobrazuiushchaia kategoriia publitsisticheskogo teksta [Author as a stylistic category of the publicistic text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 10. Journalism, 2001, no. 3. pp. 74–83 (in Russian).

9. Ilyin I. P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoliitii: evoliutsiia nauchnogo mifa* [Postmodernism from the beginning to the end of the century: the evolution of scientific myth]. Moscow, Intrada Publ., 1998. 613 p. (in Russian).

10. Zolotova G. A. *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo iazyka* [Essay on the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Komkniga Publ., 2005. 350 p. (in Russian).

11. Vsevolodova M. V. *Teoriia funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli iazyka* [Theory of functional-communicative syntax: a fragment of applied (pedagogical) models]. Moscow, Izd-vo MGU, 2000. 502 p. (in Russian).

12. Smetanina S. I. *Media-tekst v sisteme kul'tury: Dinamicheskie protsessy v iazyke i stile zhurnalistiki kontsa KhKh veka* [Media-the text in the system of culture: Dynamic processes in the language and style of journalism of the late twentieth century]. St. Petersburg, Izd-vo Mikhailov V. A., 2002. 376 p. (in Russian).

13. Terlychnyy A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodicals]. Moscow, AspectPress Publ., 2000. 184 p. (in Russian).

14. Bobkov A. K. *Gazetnye zhanry* [Newspaper genres]. Irkutsk, Irkut. gos. un-t, 2005. 86 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 07.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Урунова Р. Д. К вопросу о способах авторизации текстов и жанрах СМИ // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 143–147. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-143-147>

For citation

Urunova R. D. To the Question of the Authorization of Texts and Genres of media. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 143–147 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-143-147>

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 81'42:004.738

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-148-153>

В. И. Карасик
Москва, Россия
Тяньцзинь, Китай

Vladimir I. Karasik
Moscow, Russia
Tianjin, China

Инструктивы в сетевом дискурсе

Рассматривается речевой жанр «инструктивы» в интернет-дискурсе. Основным содержательным признаком этого жанра является интенция оказать помощь адресату. Инструктивы представлены в виде советов, рекомендаций и инструкций. Можно противопоставить ответные и инициативные инструктивы, первые включают эксплицитно выраженную проблему и вытекающую отсюда просьбу о помощи и ответную реакцию, вторые представляют собой упреждающее предложение относительно решения некоторых вопросов. Рассматриваемые коммуникативные образования могут выражать как положительное, так и отрицательное отношение к адресату, часто содержат иронию, касаются как практических вопросов, так и смысловых установок и часто смыкаются с жанром развлекательных игровых высказываний – абсурдных либо «вредных» советов.

Ключевые слова: речевой жанр, сетевой дискурс, инструктивы, советы, ирония.

Instructives in Network Discourse

The article deals with a speech genre “instructives” in network discourse. Its basic feature is intention to help a communicative partner and it is represented in advice, recommendation and instruction. Its two main types include responsive and initiative instructives, the former express an explicit problem, a request to solve it and a reaction to it whereas the latter contain pre-active advice. The communicative entities in question are often ironic, they express either positive or negative attitude to a partner and illustrate either practical life-hacks or basic moral presumptions of living. Instructives in the web often merge with entertaining genres of playful sayings such as absurd or “harmful” advice.

Keywords: speech genre, network discourse, instructives, advice, iron.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва); профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (Китай).

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of General and Russian Linguistics Department.

Place of employment: Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow, Russia; Professor of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Сетевой дискурс представляет собой общение в социальной сети – в структуре взаимосвязанных субъектов, имеющих общие интересы. Электронный режим общения существенным образом повлиял на способы и содержание такой коммуникации. В электронной социальной сети произошло размывание границ между публичностью и приватностью [1, 2].

Традиционно понимаемое публичное общение характеризуется открытостью и доступностью содержания, коллективностью интеракции и реализуется письменно и устно в виде контакта индивидуума с большим количеством адресатов (включая неопределенно большое

их число). Тематика такой коммуникации предельно широка, его участники не обязаны хранить информацию в тайне, при этом они несут определенную ответственность за свое участие в таком общении. Типичные разновидности публичного дискурса – политическая, медийная, педагогическая и рекламная коммуникация. Форма такого общения отличается развернутостью выражения мысли, стилистической ориентацией на официальную коммуникативную дистанцию и предполагает отчетливую артикуляцию, использование нейтральной лексики и фразеологии и неразговорных синтаксических конструкций.

Приватное общение по своей сути противоположно по всем признакам общению публичному. Оно содержательно закрыто от посторонних (это принципиально общение между своими), имеет различные знаки защиты от несанкционированного доступа (понятные говорящим аллюзии, намёки, аббревиатуры и т. д.), стремится к минимальному числу участников коммуникации (в идеале – разговор тет-а-тет), предполагает, что партнеры по общению не будут сообщать полученную информацию другим людям, но и допускает отказ от ответственности за свои слова. Оно реализуется в обиходном дискурсе и отличается пунктирностью выражения мысли, ориентацией на сокращенную дистанцию общения, часто включает сниженную лексику и фразеологию, разговорные конструкции и нечеткую артикуляцию.

Так было до широкого распространения электронного сетевого дискурса. Отметим, что граница между устной и письменной речью и раньше в определенных жанрах была размытой. Надписи на заборах по форме являются письменными по исполнению, но по содержанию относятся к устному общению. Выступления с докладами на научных конференциях близки по содержанию к кулуарным разговорам на научные темы в рамках тех же самых форумов, но стилистически различаются в зависимости от степени знакомства коллег, их возраста, других статусных признаков, обстоятельств общения и возможности переключения тематики разговора.

В ряду жанров сетевого дискурса выделяется текстотип, содержанием которого является совет как ответное коммуникативное действие на чью-либо просьбу. Речевое действие «совет» и близкие к нему коммуникативные образования «инструкция» и «рекомендация» неоднократно рассматривались в лингвистической литературе [3–16]. Установлены конститутивные признаки этого речевого акта – бенефактивность и необлигаторность действия для адресата. В работах исследователей отмечены такие свойства рассматриваемого речевого действия, как его директивная базовая интенция, суггестивность как не прямое воздействие на адресата, подчеркивание самостоятельности адресата, который может сделать определенный выбор, импликация наличия опыта у говорящего и отсутствия такого опыта у адресата, наличие определенной программы в выполнении действия, дискурсивная специфика действия, которое может быть персональным либо институциональным (совет друга и совет врача), наличие тональных вариантов совета (совет-мнение, совет-намёк, совет-требование, совет-предложение, совет-упрёк и др.). Советы характеризуются раз-

ной степенью инициативности: в этом плане принципиально различаются ответные речевые действия и непрошенные советы.

Можно выделить три основных подхода к изучению советов и, соответственно, инструктивов как их более общего речежанрового феномена.

С позиций теории речевых актов мы рассматриваем структуру этого коммуникативного действия: 1) актанта А сталкивается с некоторой проблемой, 2) актанта А обращается к актанту В с просьбой о помощи в решении этой проблемы, 3) актанта В говорит, что было бы желательно сделать в этой ситуации, 4) актанта А выражает благодарность за сказанное. Центральным звеном в этом речевом акте является выражение пожелания в отношении решения проблемы. Эта базовая структура допускает расширения: например, актанта А, обращаясь к актанту В, сообщает о предыстории события и предпринятых действиях, актанта В приводит аргументы, объясняющие его совет. В случае непрошенного совета актанта В полагает, что у актанта А есть проблема, при этом актанта А может с этим не соглашаться и поэтому реагирует на совет отрицательно, игнорируя его либо вступая в конфликт с советчиком.

С позиций теории речевых жанров мы анализируем всю коммуникативную ситуацию, а именно: 1) характеристики участников общения, включая как непосредственных партнеров, так и свидетелей диалога, 2) обстоятельства и культурные конвенции общения, 3) используемые коммуникативные стратегии. При таком подходе в первую очередь противопоставляются личностно-обусловленные и статусно-обусловленные характеристики соответствующей ситуации. Значимым оказывается степень знакомства участников общения. Например, на сокращенной дружеской дистанции в случае участия нескольких коммуникантов в разговоре возможна ситуация, в которой актанта А получает одновременно несколько советов, которые могут радикально отличаться друг от друга.

С позиций лингвокультурных скриптов в центре нашего внимания оказываются нормы и предписания поведения, обусловленные системой ценностей в обществе. Так, например, в традиционной культуре тот, кто просит совета, может всячески подчеркивать опыт и мудрость того, к кому он обращается. Значимыми оказываются пауза между вопросом и ответом, степень аллегоричности в ответе, вербализация принижения себя и возвышения партнера в диалоге. Поскольку скрипт, или культурный сценарий, представляет собой разновидность концепта – кванта переживаемого опыта, его описание сориентировано

на объяснение его основных и сопутствующих признаков, на его экземплификацию в конкретных обстоятельствах общения и на те ценности, нормы и обыкновения, которые лежат в его основе.

Эти три подхода взаимодополнительны. С их учетом удалось выделить распространенные типы инструктивов в сетевом дискурсе: 1) совет с инициальной просьбой и положительной ответной реакцией, в которой содержится конкретное предложение по решению проблемы; 2) совет с инициальной просьбой и положительной реакцией, включающей уточняющий вопрос; 3) совет с инициальной просьбой и отрицательной ответной реакцией, в которой прямо или косвенно осуждается спрашивающий; 4) совет с инициальной просьбой и шутовой ответной реакцией; 5) инициативный совет по решению конкретного вопроса; 6) инициативный совет смысложизненного порядка; 7) шутовая имитация инициативного совета.

Первый тип инструктивов образует значительный массив обмена репликами в сетевом дискурсе и касается различных сфер жизни. Частотны просьбы о помощи со стороны неуверенных пользователей компьютеров и ответы, написанные опытными специалистами:

Привет всем. Случайно форматировал целый раздел жёсткого диска со всеми файлами и затем только понял, что раздел форматнул не тот, который нужно, естественно, все файлы пропали. Можно ли восстановить удаленные файлы и какую программу при этом применить? Самостоятельно пробовал использовать бесплатные утилиты по восстановлению данных, но восстановить ничего не получилось.

>В жизни любого человека бывают такие ситуации, когда нужные файлы удаляются с жёсткого диска и ему, естественно, срочно нужно их восстановить. Мой вам совет, если файлы архиважные, например, толковый (а не как раньше) план экономического развития России на ближайшие 15 лет, тогда включаем компьютер (лучше аварийно), берём в охапку системный блок и едем в сервис по восстановлению данных. Восстановить ваши файлы профессионалу будет намного легче, если до него не предпринималось никаких попыток восстановления непрофессионалом. Если вы решили восстанавливать удалённые файлы самостоятельно, то первое правило, не восстанавливать их на тот же самый жёсткий диск, где они и находились. Идеальный вариант, подключить ваш винчестер к другому системному блоку и с другой операционной системой, на которой установлены программы по восстановлению данных, и восстанавливать файлы на другой жёсткий диск. Если другого компьютера нет, восстанавливайте удалённые файлы на переносной жёсткий диск или флешку.

Обратим внимание на обращение в просьбе о помощи: автор обращается ко всем пользователям, имея в виду, что получит от-

клик от опытных товарищей. Общение носит анонимный характер. Излагается проблема, подчеркивается, что ошибка была случайной, говорится о том, какие действия были предприняты. Суть просьбы можно сформулировать в виде вопроса относительно способа решения проблемы. Ответ представляет собой развернутый совет, в котором констатируется типичность подобных проблем и предлагаются варианты их решения. Подчеркнем, что специалист рекомендует в первую очередь обратиться к специалистам, и только после этого советует выполнить конкретные действия по самостоятельному исправлению ситуации. Сначала сказано о том, чего делать нельзя. Иначе говоря, в основе подобных советов лежит первое правило Гиппократов: «Не навреди!». Тональность ответа соответствует дружескому общению на сокращенной дистанции. Используется инклюзивное междометие «мы» (в таких случаях говорят о «докторском Мы»: «Как мы сегодня себя чувствуем?»), прослеживается мягкая ирония специалиста (пример архиважного файла, фраза «берём в охапку»).

Много просьб о помощи размещено на специальных популярно-медицинских сайтах. Например:

Добрый день. Мне 20 лет и моя жизнь становится просто невыносимой. Я постоянно нахожу у себя симптомы болезней, которые впоследствии не подтверждаются. Замучил уже этим и себя, и свою семью. Но по-другому не могу. Что со мной? Я схожу с ума?

>Возможно, Вы страдаете одним из разновидностей тревожных расстройств – ипохондрическим расстройством. Обратитесь за квалифицированной помощью к психотерапевту, он поможет Вам подобрать адекватную терапию (психокоррекцию либо медикаментозную). Не все расстройства нашей нервной системы и психики относятся к традиционно психиатрическим, поэтому «с ума вы не сходите», но определенные проблемы у Вас явно есть.

В просьбе о помощи излагается проблема со здоровьем, прямо сказано, что самостоятельно человек с ней справиться не может. Специалист дает совет – обратиться к врачу, т. е. к лицу, получившему специальное образование и профессионально занимающемуся такими проблемами. Свой статус профессионала отвечающий показывает, используя специальную терминологию. Модальность просьбы и ответа в полной мере соответствует типичной тональности диалога пациента и врача: жалоба и утешение, при этом отвечающий избегает категорических суждений и, подчеркнем, иронии. Подобные развернутые советы касаются различных тем.

Второй тип инструктивов является разновидностью первого:

Доброго всем дня! Уважаемые родители, у кого дети страдали или страдают заиканием, посоветуйте, пожалуйста, хорошего логопеда или невролога. Спасибо!!!

>Добрый день. Вы не написали школьник или дошкольник. Если дошкольник, то на Генерала Тюленева, 23, детский сад 1210. Там есть группы заикания. Специалисты отличные работают. Во всяком случае, раньше так было. Надеюсь, что остались.

Отвечающий уточняет информацию и дает совет, касающийся одного из вариантов проблемы. Обратим внимание на оценку в совете и ссылку на личный опыт.

В интернет-дискурсе встречаются и отрицательные инструктивы. Этот тип советов выражает интенцию убедить спрашивающего воздержаться от каких-либо действий:

20 июня с.г. около 15 час. в автобусе маршрута № 235 после посадки на остановке метро Коньково, в сторону Теплового Стана упала пассажирка при резком торможении, получила серьезные травмы, просим откликнуться свидетелей, будем благодарны.

>Во всех автобусах есть предупреждения, что надо держаться во время движения. Здоровья вам, не тратьте время по судам.

Изложение проблемы стилистически соответствует протокольному заявлению в официальную инстанцию. Финальная фраза представляет собой формулу вежливости. Отвечающий дает совет не тратить время зря, поскольку вина за то, что произошло, лежит на потерпевшем. Приводится объяснение с эллипсисом (полностью нужно сказать «держаться за поручни»). Пожелание здоровья свидетельствует о добром отношении к инициатору диалога и о стремлении поддерживать сокращенную дистанцию общения.

Заслуживают внимания отрицательные инструктивы с иронической тональностью:

Уважаемые соседи, подскажите, пожалуйста, куда сдать старые пуховые подушки? Пользовались долгие годы, отслужили своё, может на вторсырьё или кому то на переработку пригодятся? Размер 70 х70.

>На помойку отнесите.

Отвечающий показывает, что проблема не заслуживает обсуждения. Думается, что спрашивающему будет неприятно увидеть такой совет.

Интересен тип шуточных советов в сетевом дискурсе.

Всем привет! Познакомлюсь с соседями и соседками по дому – просто так, потому что общительный. Пишите в скайп (приводится адрес):)

> у вас там же народу тьма на бутлерова... и все такие общительные

> в пятерочку днем спускайтесь – там бабулек общительных толпы)))

> А алканы вообще круглосуточно)

Участники общения поддерживают шуточную тональность общения, но при этом не откликаются на призыв установить контакт, они пишут, что можно зайти в продуктовый магазин возле дома (указан точный адрес – улица Бутлерова) и пообщаться с бабушками, которые любят поговорить, либо с праздными алкоголиками возле дома.

Инициативные инструктивы подразумевают исходную проблему, ответом на которую они являются. Выделяется два подтипа подобных советов. К первому относятся традиционные полезные советы, отражающие житейские уловки для решения практических проблем. В наши дни они получили название «лайфхаки» (англ. «взломы жизни»), способы нетрадиционного решения бытовых вопросов). Например:

Для удаления мелких царапинок, возникших на изделиях из стекла, поверхности следует протереть тканью, на которую нанесена зубная паста.

Чтобы люди не моргали на групповой фотографии, скажите всем, чтобы закрыли глаза и открыли их на счёт три.

Список таких советов практически бесконечен. Отметим, что подобные инструктивы не предполагают диалогических реакций.

Смысложизненные советы сориентированы на обдумывание некоторых вечных вопросов бытия. Например:

Ваш главный враг – в зеркале. Разберитесь с ним – остальные сами разбегутся (М. Литвак).

Сильный не тот, кто может положить на лопатки одним взглядом, а тот, кто может улыбкой поднять с колен! (Ж. Бинош).

Обычно подобные инструктивы выражены в виде афоризмов. Отметим, что подобные высказывания представляют собой жанровый сплав: по своей интенции они относятся к жизненным советам, но по глубине смысла – к предписаниям должного поведения и мировосприятия.

В Интернете широко распространены шуточные имитации советов. Они распадаются на два подтипа. К первому можно отнести абсурдные изречения в форме советов:

Чтобы руки не пахли рыбой, достаточно на несколько секунд опустить их в керосин.

Рубашку можно погладить с помощью кастрюли с кипятком.

Известно, что керосин имеет весьма резкий запах, но вряд ли его можно считать приятным. Днище разогретой кастрюли функционально соответствует утюгу, но пользоваться таким предметом для глажки и неудобно, и опасно.

В современном коммуникативном пространстве получил широкое развитие жанр «вредных советов» – карнавальное перевернутое

правил поведения. Этот прием эффективно использовал детский писатель Г. Остер. Появилось множество подобных текстов в Интернете. Например, вредные советы студентам:

Никогда не выключайте на лекции свой мобильный телефон. Никогда. Если вам позвонят, отвечайте громко и бодро. Не обращайтесь внимания на визг преподавателя. Повизжит и перестанет. После завершения разговора по мобильному телефону дайте преподавателю команду продолжить лекцию.

Приведенный пример в перевернутом виде иллюстрирует требование выключать мобильные телефоны во время лекций.

Практические советы могут получить отклик в виде иронического комментария, превращающего такой инструктив в абсурд:

*Как выучить английский язык за 5 минут
Всем нам хочется быстро что-то сделать – будь то помыть посуду или выучить английский. Но если посуду мы все же можем помыть за 5 минут, а то даже и меньше, то как же выучить английский за 5 минут? Не буду долго томить – в общем-то, это невозможно (по крайней мере, за один раз). Нет, выучить десяток другой слов, конечно же, можно – и даже нужно. Прямо здесь и сейчас наш вопрос нужно направить в нужное русло. Если предположить, что речь идет о запоминании английских слов и фраз по 5 минут в день – то, скажем, за 1 (один) месяц, при условии, что вы учите по 10–15 слов общеупотребительных слов в день, вы запомните почти 500 слов!
>Это значит, что за 100 лет можно выучить Большой Оксфордский словарь!*

Приведенный инструктив оформлен в виде медийного сообщения, заголовок которого должен захватить внимание читателя. Каждый трезвомыслящий человек понимает, что иностранный язык за несколько минут не изучается. Сравнение такого изучения с мытьем посуды превращает текст в шутку, но затем составитель этого послания сообщает об известных и в определенной мере банальных вещах. Специалисты заметят, впрочем, что изучение языка не сводится только к заучиванию слов. Возможно, поэтому комментатор и доводит до абсурда содержание исходного текста.

Резюмирую.

В сетевом дискурсе выделяется речевой жанр «инструктивы», системообразующим признаком которого является интенция оказать помощь адресату. Инструктивы представлены в виде полезных советов, рекомендаций и инструкций. Отсутствуют непрошенные советы. Противопоставляются ответные и инициативные инструктивы, первые включают эксплицитно выраженную проблему и вытекающую отсюда просьбу о помощи и ответную реакцию, вторые представляют собой упреждающее предложение относительно решения некоторых вопросов. В содержательном плане

инструктивы в сетевом дискурсе выражают положительное либо отрицательное отношение к адресату, часто являются ироничными, касаются конкретного практического вопроса либо смысложизненной проблемы и переходят в жанр развлекательно-игровых коммуникативных образований – абсурдных либо «вредных» советов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маклюен М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. М.: Жуковский, Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
2. Bennett L. Grounding the European public sphere: looking beyond the mass media to digitally mediated issue publics (KFG Working Paper Series, 43). Freie Universität Berlin, 2012. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-373517>.
3. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 16 с.
4. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
5. Васильева Э. П., Кирьянова С. В. Речевой акт совета и способы его выражения // Семантические и прагматические аспекты коммуникации. Самара: Изд-во СамГУ, 1993. С. 59–65.
6. Шеловских Т. И. Речевой акт совета: Функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. Воронеж, 1995. 16 с.
7. Бочарова М. В. Анализ прагматической интерференции при реализации речевого акта совета // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: сб. науч. тр. Воронеж: Петровский сквер, 1998. С. 21–23.
8. Рехтин Л. В. Речевой жанр инструкции: полевая организация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 18 с.
9. Архипенкова А. Ю. Выражение совета в английской и русской коммуникативной культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 17 с.
10. Бейлинсон Л. С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.
11. Соловьева А. А. Речевой жанр «совет» в разных типах дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 16 с.
12. Неустроев К. С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 22 с.
13. Корнилова Н. А. Жанр совета в медиадискурсе // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сб. материалов Всерос. конф., посв. 115-летию со дня рождения проф. И. А. Фигуровского. Елец: Изд-во Елец. гос. ун-та им. И. А. Бунина, 2014. С. 134–141.
14. Наумук О. В. Вербализация концепта «совет» в современной английской языковой традиции // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативные

но-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка / под ред. А. Г. Бердниковой. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 263–279.

15. Рогожников И. Н., Загороднева Е. Н. Дифференциация прагматических вариантов совета // Пространство в языке и речи: эколлингвистические и лингвокультурологические проблемы изучения и описания. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 203–209.

16. Шутова О. А. Инструкция как речевой жанр поучающего дискурса // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 68–70.

REFERENCES

1. McLuhan Herbert Marshall. *Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskiy, Kanon-Press-TS, Kuchkovo pole Publ., 2003. 464 p. (in Russian).

2. Bennett L. *Grounding the European public sphere: looking beyond the mass media to digitally mediated issue publics* (KFG Working Paper Series, 43). Freie Universität Berlin, 2012. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-373517>.

3. Shelinger T. N. *Netraditsionno vydeleyayemye kommunikativnyye yedinitiy sovremennogo angliyskogo yazyka* [Unconventionally distinguished communicative units of modern English]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Leningrad, 1986. 16 p. (in Russian).

4. Romanov A. A. *Sistemnyy analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya* [System analysis of the regulatory means of dialogic communication]. Moscow, In-t yazykoznaneya AN SSSR, 1988. 183 p. (in Russian).

5. Vasil'yeva E. P., Kir'yanova S. V. *Rechevoy akt soveta i sposoby yego vyrazheniya* [The speech act of the council and the ways of its expression]. In: *Semanticheskiye i pragmaticheskiye aspekty kommunikatsii* [Semantic and pragmatic aspects of communication]. Samara, SamGU, 1993, pp. 59–65 (in Russian).

6. Shelovskikh T. I. *Rechevoy akt soveta: Funktsional'no-pragmaticheskiy analiz (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Speech act of the advice: Functional and pragmatic analysis (on the material of the French and Russian languages)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 1995. 16 p. (in Russian).

7. Bocharova M. V. *Analiz pragmaticheskoy interferentsii pri realizatsii rechevogo akta soveta* [Analysis of pragmatic interference in the implementation of the speech act of the Council]. In: *Aktual'nyye problemy sopostavitel'nogo izucheniya germanskikh, romanskikh i slavyanskikh yazykov: sb. nauch. tr.* [Actual problems of comparative study of Germanic, Romance and Slavic languages: Coll. scientific works]. Voronezh, Petrovskiy skver Publ., 1998, pp. 21–23 (in Russian).

8. Rekhtin L. V. *Rechevoy zhanr instruksii: polevaya organizatsiya* [Speech genre of instruction: field organization]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 2005. 18 p. (in Russian).

9. Arkhipenkova A. Yu. *Vyrazheniye soveta v angliyskoy i russkoy kommunikativnoy kul'turakh* [The expression of advice in the English and Russian communicative cultures]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2006. 17 p. (in Russian).

10. Beylinson L. S. *Kharakteristiki mediko-pedagogicheskogo diskursa (na materiale logopedicheskikh rekomendatsiy)* [Characteristics of medical and pedagogical discourse (on the material of speech therapy recommendations)]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Volgograd, 2001. 20 p. (in Russian).

11. Solov'yeva A. A. *Rechevoy zhanr "sovet" v raznykh tipakh diskursa (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Speech genre "advice" in different types of discourse (based on the material of modern English)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 16 p. (in Russian).

12. Neustroyev K. S. *Sposoby vyrazheniya pobuzhdeniya i vozdeystviya (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Ways of expression of motivation and influence (on the material of modern English)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2008. 22 p. (in Russian).

13. Kornilova N. A. *Zhanr soveta v mediadiskurse* [The advice genre in media discourse]. In: *Aktual'nyye problemy sovremennogo yazykoznaneya i metodiki prepodavaniya yazyka: sb. materialov Vseros. konf., posv. 115-letiyu so dnya rozhdeniya professora I. A. Figurovskogo* [Actual problems of modern linguistics and methods of language teaching: coll. materials of All-Russia conf. The 115th anniversary of the birth of Professor I. A. Figurovsky]. Yelets, Izd-vo Yelets. gos. un-ta im. I. A. Bunina, 2014, pp. 134–141 (in Russian).

14. Naumuk O. V. *Verbalizatsiya kontsepta "sovet" v sovremennoy angliyskoy yazykovoy traditsii* [Verbalization of the concept of "advice" in the modern English language tradition]. In: *Prioritetnyye napravleniya lingvisticheskikh issledovaniy: obshcheteoreticheskiye, kognitivnyye, kommunikativno-pragmaticheskiye i funktsional'no-grammaticheskiye aspekty yazyka* [Priority areas of linguistic research: general theoretical, cognitive, communicative-pragmatic and functional-grammatical aspects of the language]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2013, pp. 263–279 (in Russian).

15. Rogozhnikova I. N., Zagorodneva Ye. N. *Differentsiatsiya pragmaticheskikh variantov soveta* [Differentiation of pragmatic variants of advice]. In: *Prostranstvo v yazyke i rechi: ekolingvisticheskiye i lingvokul'turologicheskiye problemy izucheniya i opisaniya* [Space in language and speech: ecolinguistic and linguocultural problems of study and description]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010, pp. 203–209 (in Russian).

16. Shutova O. A. *Instruktsiya kak rechevoy zhanr po uchayushchego diskursa* [Instructions as a speech genre of instructive discourse]. *Tavricheskij nauchnyy obozrevatel'* [Tavrian Scientific Observer], 2015, no. 2, pp. 68–70 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 31.08.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Инструктивы в сетевом дискурсе // Жанры речи. 2019. № 2 (22). С. 148–153. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-148-153>

For citation

Karasik V. I. Instructives in Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 148–153 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-148-153>

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

УДК 811.112.2'23+811.161.1'23

ББК 81.2Рус+81.2Нем

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-154-159>О. А. Кострова
Самара, РоссияOlga A. Kostrova
Samara, Russia**Принципы и практика контрастивного анализа жанров речевой коммуникации:****Рецензия на монографию В. Гладрова и Е. Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)»**

Рецензия представляет читателю монографию В. Гладрова и Е. Которовой, посвященную основным понятиям и методологии исследования межкультурного речевого поведения. Актуальность исследования не вызывает сомнений ввиду назревшей необходимости теоретического обоснования контрастивных исследований, с одной стороны, и систематизации типичных ситуаций общения – с другой. Монография решает обе задачи. Впервые проводится масштабное, методологически обоснованное сопоставительное описание моделей речевого поведения (МРП) в русской и немецкой лингвокультурах, проведенное на материале национальных корпусов русского и немецкого языков. Авторы критически оценивают понятие «речевой акт» и приходят к его обобщенному пониманию как набора речевых действий в типичной ситуации. Обобщенная МРП фактически получает статус речевого микрожанра. Впервые выводится алгоритм контрастивного анализа, по которому описываются 22 коммуникативные ситуации, типичные для речевого общения в рассматриваемых лингвокультурах. Центром, организующим МРП в коммуникативно-прагматическое поле, считается иллокуция говорящего. Для контрастивного сравнения используются понятия структурной эквивалентности и адекватности. Монография, содержащая новые теоретические положения и практическое межкультурное сопоставление МРП, несомненно вызовет живой интерес не только лингвистов, но и практических преподавателей немецкого и русского языков.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, речевой акт, модель речевого поведения (МРП), иллокуция, семантический примитив, коммуникативно-прагматическое поле, структурная эквивалентность, адекватность.

Contrastive Analysis of Speech Communication Genres:**Principles and Practice Book Review: W. Gladrow, E. Kotorova «Speech Act Patterns in Russian and in German: A Contrastive Presentation (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 p.)»**

This review presents a new monograph by Wolfgang Gladrow and Elisaveta Kotorova devoted to basic notions and methodology of intercultural verbal behavior. The increased necessity in the theoretical foundation of contrastive studies to the one hand and systematization of typical intercourse situations to the other shows the actuality of the research. In the monograph, the both tasks are solved. For the first time the book provides a large-scale description of «speech behavior patterns» (SBP) in Russian and German cultures, based on national corpora of Russian and German languages. The authors critically deal with the notion of speech act and come to conclusion, that it must be understood as a set of speech acts in a typical situation. The generic SBP is practically equal to a micro genre. The authors have elaborated the algorithm of contrastive analysis that has allowed describing of 22 communicative situations, which are typical for the cultures under analysis. A prototypical center, which organizes a certain SBP as a communicative-pragmatic field, is the illocution of the speaker. For contrastive comparison, the authors use the notions of equivalence and adequacy. The monograph includes a new theoretical framework and focuses on realized intercultural comparison of SBP. It serves a foundation for effective, innovative pedagogy and will be interesting not only for linguists but also for teachers of German and Russian.

Keywords: contrastive linguistics, speech act, speech behavior pattern (SBP), illocution, semantic primitive, communicative-pragmatic field, structural equivalence, adequacy.

Сведения об авторе: Кострова Ольга Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка.

About the author: Kostrova Olga Andrejevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Language.

Место работы: Самарский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: Olga_Kostrova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2044-6048>

Place of employment: Samara State University of Social Sciences and Education.

E-mail: Olga_Kostrova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2044-6048>

Контрастивный анализ востребован как в теоретической лингвистике, так и в практике вузовского и даже школьного образования. Несмотря на явную востребованность (вспомним хотя бы вузовский курс «Сравнительная типология родного и изучаемого языков»), теоретических работ в этой области непросто найти; авторы в основном заимствуют принципы анализа из общей типологии и сравнительно-исторического языкознания (см., например, [1]) или из внутриязыковых исследовательских тенденций [2: 12]. Отсутствует и практика системного сопоставления речевых жанров, столь необходимая в преподавании иностранных языков. На этом фоне с большим удовлетворением хочется отметить появление книги Вольфганга Гладрова и Елизаветы Георгиевны Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung» [3]. Книга посвящена выявлению специфики стратегий речевой коммуникации и сценариев речевого поведения в немецкой и русской лингвокультурах. Выбранный авторами аспект исследования до сих пор остается в отечественной лингвистике практически *terra incognita*. В зарубежной лингвистике этот аспект изучался с позиций методики преподавания иностранного языка. В монографии дается обзор, знакомящий читателя с этапами развития контрастивных исследований, связанных с речевыми актами, что само по себе представляет интерес для русскоязычной аудитории.

Рецензируемую книгу выгодно отличает то, что в ней представлена единая теоретико-методологическая основа системного контрастивного анализа коммуникативно-прагматических феноменов. Авторы обращаются к понятию речевого жанра в трактовке М. Бахтина, показывая жизненность этого понятия. Единицей контрастивного анализа избирается модель абстрагированных речевых действий (номинация, вынесенная в название книги – *Sprachhandlungsmuster*). Обращают на себя внимание терминологические различия. В названии авторы используют компонент *Sprachhandlung*-, дословно переводимый как *языковое действие*. В русской лингвистической традиции устоялся термин *речевое действие*, поскольку имеется в виду процесс производства речи. Немецкий термин, обозначающий речевой акт, соответствует английскому (*speech act*) и русскому эквивалентам – *Sprechakt* [4: 275]. Выбирая компонент

Sprachhandlung-, авторы подчеркивают, что их интересует не процесс производства речи как таковой, а обобщенный языковой результат этого процесса – обобщение возможных выражений какой-либо иллокуции, иными словами – модель речевого поведения (МРП) [3: 23–24]. Русский вариант перевода предложен самими авторами [3]. Каждая модель представляет собой связку (*Bündel*) глагольных и неглагольных действий, относящихся к ситуации межличностного общения. Всего таких ситуаций, отобранных по принципу частотности, с одной стороны, и специфичности в той или иной культуре – с другой, проанализировано в книге двадцать две, что свидетельствует о широте охвата жизненных ситуаций и фундаментальности проработанного материала. Чтобы представить эту широту и фундаментальность, достаточно сказать, что в имеющихся работах, выполненных даже на материале одного языка, не говоря о контрастивных исследованиях, обычно описываются средства выражения какого-либо одного речевого акта, например, просьбы или приказа, прямого или косвенного вопроса и под. Назовем некоторые из проанализированных в книге ситуаций. Это широко востребованные ситуации приветствия и прощания, казалось бы, достаточно известные в практике преподавания иностранных языков; ситуации, на которые обращается не так много внимания – особенно в плане контрастивного сопоставления – выражение благодарения и приглашения, извинения и соболезнования, поздравления и комплимента; востребованные в процессе подготовки к ЕГЭ ситуации согласия и отказа; ситуации, которые в процессе преподавания обходятся молчаливо, например, выражение угрозы или оскорбления; ситуации, выражающие разного рода побуждения к действию, такие как просьба, приказ, совет и некоторые другие. Уже простое перечисление ситуаций заинтриговывает и с особой убедительностью подчеркивает, что подобный анализ был возможен только на солидной методологической базе.

Авторы изложили свою концепцию в русском варианте [5]. Остановимся вкратце на ее основных положениях. Концепция сочетает идею естественного семантического метаязыка, выдвинутую А. Вежбицкой, и теорию коммуникативно-прагматического поля как организующего центра, позволяющего систематизировать средства выражения типичных речевых действий. В предлагаемой концепции

подкупает интеграция идей и методов, разработанных в разных лингвистических школах, что несомненно послужит толчком к развитию как отечественной, так и западной лингвистической мысли.

В монографии находит практическое применение теория естественных семантических примитивов, которая, по мнению авторов, не получила достойного признания. Насколько мне известно, в отечественной германистике отсутствует опыт анализа коммуникативных ситуаций с позиций этой теории. Приводимая в книге экспликация иллокуций говорящего позволяет отчетливо увидеть инвариантные компоненты речевого действия, универсальные для обеих культур. Эти инвариантные компоненты служат переходным звеном к теории коммуникативно-прагматического поля.

В отечественной лингвистике теория поля развивалась в основном в функционально-семантическом направлении [6], хотя на материале концептов и сложных предложений апробировались и другие подходы [7, 8, 9]. Речевой жанр изучался как поле М. Ю. Федосюком [10]. Тем не менее, обобщенные речевые акты как МРП структурируются в виде поля впервые. Логичным представляется определение поля как коммуникативно-прагматического в соответствии с функциями анализируемых единиц. К коммуникативно-прагматическим факторам относятся все невербальные феномены, влияющие на процесс выбора языковых форм для реализации коммуникативной цели. Авторы описывают три группы таких факторов: социальные, культурные и ситуативные [3: 30]. Сами по себе эти факторы известны в лингвистике; новизну представляет их обширный охват, систематизация и межкультурное сопоставление. Среди социальных факторов выделяются социальный статус коммуникантов и их принадлежность к определенным социальным и профессиональным группам, уровень образования, семейное положение и ряд других. Не остаются без внимания и биопсихологические факторы: пол, возраст и даже состояние здоровья коммуникантов. Учитываются национальная принадлежность субъектов речи (что особенно актуально в связи с проблемой миграции), региональные различия, языковая компетенция, а также психотип коммуникантов и степень их знакомства друг с другом. Столь подробная дифференциация делает возможным не только всесторонний учет языковых вариантов, но и их адекватное объяснение, а в контрастивном плане – выявление тончайших различий в употреблении даже внешне сходных МРП, имеющих аналогичную речевую реализацию в немецком и русском языках.

Не меньшую значимость при контрастивном сопоставлении имеют и культурные факторы,

тесно связанные с особенностями оформления речевых жанров. Здесь особенно важны знания этикетных норм и социальных стереотипов. Имеющиеся публикации по близкой тематике [11] вызывают читательский интерес, но явно недостаточны для сколько-нибудь полного освещения проблемы. Социально-культурные феномены, которые порой трудно разграничить, определяют выбор языковых образцов, ситуативные факторы формируют конкретные модели речевых действий.

Возвращаясь к теории поля, отметим, что продуктивным является приводимое в монографии уточнение центральных и периферийных признаков языковых единиц, входящих в его структуру. До сих пор основное внимание при определении этих признаков уделялось центральным компонентам [6: 31–36] и только в редких случаях в поле зрения исследователей попадали периферийные признаки [12: 7–8; 13]. В рецензируемой монографии центральные и периферийные признаки даются в оппозиции, соответствующей системному подходу [3: 34].

Наконец, особую ценность представляет, на наш взгляд, то, что коммуникативно-прагматические поля строятся на материале двух лингвокультур, при этом авторы предлагают алгоритм контрастивного исследования, который предусматривает описание типичных коммуникативных ситуаций и возможностей их реализации в рассматриваемых языках [3: 27]. Содержательной основой таких ситуаций служат надязыковые модели, выведенные авторами на основе семантических примитивов. Модель состоит из нескольких элементов высказываний, объединенных общей иллокутивной целью, которая не зависит от языка и культуры и служит организующим фактором соответствующей модели. Как отмечалось выше, авторы не просто определяют иллокутивные цели, но приводят их семантические экспликации, обнажая тем самым скрытые внутренние мотивы того или иного действия.

В книге используются понятия структурной эквивалентности и адекватности, заимствованные из теории перевода [14] и адаптированные авторами для контрастивного анализа. Эквивалентность понимается как системное соответствие языковых структур на основе функциональной идентичности. Это градуированное понятие, которое может проявляться как полное, частичное или нулевое совпадение структур в немецком и русском языках. Адекватность авторы интерпретируют как системное соответствие между реализацией МРП в русском и немецком языках, основанное на коммуникативной идентичности и равенстве иллокуций [3: 35]. В конкретном сопоставлении выделяются 4 случая сочетания

этих понятий [5: 34–35]. Учитывая принципиальную важность понятий для контрастивного анализа, выскажем некоторые соображения по этому поводу. К первому случаю относятся МРП, в которых эквивалентность и адекватность в обоих языках совпадают, например, при соответствии потенциально модального значения совершенного вида русского глагола модальному глаголу, эксплицированному в немецком образце: *Вы не скажете...?* и *Können Sie mir nicht sagen...?* [3: 36]. Заметим, что в этом примере ярко проявляется языковая идиоматика: функциональная идентичность реализуется при формальном несовпадении структур, имеющих аналогичное значение, имплицитированное в русском и эксплицитно выраженное в немецком языке. Ко второму случаю авторы относят МРП, в реализации которых прагматическая адекватность сочетается с неэквивалентностью языковых средств. Например, русские побудительные структуры прагматически адекватны немецким только тогда, когда в последние добавляются частицы, составляющие одну из характерных черт немецкого языкового строя. Частицы смягчают побуждение, которое без этого компонента звучит слишком грубо. Примеры авторов: *Дай чем писать!* и *Gib mal was zum Schreiben!* Третий случай не столь распространен, сюда относятся МРП, реализуемые в одном языке и отсутствующие в другом. Это относится, например, к специфическим приветствиям. Так в немецкой культуре есть особое приветствие в жаргоне рыбаков в честь покровителя рыбаков апостола Петра, отсутствующее в русском языке: *Petri Heil!* В свою очередь, в русской культуре для приветствия старших по чину военных используется выражение «Здравия желаю/желаем!», эквивалента которому нет в немецкой культуре. Наконец, авторы отмечают случаи, когда эквивалентность структур не ведет к прагматической адекватности, что можно наблюдать при дословном переводе некоторых конструкций. Например, в русской культуре принято поздравлять с такими праздниками, как Новый год и Рождество, используя перформативный глагол: *Поздравляю Вас с Новым годом!* В немецкой культуре с этими праздниками поздравлять не принято, поэтому дословный перевод не адекватен, перформативный глагол заменяется пожеланием; фактически поздравление реализуется в не прямой форме: *Ich wünsche Ihnen ein gutes Neues Jahr!* [3: 36]. Описание подобных случаев при анализе сопоставляемых МРП представляет особую ценность, поскольку вводит в соответствующий культурный код, отличающийся от кода родной культуры.

Структуру МРП авторы стремятся описывать на трех уровнях: пропозиционально-семантическом, конструктивно-синтаксическом и дискурсивном. Этот принцип, однако, не везде выдерживается. Не всегда последовательно описывается пропозиционально-семантический уровень, который зависит от содержания модели. Например, на этом уровне в МРП КОМПЛИМЕНТ выделяются четыре компонента: говорящий, адресат, речевое действие и его обоснование [3: 144]. Этот уровень в МРП ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ определяется авторами как двучленный, содержащий директиву (побуждение к действию) и репрезентатив (описание возможного негативного следствия) [3: 341]. На наш взгляд, здесь можно было бы учесть и адресата, поскольку действие совершается в его интересах. На конструктивно-синтаксическом уровне приводятся русские и немецкие синтаксические модели, используемые для выражения намерения говорящего. Небезынтересно отметить, что для выражения предостережения используются двучленные сочиненные структуры, в которых первый член в форме императива выражает желаемое действие, а второй член описывает негативное следствие, фактически служащее обоснованием побуждения. Эта модель является универсальной для немецкого и русского языков. Дискурсивный уровень предусматривает реакцию адресата, например, принятие или непринятие комплимента, а в некоторых случаях и анализ частотности модели. Так, о комплиментах утверждается, что женщины получают их чаще, чем мужчины, а русские женщины чаще, чем немецкие [3: 146].

Тщательность анализа, характерная для рецензируемой работы, не оставляет простора для критики. Хочется, тем не менее, спросить авторов, почему они отнесли *danke* к частицам? [3: 72]. Во всяком случае в словаре под редакцией Варига *danke* определяется как наречие и формула вежливости [15: 327]. Русское *спасибо* относится, как правило, к этикетным междометиям [16: 734].

Подводя итог, отметим, что поставленные в монографии проблемы открывают новые перспективы исследований. В теоретическом плане – это, в частности, дальнейшая проработка соотношения контрастивной эквивалентности и адекватности. В практическом плане – это необъятные возможности исследования других МРП, реализуемых в разных коммуникативных жанрах, не только устных, но и в письменных, и в смешанных жанрах общения в глобальной сети.

Остается лишь пожалеть о том, что монография остается трудно доступной для отечественных германистов. Хотелось бы пожелать опубликовать ее с разрешения издательства

на русском языке. В настоящем журнале начало этому положено [5; 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина С. П., Кострова О. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. 208 с.
2. Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich: russisch – deutsch. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987. 154 S.
3. Gladrow W., Kotorova E. Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung. Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.
4. Ulrich W. Wörterbuch linguistische Grundbegriffe. 5., völlig neu bearb. Aufl. Berlin; Stuttgart: Gebr. Borntraeger Verl. Buchh., 2002. 352 S.
5. Гладров В., Которова Е. Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 27–39.
6. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение, актуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 3-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 5–39.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 226 с.
8. Суворина Е. В. Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным в функционально-прагматическом поле атрибутивности (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 23 с.
9. Коломийцева О. Ю. Номинативные поля с семантическими центрами «терроризм» и «террористы» в газетном дискурсе ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012. 19 с.
10. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
11. Кострова О. А., Беспалова Е. В., Коломийцева О. Ю. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы. Самара: ПГСГА, 2015. 208 с.
12. Карышева А. В. Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 21 с.
13. Петрянина О. В. Локативность как периферийное средство выражения темпоральных отношений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 26 с.
14. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981. 248 с.
15. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik Verlag, 1986. 1493 S.
16. Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
17. Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: Сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 65–77.

REFERENCES

1. Anochina S. P., Kostrova O. A. *Sravnitel'naja tipologija nemeckogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of native and foreign languages]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 208 p. (in Russian).
2. Ohnheiser I. *Wortbildung im Sprachvergleich: russisch – deutsch*. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1987. 154 S.
3. Gladrow W., Kotorova E. *Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung*. Berlin, Peter Lang, 2018. 404 S.
4. Ulrich W. *Wörterbuch linguistische Grundbegriffe*. 5., völlig neu bearb. Aufl. Berlin, Stuttgart, Gebr. Borntraeger Verl. Buchh., 2002. 352 S.
5. Gladrow W., Kotorova E. Contrastive study of speech behavior patterns. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 27–39 (in Russian).
6. Bondarko A. V. Vvedeniye. Osnovaniya funktsionalnoy grammatiki [Foundations of functional grammar]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, localized temporality, taxis]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, pp. 5–39 (in Russian).
7. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST "Vostok – Zapad" Publ., 2007. 226 p. (in Russian).
8. Suvorina E. V. *Slozhnopodchinonnoye predlozheniye s pridatochnym opredelitelnyim v funktsionalno-pragmaticheskom pole atributivnosti (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka)* [Compound sentences with attributive clauses in functional-pragmatic field (on the matter of contemporary German)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2006. 23 p. (in Russian).
9. Kolomijceva O. Yu. *Nominativnyye polja s semanticheskimi centrarni "terrorizm" i "terroristy" v gazetnom diskurse FRG* [Nominative fields with semantic centers 'terrorism' and 'terrorists' in German newspaper discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2012. 19 p. (in Russian).
10. Fedosjuk M. Ju. *Nereshjonnyye voprosy teorii rečevykh žanrov* [Unsolved problems of speech act theory]. *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
11. Kostrova O. A., Bespalova E. V., Kolomijceva O. Yu. *Diskursivnyye stereotypy: mežkulturnyj aspekt konceptosfery* [Discourse stereotypes: Intercultural view of concept sphere]. Samara, PGSGA, 2015. 208 p. (in Russian).
12. Karysheva A. V. *Periferijnyye sintaksičeskije sredstva vyraženiya pričinnykh otnoshenij v sovremennom nemeckom yazyke i ich diskursivno-pragmatičeskij potencial* [Peripheral syntactical expression means of causal relations in contemporary German and their discourse-pragmatic potential]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2004. 21 p. (in Russian).
13. Petryanina O. V. *Lokativnost' kak periferijnoye sredstvo vyraženiya temporalnykh otnoshenij v sovremennom nemeckom yazyke* [Locality as peripheral expression mean for temporal relations in contemporary German]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2007. 26 p. (in Russian).
14. Latyshev L. K. *Kurs perevoda: Ekvivalentnost' perevoda i sposoby yejo dostiženija* [Manual of translation: equivalence of translation and how to reach it]. Moscow, Meždunarodnyye otnosheniya Publ., 1981. 248 p. (in Russian).

15. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. München, Mosaik Verlag, 1986. 1493 S.

16. *Russkaja grammatika*. T. I: *Fonetika. Fonologija. Udarenije. Intonacija. Slovoobrazovanije. Morfologija* [Russian grammar. Vol. I. Phonetics. Phonology. Accent.

Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian).

17. Kotorova E. G. The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study. *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 65–77 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 04.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кострова О. А. Принципы и практика контрастивного анализа жанров речевой коммуникации: Рецензия на монографию В. Гладрова и Е. Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)» // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 154–159. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-154-159>

For citation

Kostrova O. A. Contrastive Analysis of Speech Communication Genres: Principles and Practice Book Review: W. Gladrow, E. Kotorova «Speech Act Patterns in Russian and in German: A Contrastive Presentation (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 p.)». *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 154–159. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-154-159>

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 30.05.2019.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Цена свободная. Заказ 70-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.